

Минобрнауки Российской Федерации
Нижекамский химико-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский технологический
университет»

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА
КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

МОНОГРАФИЯ

**Нижекамск
2012**

УДК 316, 48 : 352

С 69

Печатается по решению редакционно-издательского совета Нижнекамского химико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВПО «КНИТУ».

Рецензенты:

Бурганова Л.А., доктор социологических наук, профессор;
Ахтямов А.М., доктор философских наук, профессор.

С 69 Социальные проблемы монопрофильного города как объект государственного и муниципального управления: методология социологического анализа : монография / Н.В. Губина [и др.] ; общ. ред. Н.В. Губиной. - Нижнекамск : Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2012. - 280 с.

ISBN 978-5-901702-37-6

В монографии авторским коллективом кафедры государственного и муниципального управления, социологии и менеджмента (ГМУСМ) НХТИ с социологических позиций обобщены теоретические и эмпирические концепции анализа социальных проблем монопрофильного города, показано, как влияет уровень проблематизации узкоспециализированных российских территорий на эффективность государственного и муниципального управления. Данные исследования являются научным направлением кафедры и посвящены 10-ти летнему юбилею с момента ее образования.

Монография составлена следующим образом: предисловие, заключение, главы 1, 3, 6 написаны Н.В. Губиной; глава 2 — И.В. Александровой; глава 4 — Н.И. Никифоровой; глава 5 — М.А. Тухватуллиной; глава 7 — Р.Р. Хайдаровым; глава 8 — М.А. Хамидуллиным; глава 9 — Р.С. Юнусовой.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, интересующихся изучением социальных проблем, развитием городов в условиях кризиса и стабильности, социологией управления и техникой социологических исследований.

УДК 316, 48 : 352

ISBN 978-5-901702-37-6 © Коллектив авторов, 2012
© Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ...	11
Осмысление социальных проблем современной русской социологией	11
Проблемное поле жизнедеятельности монопрофильных городов	27
Глава 2	
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ МОНОПРОФИЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ.	53
Теоретико-методологические основы исследования процесса воспроизводства населения	53
Процессы воспроизводства населения монопромышленного города: опыт социологического исследования.	66
Глава 3	
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ТОНУСОМ МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА.	102
Стратегия эмпирического исследования социального тонуса	102
Показатели эффективности управления социальным тонусом г.Нижекамска	110

Глава 4 ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА	135
Ценностные ориентации в системе социальных отношений личности	135
Опыт социологического исследования ценностных ориентаций населения монопрофильного города	144
Глава 5 ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	165
Информационные взаимодействия в системе муниципального управления	165
Исследование проблем удовлетворения информационных потребностей населения г. Нижнекамска	176
Глава 6 ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МОНОПРОФИЛЬНОМ ГОРОДЕ: РЕТРОСПЕКТИВА	188
Теоретические аспекты изучения общественного мнения.	188
Межнациональные отношения как показатель социальной напряженности	190
Глава 7 МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ: ДИАГНОСТИКА И УПРАВЛЕНИЕ	199

Методология и методика этносоциологического исследования	199
Современные исследования этнической идентичности нижекамского местного сообщества	203
Глава 8	
ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В МОНОПРОФИЛЬНОМ ГОРОДЕ	223
Теоретические основы исследования самоорганизации молодёжи	223
Показатели самоорганизации студенческой молодёжи г. Нижнекамска	234
Глава 9	
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ МОНОПРОФИЛЬНЫМИ ПОСЕЛЕНИЯМИ.	249
Методологические основы исследования манипуляции как технологии скрытого управления	249
Социологическая диагностика применения манипулятивных технологий в муниципальном управлении	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	275
ОБ АВТОРАХ	277

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате глобального экономического кризиса, приведшего к частичной или полной приостановке деятельности градообразующих комплексов, в 2008-2009 гг. была нарушена жизнедеятельность многих российских монопрофильных городов, в которых проживает 24% городского населения страны и производится 40% валового внутреннего продукта. После экстренного исследования состояний данного вида городов Минрегионом был сделан вывод о том, что необходимо срочно обратить внимание на состояние 250–280 моногородов. При этом в 60 из них ситуация была охарактеризована как кризисная, а в 17-ти она грозила взорваться в любой момент [9].

Массовые акции протеста в небольших городках и поселках (Росляково Мурманской области, Пикалево Ленинградской области, Светлогорье Приморского края) весной – летом 2009 года показали, что этот процесс подобен цепной реакции, которая может охватить и такие крупные города, как Тольятти (705,46 тыс. чел.), Нижний Тагил (375,71 тыс. чел.), Набережные Челны (506,12 тыс. чел.), Каменск-Уральский (180,93 тыс. чел.) и другие. Перекрытие федеральной трассы жителями Пикалево, приведшее к пробке на 438 км, вынудило В.В. Путина лично решать проблемы выплаты заработной платы работникам и снабжения сырьем остановившихся предприятий.

Все это сделало монопрофильные города центром внимания органов федеральной власти. Так на встрече с представителями Совета Федерации РФ в 2009 г. Президент России Д.А. Медведев заявил: «Это, наверное, один из самых сложных вопросов в текущей ситуации, с учетом очень негативного воздействия, которое кризис оказал на города, где существуют одно или два крупных предприятия». Премьер-министр В.В. Путин также уделил этому вопросу в 2009-2010 гг. большое внимание, о чем свидетельствуют сведения о заседаниях Кабинета Министров, сообщаемые в СМИ, и ответы на вопросы, когда В.В. Путин общался в прямом эфире с населением России.

Однако проблемы монопрофильных территорий носят не временный и ситуативный характер, а порождены негативной генетикой этих территориальных образований, которая под

воздействием внешних факторов только обостряется. Проблемы монопрофильных городов связаны с тем, что они возникали на основе принудительного перераспределения государством ресурсов и выступали как средство получения обществом некоторого экстенсивного эффекта, «как некоторый необходимый придаток производства, некоторая “гара” для размещения персонала» [2]. В результате естественное социальное развитие заменялось в этих городах административно-командным давлением, не способствующим, а препятствующим формированию полноценной городской культуры.

На наш взгляд, именно тот факт, что государство смотрело на монопрофильные города сквозь призму планового хозяйства как на средство «оптимизации» территориальных пропорций национального экономического пространства, не позволил развиваться им как культурным центрам, как очагам, способным выполнять функции «точек роста и развития».

Многие исследователи отмечают, что население монопрофильных городов обладает качественной спецификой в силу того, что живет в условиях неразвитой инфраструктуры, недостатка сети образовательных, научных, культурных учреждений, ограниченности выбора работы, остаточного принципа социального обеспечения, проблемы взаимной адаптации с огромным количеством мигрантов и людьми низкого интеллектуального уровня и много другого [7; 13]. Не менее проблемными являются и социальные процессы, протекающие в данных городах, так как их носителем является все то же население. Градообразующее предприятие также аккумулирует в себе разного рода проблемы – экономические, экологические, правовые, социальные. Поэтому можно считать, что главным источником проблем в монопрофильном городе выступает генетическая кризисность этой территориальной системы. Этот наш вывод согласуется с мнением А.С. Гаврина, указывающего, что управление монопрофильным городом – это управление кризисом [3, с.65].

При разрешении кризисности монопрофильного города необходимо выявлять его основные проблемы, о чем говорит и методологический подход Ж.Т. Тощенко. Раскрывая суть социального управления, он отмечает, что управление должно

интерпретироваться как «вычленение социальных аспектов всех процессов, происходящих в обществе, и решение социальных проблем».

На кафедре государственного и муниципального управления, социологии и менеджмента Нижнекамского химико-технологического института сложился богатый исследовательский опыт изучения социальных проблем такого конкретного монопрофильного города, как Нижнекамск.

В рамках научного направления «Управление монопрофильным городом: история, проблемы, перспективы развития» профессорско-преподавательским коллективом кафедры был осуществлен ряд исследовательских проектов. Так, на протяжении 10 лет изучались особенности развития социальной напряженности в трудовых коллективах организаций города и особенности формирования социального тона территории [5; 6]. Уделялось внимание изучению молодежных проблем [10]. Проводились исследования особенностей развития процессов рождаемости и смертности населения на монопрофильной территории [1]. Анализировались различные аспекты становления местного самоуправления [4]. Рассматривались различные модели формирования ценностных ориентаций населения [8]. Выявлялось негативное влияние на поведение населения использования муниципальными властями манипулятивных технологий управления [11]. Было проведено исследование социальных аспектов устойчивого развития города [12]. Изучалась эффективность информационных потоков муниципального управления [14].

В 2007-2008 году кафедра приняла активное участие в разработке Стратегического плана развития МО «Нижнекамский муниципальный район»: проводились массовые социологические опросы населения в г. Нижнекамске и пгт Камские Поляны, разрабатывались программы и мероприятия для социального раздела Стратегии, организовывалось их обсуждение и согласование с представителями муниципальных структур управления, а после принятия Стратегического плана его разработчики приняли непосредственное участие в разработке практических шагов по его внедрению и выполнению.

Все эти материалы и легли в основу данной монографии, которая посвящена 10-летию юбилею кафедры государственного, муниципального управления, социологии и менеджмента.

Список литературы

1. Александрова, И. В. Воспроизводство населения как объект социального управления (на примере монопромышленного города) / И. В. Александрова. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 168 с.
2. Ахизер, А. С. Воплощение свободы или средоточение зла? / А.С. Ахизер [Электронный ресурс]. – http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=41358
3. Гаврин, А. С. Управление кризисом / А. С. Гаврин // Местное самоуправление в России: Сборник докладов по правовым и методологическим проблемам развития. – М., 2000. – С.39-50.
4. Гильманов, А.З. Становление местного самоуправления монопромышленного города: реальность и перспективы: монография / А. З. Гильманов, Р. Р. Хайдаров. – Нижнекамск: Изд-во НФ КГТУ им. А.Н. Туполева, 2008. – 186 с.
5. Губина, Н.В. Социальный тонус монопрофильного города: проблемы методологии исследования и управления: монография / Н. В. Губина. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2010. – 240 с.
6. Губина, Н.В. Социальная напряженность в монопрофильном городе: опыт социологического исследования: монография / Н. В. Губина. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 396 с.
7. Ишкинеева, Ф. Ф. Монопромышленный город в условиях реформирования общества (на материалах г. Набережные Челны) / Ф. Ф. Ишкинеева // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008 [Электронный ресурс]. – http://www.isras.ru/abstract_bank/1209118745.pdf
8. Никифорова, Н. И. Ценностные ориентации населения монопромышленного города (на примере г. Нижнекамска РТ) / Н. И. Никифорова. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – 152 с.
9. О моногородах позаботятся: Взгляд: Деловая газета [Электронный ресурс]. – <http://vzrute2.goodoo.ru/economy/2009/9/29/332041.html>
10. Потапова, С.А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах г. Нижнекамска) / С.А. Потапова. – СПб: Изд-во «Инфо-да», 2005. – 142 с.
11. Рафикова, Р.С. Манипулятивные технологии управления на муниципальном уровне: автореф. дис...канд. соц. наук / Р.С. Рафикова. – Казань: КГТУ, 2006. – 24 с.

12. Репина, Ю.А. Социально-управленческие аспекты устойчивого развития монопрофильного города: автореф. дис...канд. соц. наук / Ю.А. Репина. – Казань: КГТУ, 2009. – 24.
13. Социальное проектирование ; под ред. Ж. Т. Тощенко, Н. А. Аитов, Н. И.Лапин. – М.: Мысль, 1982. – 254 с.
14. Тухватуллина, М.А. Информационные потоки в целевом управлении на муниципальном уровне: социологический анализ:автореф. дис...канд. соц. наук / М.А. Тухватуллина. – Казань: КГТУ, 2010. – 24 с.

Глава 1

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ГОРОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Осмысление социальных проблем современной российской социологией

Суть жизни и *индивида*, и *общества* заключается в непрерывном и перекрестном решении проблем. Проблемы возникают при невозможности удовлетворения потребностей. Совместная общественная жизнь индивидов предполагает, что, решая свои собственные проблемы, индивид, часто помимо своей воли, решает проблемы социальные. В свою очередь, основой жизни общества, его воспроизводства и развития даже в самые тяжелые, «смутные» времена выступает то обстоятельство, что оно, решая общие (социальные и глобальные) проблемы, так или иначе, решает проблемы индивидов [26, с.32].

Впервые термин «социальная проблема» появился в литературных источниках Германии в 1835 году. Он использовался для обозначения неравномерного распределения богатства. В современной социологии социальная проблема часто понимается как социальная патология, социальная дезорганизация, дисфункция, социальное противоречие, структурное напряжение и т.д., т.е. то, что имеет определенный уровень, темп развития или другие количественные характеристики [29, с.33-34]. Однако эту нежелательную ситуацию можно и необходимо изменить [29, с.9-10].

Рассматривая структуру социальных проблем, согласимся с Ч. Миллсом, который считал, что одно из достоинств социологического воображения заключается в том, что оно дает возможность различать понятия «личные трудности» и «общественные проблемы». *Личные трудности* – это то, что не выходит за рамки компетентности и непосредственной сферы жизнедеятельности индивида. Они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой. Трудности могут быть разрешены с опорой на опыт и непосредственное

окружение индивида. *Общественные проблемы* – это то, что выходит за вышеназванные индивидуальные рамки и затрагивает институциональный уровень жизни общества. При их возникновении под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества. *Общественная проблема* говорит о том, что нарушена структура возможностей человека в обществе, поэтому, «чтобы правильно сформулировать проблему и определить уровень ее возможных решений, надо принимать во внимание экономические и политические институты общества, а не только личные ситуации и особенности характера отдельно взятых индивидов» [14, с.17-18]. При этом немаловажным является замечание Герберта Блумера, который отмечает, что социологи начинают распознавать, идентифицировать и анализировать социальную проблему только после того, как общество признает, что проблема существует [4, с.150-151]. Это, по его мнению, снижает эффективность социологических исследований, делает их конъюнктурными.

По мнению И.Г. Ясавеева, традиционный подход к рассмотрению социальных проблем после их осознания общественностью не способствует профилактике возникновения и скорейшего разрешения данного социального явления. Не оспаривая эту точку зрения, скажем, что для решения органами муниципального управления социальных проблем города, на наш взгляд важно в первую очередь решать именно осознанные населением проблемы. Поэтому массовые опросы общественного мнения должны проводиться регулярно, а их результаты должны оперативно использоваться органами управления для принятия управленческих решений.

Поэтому в рамках данной работы мы обратимся к методологии исследования социальных проблем и постараемся показать, что без социологического анализа социальных проблем невозможно осуществлять эффективное управление ни на муниципальном, ни на государственном уровне.

Социетальная трансформация российского общества привлекла и привлекает пристальное внимание ученых в силу того, что она часто сопровождается негативными последствиями для жизнедеятельности социума. В рамках тематики данных исследований социологи обращают свое внимание на такие социальные проблемы, как: «демографический кризис» (О.Д. Захарова [10, с.100]), «социальная аномия» (В.А. Попырина [17, с.153]) «социальное неблагополучие» (А.А. Давыдов [8, с.119]), «безработица» (М.А. Гуревич и др., Г.И. Осадчая, С.А. Карташов и др. [7; 12; 16]), «вымирание» и «деградация» (М.И. Руткевич [22, с.106]), «негативная адаптация» (Е.С. Балабанова [2, с.46]), «криминализация» и «драма перемен» (Р.В. Рывкина [23, с.12]), «массовая девиация» (Л.С. Рубан [19, с.73]) и другое. Эти явления подчеркивают, что переход России из социалистической системы хозяйствования в капиталистическую происходит с ухудшением жизни больших масс населения и социальные реформы, решая одни проблемы общества, порождают другие, еще более сложные, в самых разнообразных сферах общественной жизни, углубляя тем самым «социальную травму».

Так, например, в *политике*, в свое время, «возникла бесперспективная борьба за приоритет между различными ветвями власти, периферией и центром» (Т.И. Заславская [9, с.131]). Государственная политика выступила главной причиной конфликтности общества (Р.В. Рывкина [23, с.12]), разделив его на очень бедных и очень богатых; на принимающих глупые управленческие решения и тех, кто не понимает и не принимает эти решения; на работающих и тех, кто не выплачивает им заработанные деньги; на преступников у власти и законопослушных граждан, у которых не осталось причин для послушания. Все это, в свою очередь, способствовало подрыву доверия общества властным структурам.

В *идеологии* было разрушено насильственное единомыслие граждан. Как пишет Т.И. Заславская: «Потеря «ключевой идеи», указывающей верное направление развития общества, привела к кризису

мировоззренческих ценностей, идейному разброду, чреватому, с одной стороны, ростом национализма, насилия и агрессии, а с другой – вынужденным обращением людей к религии как носительнице вечных нравственных ценностей» [9, с.131]. Исследования Р.Р. Рывкиной также подтверждают тот факт, что распад СССР и отказ от коммунистической идеологии привели к возникновению «ценностного вакуума». Ценностный вакуум «верхов», по ее мнению, проявился в «конъюнктурном характере управления страной», когда власть работает не на интересы большинства населения, а на интересы борющихся политических группировок. Показателями этого становятся закрытость политики, ее противоречивость и непоследовательность, а также коррумпированность высших чиновников. Ценностный вакуум «низов» проявился в социальном пессимизме, разочаровании, отчуждении от проводимых преобразований и общественной жизни вообще [24, с.74-75]. Раскол российского общества стал основой потери способности к развитию. Стало очевидным, что для благополучного развития социума и государства жизненно необходима социальная интеграция и консолидация. Однако поиск «национальной идеи», которая сможет сплотить население России, во-первых, велся очень медленно, во-вторых, он осуществлялся и осуществляется, чаще всего, не с опорой на общественную самоорганизацию и «мыслится не как то, что народ, в соответствии со своими особенностями, выберет и чему будет следовать, если ему не слишком мешать, а как нечто, что ему, народу, следует «дать»» [1, с.94], т.е. исходя из того же «насильственного единомыслия», от которого пытались уйти с помощью реформирования. Р.Г. Яновским была высказана вполне современная мысль, что для формирования подлинно «народной идеи» необходимым условием является активная деятельность граждан по формированию подлинно демократических институтов общества и их всестороннее участие в совершенствовании системы социальных отношений [28, с.20]. Только при этом он отождествил

«общенациональную идею» и интересы населения России «интересами трудового народа». Но такой классовый подход не может быть использован для образования нового российского общества и государства, так как уже однажды показал свою несостоятельность, расколов страну на два враждующих лагеря.

Экономика России 90-х годов также характеризовалась целым рядом негативных процессов, говорящих о ее деградации. Среди этих процессов основными, по мнению Т.И. Заславской, были: распад хозяйственных связей между республиками и регионами, спад производства, инвестиционный кризис, расхищение природных ресурсов, ухудшение экологии. Росли государственные долги, обесценивание рубля сочеталось с долларизацией экономики. Государство не в состоянии было помочь социальным отраслям экономики – образованию, здравоохранению, науке, культуре, которые находились в глубоком кризисе [9, с.132]. Негативные процессы в экономике провоцировали общество всеми силами оказывать сопротивление рыночным реформам, так как подрывали способность его трудоспособных членов эффективно использовать собственные ресурсы жизнеобеспечения, т.е. «позитивно адаптироваться» к новым рыночным условиям (за счет труда и собственности). Позитивная адаптация предполагает *активную самореализацию* индивида, его участие в общественном производстве, создание материальных и духовных ценностей. «Негативная адаптация», напротив, характеризуется преимущественным использованием чужих ресурсов в жизнеобеспечении, которое ведет к социально-экономической зависимости от общества, других людей, государства, предприятия. Как отмечает в своем исследовании Е.С. Балабанова, давая определения этих понятий, именно в 90-е годы среди трудоспособного населения России стали массовыми две формы социально-экономической зависимости: «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм» [2, с.46]. Если рассматривать эти формы с позиции *активности - пассивности* индивида (социальной группы), то «иждивенчество» характеризует-

ся экономической пассивностью; социально-психологической установкой на патернализм субъекта, оказывающего помощь, и готовностью к ограничению личной свободы. «Паразитизм» обладает своего рода активностью, так как не ждет помощи, а требует ее, опираясь на свою физическую силу, власть, интеллект, предприимчивость или количественное превосходство, и тем самым выступает не как объект, а как субъект, ставя «дающего» в позицию зависимого. Классическими проявлениями паразитизма являются: воровство, грабеж, шантаж, рэкет и т.п. И развитие в стране массовой пассивности и «негативной» активности, конечно же, не могли способствовать процветанию российской экономики.

Как уже говорилось выше, еще одной негативной характеристикой экономических отношений в России стала массовая безработица, которая была результатом не только стихийных процессов спада производства и разрыва экономических связей, но и целенаправленных действий политиков и хозяйствующих субъектов. Данный феномен достаточно активно исследовался российскими социологами, так как выступал не только следствием новых экономических отношений, но и причиной многих негативных явлений и процессов российской действительности. Именно безработные в основном были объектами «негативной адаптации», пополняли армию российских маргинальных слоев населения и становились носителями девиантных форм поведения: алкоголиками, наркоманами, психически больными, самоубийцами, проститутками и т.п.

Распространение рыночных отношений привело к углублению противоречий и *в социальной сфере*. Многие из негативных последствий нами уже было отмечены, обобщим сказанное, опираясь на мнение Т.И. Заславской. Она пишет, что в исследуемый период, распространение рыночных отношений привело к углублению социальных различий, снижению уровня жизни населения, росту социально незащищенных слоев населения, девиации, интенсивности эмиграции (как следствие - «утечка мозгов»), утрате доверия к властям, усилению настроений национализма и сепаратизма [9, с.133]. Все это также

свидетельствовало о том, что в России интенсивно развивались процессы дезинтеграции и дезорганизации общества.

Кроме этого, в первой половине 90-х годов разразился демографический кризис, проявлением которого стали: резкий спад рождаемости, рост смертности и заболеваемости, которые поставили Россию «перед лицом депопуляции» [10, с.100]. Не соглашаясь с такой характеристикой демографической ситуации и считая, что она не отражает катастрофического убывания россиян, М.Н Руткевич приводит статистические данные о том, что следует говорить не о депопуляции, а о «вымирании русского этноса» в процессе стихийного шокового социально-экономического реформирования, приведшего к ухудшению «физического и психического здоровья и – в результате – потери в генофонде нации» [22, с.106]. И все это, по мнению данного автора, свидетельствует об углублении процессов социальной деградации. Он пишет, что «наиболее концентрированное выражение деградация российского общества находит в росте смертности и падении рождаемости... Россия переживает подлинную демографическую катастрофу», которая грозит вымиранием населения [21, с.27]. Приостановление деградации и усиление консолидации общества М.Н. Руткевич связывает с изменением политической стратегии и заменой политического лидера [21, с.33-34].

Демографическая ситуация в России осложнялась и усилившимися миграционными процессами, которые также исследовались и оценивались социологами. Особенность данных процессов для России 90-х годов заключалась в том, что, во-первых, «превалировала численность иммигрантов над численностью эмигрантов», во-вторых, основную долю в структуре иммигрантов составляло русское и русскоязычное население из бывших союзных республик [5, с.59]. Это порождало сложные проблемы с социальной адаптацией прибывших, их трудоустройством и расселением, при том, что отсутствовала законодательная база для регулирования

миграционных потоков. По оценке Р.А. Варданяна, эмиграция в середине 90-х годов, по сравнению с 1988 годом (пик эмиграции), – стабилизировалась. Это было обусловлено «введением принимающими странами жестких квот и более сложной системы приоритетов». Однако данный исследователь делает неутешительный прогноз на будущее в случае продолжения экономического спада России и массового высвобождения высококвалифицированных кадров, так как введение преференс усилит «селективный характер «утечки умов», что будет продолжать наносить большой урон научно-техническому потенциалу России» [5, с.65]. Данный прогноз был подтвержден более поздними исследованиями и связан с понятием «цепной миграции», когда люди с высоким профессиональным и образовательным статусом, получив самостоятельно хорошее рабочее место за границей, «предпринимают энергичные шаги по переходу на постоянное место жительства в стране въезда, а затем к переселению своих родных и знакомых, пополняя тем самым «утечку умов»» [11, с.46].

Еще одной проблемой, обострившейся в конце XX – начале XXI века, стала массовая девиация. Реформирование социальной действительности лишило россиян социальной стабильности и жизненной перспективы, усилило дороговизну жизни, поставило перед лицом безработицы, что привело «к росту не только социальной апатии, как у взрослого, так и подрастающего поколения, но и недовольства, агрессивности, стремлению решать свои материально-финансовые проблемы противоправными способами» [19, с.73]. Среди объективных условий широкомасштабного распространения девиации исследователи называли правовую незащищенность и негарантированность со стороны государства прав граждан, которые реагируют на это закононепослушанием. Девиация в этот период часто выполняла компенсаторную функцию (уход от проблем реальной действительности).

Проведя межстрановое сравнение, российские и западные социологи отметили, что «россияне – наиболее неудовлетворенное жизнью сообщество». Стабильность массовой неудовлетворенности россиян своей жизнью позволяет авторам этих исследований сделать вывод о том, что кризис в России необычайно глубок [20, с.78-79].

Ученые настаивали на том, что такой глубокий системный кризис мог быть ликвидирован только с помощью эффективного *управления государством*. Подтверждением этого служил и мировой опыт, показывая множество примеров, когда мобилизация государственного управления способствовала успешной модернизации стран при крайне неблагоприятных обстоятельствах, таких как: послевоенная разруха, революция, экономический кризис и т.п. Однако и сама система управления переживала в этот период в России не лучшие времена. Как отмечает М.Н. Руткевич, вертикаль власти испытывала существенные противоречия по линии «центр-регионы» в результате масштабов страны, пестроты этнического состава и «ельцинской суверенизации», которая наделила региональные власти непомерными полномочиями. Кроме того, эффективному управлению мешала и внутренняя дифференциация высших эшелонов власти, часть представителей которой была коррумпированной, а часть мало профессиональной. В докладе Мирового банка реконструкции и развития было указано, что эффективному проведению российских реформ препятствуют: «отсутствие четкой институциональной основы для принятия и реализации решений»; «неэффективность исполнительной власти»; «отсутствие правовых основ экономической деятельности в условиях рынка» [27, с.95]. Все это лишало власть доверия со стороны населения, что также не способствовало выходу страны из кризиса.

Круглый стол на тему «Социально-политические конфликты в российском обществе: проблемы урегулирования», состоявшийся в феврале 1998 года в рамках Первого конгресса политологов России и опубликованный на страницах журнала «Социологические исследования» в марте 1999, резюмировал социально-

экономическое состояние российского общества на рубеже веков и обозначил новые задачи, которые должны будут решаться социологией на следующем этапе развития общества. Отмеченная нами новизна может быть выявлена, если еще раз вспомнить те задачи, которые решались социологией на текущем этапе развития общества, а именно: выявление негативных факторов, мешающих прогрессивному развитию страны; выработка механизмов, способствующих нейтрализации этих факторов и дальнейшее определение тенденций изменений страны.

Мнение участников круглого стола разделилось в отношении возможности/невозможности «социального взрыва». Часть из них высказало мнение, что взрыва не будет. А.В. Кинсбургский среди причин, противостоящих социальному взрыву, назвал «многократное возрастание личной собственности» и «снижение психологической напряженности», тогда как «социальный взрыв наступает при сочетании двух факторов: экономического подъема и политической блокировки» [25, с.66]. По мнению Л.И. Никовской, социального взрыва не будет, так как «резервы адаптации населения к ненормальной социальной обстановке оказались значительно большими, чем думалось»; происходит снижение протестной активности вследствие «усталости людей от всевозможных революционных преобразований», повышенного индивидуализма, ведущего к дезинтеграции, и отсутствия конкретной политической идеи [25, с.56]. Примерно так же охарактеризовала ситуацию и А.В. Глухова: «...у нас нет, по сути дела, общества... То что мы имеем на сегодняшний день – это конгломерат дезориентированных групп, которые плохо осознают свои интересы, слабо их артикулируют, эти интересы не агрегированы в какие-то связные и явные представления о неких проектах будущего, составляющих совершенно необходимый элемент политического противостояния и оформленных виде каких-то программ, предлагаемых обществу, выставляемых на выбор тем или иным слоям» [25, с.57]. Оценивая в этой ситуации роль элиты, она говорит о том, что «главная цель,

преследуемая элитами, - обезопасить себя от общества, сделать все, дабы оно молчало и проявляло готовность к манипулированию собой» [25, с.58].

Сторонники возможности социального взрыва также с различных позиций аргументировали свою точку зрения. Так Л.Н. Тимофеева утверждает, что «социальный взрыв, который надвигается и становится вполне реальным, - плата за неурегулированность основных общественных конфликтов. И что конкуренция элит подмяла под себя гражданское общество». В то же время она противоречит сама себе, подчеркивая расколотасть политической элиты и ее дисфункциональность. «Сегодня положение складывается так, что разрозненная и расколотаая, она (элита) не в состоянии артикулировать те общесоциальные цели и ценности, которые могли бы сплотить различные части общества, всю массу населения в единое целое и тем самым преодолеть растущий социальный хаос, «оседлать» разворачивающуюся в негативном, деструктивном направлении социальную ситуацию, внести в нее необходимую коррекцию» [25, с.59]. Тогда возникает вопрос: как без консолидации сил может произойти взрыв? К.Е. Трошин почему-то тоже считает, что «рабочий класс деклассируется,... распадается под действием неумолимых обстоятельств. Но одновременно его психологическая напряженность такова, что он готов взорваться по любому поводу и в любой момент» [25, с.58]. О.М. Хлобустов вообще высказал мнение, что национальная катастрофа на тот момент уже состоялась. «И потому, чтобы покончить с разразившейся катастрофой и начать реальное возрождение народа, державы, нужно принимать адекватные меры» [25, с.62].

Таким образом, на «круглом столе» большинством его участников были описаны факторы, негативно влияющие на российскую действительность, к которым следует отнести: негативную активность населения в виде протестного движения, психологическую напряженность и общественную дезинтеграцию. Там же были определены две тенденции развития российского общества, связанные с реальностью «социального взрыва».

Одно мнение в этом диспуте стояло несколько особняком. Л.М. Романенко было отмечено, что модели поведения противоборствующих сторон обуславливаются не только сложившейся политической ситуацией в стране, но и степенью реальной свободы, которой в конкретный временной отрезок обладают ее граждане. «Поэтому такой важнейший индикатор социального самочувствия общества, как частота и размах протестных действий, стоит рассматривать скорее как показатель жизнеспособности формирующегося гражданского общества, в рамках которого обеспечиваются базовые демократические права и свободы, чем показатель готовности людей к насильственному свержению правящего режима» [25, с.67]. Именно это мнение, на наш взгляд, содержало тот новый зарождающийся подход к оценке российских реалий, который мы будем рассматривать далее и который - наиболее ярко проявился при смене политического курса.

Передача власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину изменила обстановку в стране и социологи, изучая общественное сознание этого периода, вольно или невольно перешли на другую терминологию для характеристики российской действительности, отраженной этим сознанием. В паре с негативной характеристикой социальных реалий все чаще используется ее позитивная противоположность, хотя и не всегда корректно подобранная. Так, например, использование характеристик: «консолидация–деградация» (Руткевич М.И.); «стратегии выживания, преуспевания»; «активное-пассивное» (Беляева Л.А.); «факторы успешности-неуспешности» (Готлиб А.С.); «оптимизм-пессимизм» (Муздыбаев К.) [15] и др. - говорит о том, что российская реальность из одномерной системы координат в глазах населения и социологов переключалась в двумерное пространство. И хотя реальная жизнь россиян была и остается наполненной негативными явлениями и проблемами, такими, как социальное неравенство, младенческая смертность, безработица, бедность, бездомность, беспризорность, терроризм,

преступность, которые порождают страхи и тревоги, но появилась надежда и у самих граждан, и у социологов, что все это можно преодолеть на основе единения, интеграции и с помощью собственной активности.

Как отмечает М.Н. Руткевич, новые реалии российской действительности основывались на противодействии «двух тенденций общественного развития: дальнейшего углубления *деградации*, которая обладает значительной инерционностью и продолжает действовать, а в некоторых областях жизни даже усиливаться, и *консолидации* общества» [21, с.25]. При этом, хотя понятие «консолидация» применяется автором для характеристики упрочения государственной власти, однако он отмечает, что этот факт будет служить основным условием и для сплочения общества в целом. Деградация и консолидация - это взаимодополняющие тенденции развития социальных систем, находящихся в нестационарном состоянии, свидетельствующие о возможности перехода системы из одного состояния в другое.

При этом, опираясь на исследования, проведенные в Польше польскими социологами, можно сделать вывод, что для стабильности социальной системы, находящейся в нестационарном состоянии, важны демократические процедуры и законность, «но для восприятия источников нестабильности и неподчинения низкое качество управления важнее, чем легальные недостатки демократии. Говоря коротко: мы следуем диктату властей потому, что они демократичны. Но если мы ему не следуем, то не потому, что считаем власти недемократичными, а потому, что они плохо управляют, ... отсутствие эффективности может быть источником недовольства и неповиновения» [18, с.72-73].

Исследования Беляевой Л.А. показали, что за десять лет реформ в стране сформировалось три группы населения в зависимости от их уровня адаптации к новым условиям: «преуспевающие», «адаптированные» и «выживающие». «Преуспевающие» успешно прошли адаптацию, повысили свой социальный статус за годы

реформ. Они использовали активные социально-экономические стратегии для достижения жизненных целей, основная их деятельность - новый для России частный сектор, им близки либеральные ценности. Оппонирует данной группе – «выживающие», их статус за годы реформ либо не изменился, либо снизился, в качестве дополнительного дохода у них выступают пенсии и пособия, им свойственно уныние или крайний пессимизм. Продуктивные модели экономического поведения недоступны этой группе, стратегии адаптации построены на пассивных способах поддержания своего материального уровня. Либеральные ценности ими отвергаются. В центре находятся «адаптированные», они менее активны в улучшении своего материального положения, свое положение воспринимают инертно, в основном надеясь на стабильность и деятельность государства. В большей степени выбирают традиционные ценности [3, с. 50-51]. Таким образом, в процессе адаптации россиян к новым условиям жизни наметился некоторый прогресс по сравнению с периодом середины 90-х годов. Продолжая эту тему в исследованиях, А.С. Готлиб определяет факторы успешной и неуспешной адаптации, которые были сформированы в три группы: *социальные, личностные и индивидуально-психологические*. К факторам, формирующим социальный капитал были отнесены: уровень и качество образования, от которых зависит уровень познавательной активности людей; устойчивость социальных связей; наличие социального опыта; богатый адаптивный опыт. Важным личностным фактором успешной адаптации выступил характер ценностных ориентаций. К наиболее существенным из них можно отнести: отношение к деньгам, к работе, к свободе, независимости и самостоятельности. Заметное место среди индивидуально-психологических факторов успешности, по данным исследования, занимает «открытость новому», оптимизм, умение найти положительные моменты (компенсаторы) даже в неблагоприятной ситуации, воля, решимость, умение постоять за себя [6].

Негативная реальность российской реформируемой действительности конца XX – начала XXI века представляется социологами как *аномия*. При этом, как отмечает Кривошеев В.В., «ментальные характеристики российского социума... предопределяют специфические черты проявления аномии». К таким особенностям он относит: разрушение идеологической целостности в угоду внутренней потребности индивидуализма и атомизации; высокую криминальную насыщенность, проявляющуюся в широком охвате социума данным явлением, в ускоренной подготовке резерва криминального мира, в замещении права своеволием и групповой целесообразностью [13, с.95-96].

Выводы, которые были сделаны авторами исследований, опубликованных в журнале «Социологические исследования», в последнее десятилетие XX века, на наш взгляд, очень современны и для социальной жизни России первого десятилетия XXI, поэтому мы использовали их, чтобы обосновать методологию социологического исследования эффективности решения социальных проблем монопрофильных территорий муниципальными и государственными органами власти.

Список литературы

1. Бабаева, Л.В. Обществоведы: между идеологией и здравым смыслом / Л.В. Бабаева, Л.А. Резниченко // Социологические исследования. – 1997. – № 4. – С.83-96.
2. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С.46–57.
3. Беляева, Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 50–51.
4. Блумер, Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Г. Блумер // Контексты современности – 11. – Казань, 2001. – С. 150–160.

5. Варданян, Р.А. Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции / Р.А. Варданян // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С.58-68.
6. Готлиб, А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности / А.С. Готлиб // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 53–56.
7. Гуревич, М.А. Безработица в Челябинске: факты и мнения / М.А. Гуревич, Т.Ю. Радиловская // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 39–45.
8. Давыдов, А.А. Индекс социального неблагополучия / А.А. Давыдов // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 118–128.
9. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т.И. Заславская ; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2003. – 568 с.
10. Захарова, О.Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы / О.Д. Захарова // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С.99-109.
11. Ионцев, В.А. Международная миграция населения: Россия и современный мир / В. А. Ионцев // Социологические исследования. – 1998. – № 6. – С.38-47.
12. Карташов, С.А. Социальная динамика безработицы в Москве / С.А. Карташов, С.Л. Дановский // Социологические исследования. – 1998. – № 12. –С. 44–47.
13. Кривошеев, В.В. Особенности аномии в современном российском обществе / В.В. Кривошеев // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С.93–98.
14. Миллс, Ч.Р. Социологическое воображение / Ч.Р. Миллс ; пер. с англ. О.А. Оберемко; под общ. ред. Г.С. Батыгина. – М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. – 264 с.
15. Муздыбаев, К. Оптимизм и пессимизм личности / К. Муздыбаев // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 87–96.
16. Осадчая, Г.И. Семья безработных и семейная политика / Г.И. Осадчая // Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 79–82.
17. Попырина, В.А. Социальная аномия на производстве / В. А. Попырина // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С.150–157.
18. Рихард, А. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше / А. Рихард и др. // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С.72-73.

19. Рубан, Л.С. Девиация как проблема безопасности / Л.С. Рубан // Социологические исследования. – 1999. – № 5. – С.70–74.
20. Рукавишников, В.О. Россия между прошлым и будущим. Сравнение показателей политической культуры населения 22-х стран Европы и Северной Америки / В.О. Рукавишников, Л.П. Халман, Т. П. Эстер и др. // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С.78-79.
21. Руткевич М.И. Консолидация общества и социальные противоречия / М.И. Руткевич // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С.24–34.
22. Руткевич, М.И. Депопуляция или вымирание? / М.И. Руткевич // Социологические исследования. – 1996. – № 3. – С.104-110.
23. Рывкина, Р.В. Постсоветское государство как генератор конфликтов / Р.В. Рывкина // Социологические исследования. – 1999. – № 5 – С. 12–20.
24. Рывкина, Р.В. Социальные корни криминализации российского общества / Р.В. Рывкина // Социологические исследования. – 1997. – № 4. – С. 74–75.
25. Социально-политические конфликты в российском обществе: проблемы урегулирования («круглый стол») // Социологические исследования. – 1999. – №3. – С.55-69.
26. Тихонов, А.В. Социология управления. Теоретические основы. – СПб.: Издательство С.- Петербургского университета, 2000. – 324 с.
27. Экономические реформы в России: на пороге структурных перемен // Докл. Мирового банка реконструкции и развития ; пер. с англ. – М.: Республика, 1993. – 301 с.
28. Яновский, Р.Г. Поиск народной идеи / Р.Г. Яновский // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С.15-20.
29. Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 200 с.

Проблемное поле жизнедеятельности монопрофильных городов

В современной реформируемой России именно монопрофильные города оказались наименее защищены от системного кризиса и наиболее полно представили весь спектр различных форм негативной социальной напряженности от организованных протестных выступлений больших масс людей

в шахтерских городах, до полной деградации и затухания жизни в городах военно-промышленного комплекса.

Ученые единогласны в том, что если для городов с диверсифицированной промышленностью ухудшение условий функционирования одной или нескольких отраслей городской экономики не является фатальным, то для муниципальных образований, экономика которых в значительной степени зависит от результатов деятельности одного предприятия или группы предприятий, ориентированных на один сегмент рынка, резкие ухудшения в хозяйственной среде приводят к катастрофическому падению уровня жизни населения, проживающего на данной территории [11].

В России факторами, активизировавшими развитие моноотраслевых городов, стали исторически сложившаяся ориентация экономики страны на расширение экстенсивной эксплуатации природных ресурсов и широкое использование монофункционального подхода в период планового хозяйства как средства «оптимизации» территориальных пропорций национального экономического пространства. В результате сформировался особый тип моноспециализированного города, социально-экономическое положение которого практически полностью зависит от функционирования малоэластичного к структурным преобразованиям градообразующего предприятия, чей жизненный цикл, в свою очередь, жестко ограничен.

Таким образом, монопрофильные города представляют собой открытые, мягкие системы, эффективность жизнедеятельности которых во многом зависит от внешней среды. На устойчивое состояние и способность к выживанию таких систем большое влияние оказывают внутренние объективные и субъективные факторы. К объективным факторам, в первую очередь, следует отнести истощение невозобновимых ресурсов, обеспечивающих функционирование градообразующих предприятий [36], тогда как субъективными факторами являются интересы, мотивы, потребности, настроения и желания населения монопрофильного города.

Негативность объективных внешних и внутренних факторов приводит к экономической нестабильности функционирования градообразующих предприятий, что, в свою очередь, влечет за собой рост безработицы, падение доходов

населения, деградацию социальной инфраструктуры города, состоящую на балансе предприятий, и другие разрушительные для города последствия. Все это приводит к негативным изменениям и субъективных факторов, которые провоцируют отклонения социального напряжения от нормы. Такие отклонения могут проявляться и в угнетенном состоянии, апатии населения, и в нервных срывах, ведущих к суицидам, алкоголизму, психическим и физическим заболеваниям, и в индивидуальных антисоциальных поступках и действиях, и в массовых бунтах [12, с.233-234]. Однако, при определенном качестве городского социума, те же самые негативные воздействия могут привести к его позитивной мобилизации, повышению инновационной преобразовательной активности, способной изменить в лучшую сторону и жизнь членов городского сообщества, и состояние самого города.

Определение факторов, обеспечивающих жизнеспособность этих территориальных образований, может помочь в решении проблем преодоления кризисного состояния не только монопрофильных городов, но и страны в целом.

Что же такое «монопрофильный город» и когда этот тип поселения появился на территории России?

Идеи функционализма оказали большое влияние на советскую экономическую науку и общие принципы формирования системы городов СССР. В рамках советской системы планирования уже в довоенный период возникло довольно много городов, спроектированных под одну отрасль, поэтому развитие и даже существование их целиком зависит от возможностей функционирования градообразующих предприятий. В послевоенное время строительство такого типа городов стало нормой [34, с. 107].

Однако первое массовое образование моногородов в России началось еще во время индустриальной эпохи Петра Первого. Организация новых производств, таких, как: суконные мануфактуры и железоделательные заводы Тулы, Урала, Подмосковья, сопровождалась образованием заводов-поселков, часть из которых по мере развития превратились в крупные промышленные центры (Челябинск, Тула, Златоуст), а другая часть так и осталась в состоянии узкоспециализированных поселений (Ирбит, Аша и др.) [24].

Второе массовое развитие моногородов связано с «ситцевым» капитализмом в России и массовым развитием легкой промышленности. Были образованы мануфактуры, которые располагались преимущественно в Центре России. В это время возникают такие города, как Дрезна, Шуя, Орехово-Зуево, Павлов Пасад. В области «Народных промыслов» образуются центры производства за счет укрупнения деревенских промыслов: Семенов, Гусь-Хрустальный, Первомайский (фарфоровый завод Попова), Гжель. В это время образуются также шахтерские города-поселки вдоль трассы Транссибирской магистрали в целях снабжения углем паровозного парка.

Во времена сталинской индустриализации возникновение моногородов происходило в небольшой степени, так как производства или реконструировались, или создавались сразу как комплекс предприятий, имеющий одно или несколько головных предприятий (например Магнитка, Воркута, Новокузнецк, Апатиты и др.) [36]. Значительное число моногородов возникло в военное время за счет эвакуированных предприятий, причем позднее ряд монопоселков слился с близрасположенным городом (Безымянка и Куйбышев, Танкоград и Челябинск), а ряд предприятий стали градообразующими (Шадринск – за счет эвакуации части ЗИЛа из Москвы и т.д.)

Система советского капитального строительства из-за постоянного дефицита продукции была направлена на строительство новых мощностей, а не на реконструкцию старых объектов, чем объяснялось активное строительство новых производств в малых и средних городах, где подобные предприятия по существу становились градообразующими [6, с. 127].

Реализация оборонной политики привела к созданию закрытых городов с ограничением въезда и выезда граждан, организации спецснабжения и выделения их в самостоятельные административные образования. Соответственно в данных городах никакое другое производство не размещалось. К подобным городам можно отнести Ленинск (Байконур), Арзамас-39, Снежинск, Полярный, Северск, и т.д.

Развитие научно-технического потенциала страны повлекло за собой создание наукоградов. Первый эксперимент был опробован в Академгородке в Новосибирске. Позже были созданы города Дубна, Обнинск, Протвино, Троицк, Черногоровка, Зеленоград и другие [9, с. 97].

Таким образом, структура моногородов в России стала представлять собой довольно сложный конгломерат городов, различных как по численности (от районных центров и поселков городского типа до крупных городов типа Нижнего Тагила, Тольятти, Набережных Челнов), так и по сложности производства и квалификации жителей (от простого ткацкого производства и зон сервисного обслуживания до наукоградов).

С точки зрения видов реализуемых функций, в совокупность моногородов входят поселения, выполняющие функции как экономического, так и внеэкономического характера. Причем среди функций экономического характера наиболее распространены функции промышленные. В России наиболее активно шло формирование монопрофильных городов в таких отраслях промышленности, как легкая промышленность, черная и цветная металлургия, машиностроение, угле- нефте- и газодобыча, лесная и пищевая промышленность. Среди внеэкономических функций специфическими именно для России на ранней стадии развития монопрофильных городов были функция территориального освоения пространства и военно-политическая, на современном этапе яркими российскими представителями таких поселений являются наукограды и города, возникшие вокруг пенитенциарных учреждений [1].

По мнению специалистов Московского Экспертного института, все монопрофильные территории можно разделить на две категории в зависимости от финансового состояния градообразующих предприятий: финансово благополучные и финансово неблагополучные. При этом критерием может служить достижение предприятием уровня рентабельности продаж не ниже чем 10%.

Специалисты отмечают, что особенность монопрофильных поселений связана с цикличностью их жизни и развития, с подверженностью многим рискам и высокой зависимостью от внешних факторов [30, с. 121].

Эти специфические характеристики монообразований особенно сказываются на их сегодняшнем состоянии. Раньше у всех градообразующих предприятий был один-единственный заказчик и потребитель – государство. После распада СССР продукция многих из этих предприятий оказалась невостребованной, что, конечно же, не способствовало сохранению такого рода производств и их кадрового потенциала. Эта ситуация стала ярким отражением того, как градообразующие предприятия не смогли адекватно оценить изменение внешних условий и переориентироваться в стремительно меняющихся экономических отношениях, а государственные институты в период кризиса не сумели оказать поддержку государственнозависимому сектору экономики.

Проблематизация выживания в реформируемый период и градообразующих предприятий, и населенных пунктов, связанных с ними неразрывными узами, послужило толчком к новому осмыслению современными учеными места и роли монопрофильных территорий в развитии страны.

В современной науке уже накоплен значительный багаж знаний по проблемам моноотраслевых поселений. Нельзя не отметить работы В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, Н.И. Горина, А.А. Нещадина, В.В. Любовного, которые внесли значительный вклад при определении критериев для выделения городов с моноцентричной экономикой и их типологизации. Вопросы реструктуризации градообразующих предприятий и оздоровления депрессивных локальных территорий подробно освещаются учеными Института экономики Уральского округа Российской академии наук А.И. Татаркиным, В.С. Бочко, Е.М. Козаковым, А.Г. Шеломенцевым, В.П. Пахомовым, Е.В. Поповым. Разработкой стратегии развития подобных городов занимаются И.Д. Тургель, М.Н. Пушкарев, Е.Е. Горяченко и др. Особый вклад в составлении информационной базы о градообразующих предприятиях и городах привнесли проекты «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», а также проект «Города России» по составлению перечня моногородов.

Таблица 1.1 – Определение понятия города с недиверсифицированной структурой экономики

Название	Определение	Автор
Город-завод	Город, возникший на основе развития предприятия	Е.Г. Анимица
Промышленная новостройка	Экономическое развитие города определяет одна или несколько больших строек, город своим возникновением обязан крупному промышленному строительству	А.С. Емельянов, В.Ф. Беседин
Однофункциональный город	Город, существующий на основе какой-либо одной функции	Г.М. Лаппо
Моногород	Город с аномально высокой зависимостью социально-экономической ситуации от деятельности одного-двух предприятий	В.Н. Лексин, А.Н. Швецов
Монофункциональный город	Город, экономическую базу которого составляют 1-2 крупных производства	В.М. Пушкарев, Е.Е. Горяченко
Монопрофильный город	Город, экономическую базу которого составляет одно крупное производство и несколько технологически связанных с ним предприятий	А.А. Нещадин, Н.И. Горин
Моноотраслевой город	Город, чьи предприятия работают на один узкий сегмент рынка	А.А. Нещадин, Н.И. Горин
Моноспециализированный город	Город с низким уровнем диверсификации отраслевой структуры производства и занятости	И.Д. Тургель

Несмотря на возросший интерес со стороны ученых к проблемам моногородов, до настоящего времени не сложилось единого мнения по вопросу обозначения термина монопрофильный город (таблица 1.1).

В зарубежной литературе встречается такой термин, как «one-company town», который обозначает город, в котором основным работодателем является одна организация, причем под организацией понимается довольно широкий круг субъектов – от предприятий любого вида деятельности до правительственных организаций (например, город Вашингтон, где практически единственным работодателем являются государственные структуры федерального правительства).

В отечественной литературе к данному термину наиболее близок термин «город-завод», что обозначает существование теснейшей связи между функционированием городского поселения и градообразующим предприятием. В официальных документах выводится лишь понятие градообразующих предприятий, не обозначая термин населенных пунктов. В то же время в лексиконе государственных служащих (не закрепленный в официальных документах) появился термин, определяющий такие города – «моногород».

Не ставя перед собой задачу обоснования нового термина города с моноцентричной экономикой, необходимо из существующих выбрать тот термин, который, наиболее полно отражает экономическую сущность данного типа городов. Город-завод, моногород и монофункциональный город являются устаревшими понятиями, не отражающими сегодняшние реалии внутренней структуры города.

Современные понятия моноспециализированный и монопрофильный город рассматривают город с позиции диверсификации городской экономики в том или ином аспекте. В современных словарях специализация в экономическом смысле рассматривается как односторонняя направленность территории по выпуску определенного вида продукции, предназначенной на экспорт (обмена). В то же время профильность означает совокупность основных, типичных черт, характеризующих хозяйство. Согласимся с мнением В.Я. Любовного, что в современных условиях определение монопрофильного города должно проводиться через совокупность определенных черт, а не через экспортную составляющую городской экономики, так как привязка к экспорту ограничивает рассмотрение города как сложной социально-экономической системы. Поэтому наиболее

приемлемым, на наш взгляд, является термин «монопрофильный город».

Под «монопрофильным городом» нами будет пониматься населенный пункт – город или поселок городского типа, экономическую базу которого составляет одно или несколько предприятий и организаций, работающих на один узкий сегмент рынка [25].

В 1998 году в Государственной Думе РФ прошли парламентские слушания по поводу принятия федерального закона «О муниципальном образовании на основе градообразующего предприятия», где предлагались следующие критерии определения монопрофильного города: число работающих на градообразующем предприятии не менее 30% от трудоспособного населения, формирование доходной базы местного бюджета на не менее чем 50%, отдаленность от крупных населенных пунктов. И хотя этот проект не был принят из-за недоработок, вышеназванные критерии часто используются исследователями для определения территориального образования как монопрофильного.

В действующих законодательных актах Российской Федерации только содержатся различные положения, опять же закрепляющие понятие градообразующих предприятий, через которое можно определить критерии отнесения населенных пунктов к монопрофильным.

Так, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 августа 1994 г. №1001 Приложение определяет предприятие как градообразующее, если на нем занято не менее 30% от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте. В то же время в Федеральном законе от 8 января 1998 г. №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» зафиксировано, что градообразующими признаются предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 50% численности населения соответствующего населенного пункта [27].

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» зафиксировано, что

градообразующими признаются предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 25% численности работающего населения соответствующего населенного пункта [26, ст.169]. Как бы не различались эти подходы, но понятно, что в монопрофильных городах, основная масса населения привязана к какой-либо одной отрасли, которая, в свою очередь, оказывается основной для формирования городского бюджета.

Как уже говорилось выше, монопрофильные поселения в переходный период испытывают различные по характеру и масштабу социальные проблемы. Общие проблемы связаны с экономическим положением в стране, а также состоянием отрасли, к которой относится градообразующее предприятие. Решение проблем городов различной отраслевой специализации промышленности во многом зависит от политики и действий на федеральном уровне. Например, выход из кризиса городов, специализирующихся на продукции ВПК, в большей мере зависит от величины Госзаказа и финансирования.

Региональные проблемы, характерные для отдельных частей страны, также отражаются на положении монопрофильных городов. К ним можно отнести нарушение традиционных транспортных связей, вызванных ростом тарифов, а также проблемы разрыва транспортной инфраструктуры в новых приграничных территориях, региональные экологические проблемы – расположение в зоне Чернобыльского загрязнения и др. Решение этих вопросов во многом зависит от взаимодействия федерального и регионального уровней управления.

Локальные проблемы – это проблемы конкретного поселения, например, истощение месторождения полезных ископаемых, на добычу которых было ориентировано градообразующее предприятие, либо проблема качества питьевой воды в городе, связанная с загрязнением водоносных горизонтов в результате деятельности предприятий, и другие.

Проблемы можно разделить также на типичные и уникальные. С временных позиций проблемы могут характеризоваться такими категориями, как срочность, острота, важность, продолжительность решения. Многие современные проблемы монопрофильных городов унаследованы от

предшествующих периодов развития. Часть экономических проблем существовала в скрытой форме, переходный период обострил их (например, проблема нерентабельности части угледобывающих предприятий).

Впервые исследования важнейшей для России проблемы, связанной с градообразующими предприятиями и моногородами, были проведены в рамках проекта «Монопрофильные города и градообразующие предприятия». В рамках данного проекта работы с «пилотными» городами осуществлял «Союз инвесторов» [10, с. 183]. На какое-то время эти работы позволили снять социальное напряжение в исследуемых городах, но кризис 2008 года вновь остро поставил вопрос о выживании монопрофильных территорий.

Группа российских исследователей, во главе с Любовным В.Я. выделила и систематизировала проблемы монопрофильных городов по следующим основаниям [25, с.26-51]:

- экономические проблемы;
- региональные проблемы, вызванные геополитическими изменениями (приграничные и инфраструктурные проблемы);
- эколого-градостроительные проблемы;
- демографические проблемы;
- проблемы, возникающие на рынке труда;
- проблемы в сфере образования и др.

Опираясь на предложенные материалы, рассмотрим специфику данных проблем более подробно, так как это позволит подчеркнуть особенность жизнедеятельности монопрофильных территорий.

Экономическая база монопрофильных городов, положение градообразующих предприятий, а также доходная база местных бюджетов очень страдают от общих экономических кризисов. Падение производства в стране в 90-е годы в наибольшей степени затронуло города, специализирующиеся на машиностроении, лесной, деревообрабатывающей, легкой промышленности и промышленности строительных материалов, но более всего оно сказалось на производствах ВПК [5; 35]. Экономический кризис 2008 года наиболее сильно ударил по автографам, а также по тем городам, производства которых были ориентированы на экспорт продукции. Падение производства на градообразующих предприятиях или их остановка привели

практически к параличу жизнь городов. При отсутствии или крайней ограниченности иных сфер приложения труда в них резко повысился уровень безработицы. Низкие доходы населения не позволили поддерживать даже минимальный уровень жизни, существенно ухудшилась ситуация с пенсионерами и другими нетрудоспособными категориями жителей, которым ранее предприятия оказывали реальную помощь. При этом резко сократилась налогооблагаемая база местного бюджета и соответственно – возможности нормального функционирования городского хозяйства и социальной поддержки населения

Среди *региональных проблем, вызванных геополитическими изменениями*, выделяют приграничные и инфраструктурные проблемы.

Изменение геополитической ситуации повлекло за собой появление государственных границ там, где их раньше не было (между бывшими союзными республиками), большую открытость получили границы бывшего СССР с другими странами [22]. В результате этого, например, разрыв хозяйственных связей как проблему остро испытывают 18 монопрофильных городов Калининградской области. Давление со стороны мигрантов из Китая испытывают приграничные поселения Дальнего Востока. Бригады китайских рабочих вытеснили местных жителей из сферы строительства и услуг.

В качестве инфраструктурных проблем следует рассматривать разрыв транспортных коммуникаций. В советский период границы между республиками были достаточно условными, и вся транспортная сеть в приграничных регионах была организована так, что железные дороги, несколько раз пересекали границу смежных республик. В настоящее время это приводит к большим проблемам при пересечении границ.

Разрыв транспортных сообщений и закрытие производств ведет к большим проблемам в коммунальном хозяйстве приграничных городов.

Насущными проблемами для многих монопрофильных территорий являются *эколого-градостроительные*. Они предопределяются двумя основными факторами: технологически устаревшим, не отвечающим экологическим

требованиям производством и неправильной застройкой городской территории, без соблюдения санитарно-защитных зон. Явное преимущество имеют молодые города, застраивавшиеся по единому градостроительному плану, с разведенными в пространстве функциональными зонами – промышленными и селитебными.

Например, в городе Нижнекамске Республики Татарстан, где размещены несколько крупнейших химических предприятия органического синтеза, селитебная зона отделена от промышленной пятикилометровой санитарно-защитной зоной. Однако и это не спасает город от интенсивных вредных выбросов.

Более катастрофически дела обстоят в городах, промышленность которых формировалась в начале XX века, где производства с вредными выбросами расположены внутри селитебных территорий. В силу того, что финансирование социального развития монопрофильных городов при плановом хозяйстве осуществлялось по отраслевым каналам, средств не хватало и предприятия при строительстве жилых домов, использовали производственную инфраструктуру в части водоснабжения, электроснабжения, поставок тепла, поэтому в настоящее время такие города испытывают большие проблемы с водоснабжением, обеспечением теплом и т.п.

Монопрофильные поселения, связанные с горнодобывающей промышленностью испытывают такую специфическую экологическую проблему, как накопление твердых отходов. Особенно тяжелая ситуация складывается в Уральском экономическом районе, где эти отвалы накапливались на протяжении двух столетий и концентрация производства и расселения достаточно велика. Скопления отходов, развеиваясь ветром и размываясь дождями, вытравляют растительность окружающих территорий.

Критическая экологическая ситуация в моногородах требует реформирования его экономической базы. Вопрос о закрытии и ликвидации градообразующего предприятия-загрязнителя может быть решен в период спада и остановки производства, финансового банкротства предприятия. Однако прекратить деятельность экологически опасных производств трудно из-за возникновения другой проблемы: занятость

высвобождающихся работников и развития экономической базы поселения в целом [4; 32].

Проблемы демографической ситуации для монопрофильных городов характеризуются следующими факторами: динамика людности и половозрастная структура.

Динамика людности выступает в качестве показателя, характеризующего состояние всего комплекса условий жизни населения: чем благополучнее обстановка (уровень и качество жизни, рост производства и др.), тем быстрее рост населения, и наоборот, депрессивное социально-экономическое состояние города ведет к снижению численности населения [16]. В условиях переходного периода развития страны общее снижение численности населения с 1991 по 2001 год составило 2,01%.

Динамика численности населения является результатом двух составляющих – естественного и миграционного прироста населения. Конец XX и начало XXI века характеризовались неуклонным ростом процесса естественной убыли населения, т.е. превышением смертности над рождаемостью. Это связано как с «волнообразным» характером возрастной структуры населения, так и с изменениями социально-экономических условий, когда в связи с нестабильностью ситуации молодые семьи откладывают рождение детей на более благоприятные времена.

Положение малых и средних городов с узкой отраслевой базой во многом зависит от их места в миграционных перемещениях внутри регионов [15], когда миграционные потоки идут из деревень в малые города, из малых городов в большие и крупные, из последних – в административный центр, а из центров регионов в столичные города.

После 90-х годов XX века произошли существенные изменения в тенденциях межрегиональных миграций населения. Демографическая ситуация в монопрофильных городах заметно изменилась – происходит отток наиболее дееспособной части населения либо со сменой местожительства, либо на сезонные заработки. В новых условиях, во-первых, значительно уменьшилось количество сельских поселений, что повлекло значительное снижение численности населения монопрофильных городов, во-вторых, экономика северных районов испытала сильнейший спад, и здесь образовалось избыточное население, которое стало возвращаться на свои прежние места жительства.

Кроме вышеперечисленного, на величину миграционного потока большое влияние оказали межстрановые перемещения, вызванные распадом Советского Союза и образованием новых национальных государств.

В ходе исследований, проведенных сотрудниками ГУ ИМЭИ и специалистами Министерства труда России, были выявлены следующие результаты:

- за 10 лет (с 1991 по 2001 года) из 748 обследованных малых и средних городов с узкоотраслевой экономической базой 55% снизили свою численность;

- изменился ареал регионов, теряющих население: в 1981-1991 годах большинство монопрофильных городов, терявших население, располагались в староосвоенных районах (Челябинской, Кировской и др. областях), а в 1991-2001 годах процесс переместился в районы нового освоения (Восточная Сибирь, Дальний Восток);

- если в 1981-1991 годах снижение людности в монопрофильных городах происходило на фоне роста населения регионов, то в 1991-2001 годах большинство монопрофильных городов, теряющих население, отмечались в регионах, подверженных снижению численности населения.

Половозрастная структура населения в монопрофильных поселениях также подверглась определенным деформациям. Так, если в целом по стране в составе населения по полу отмечается устойчивый перевес женщин над мужчинами (на 6%), то в отдельных монопрофильных поселениях в составе населения преобладают мужчины.

Отдельные депрессивные монопрофильные города и значительная часть поселков городского и сельского типа испытывают глубокие деформации в возрастном составе населения. Там наблюдается снижение доли населения в трудоспособном возрасте на 4-10% по сравнению со средним по региону, и – аналогичное повышение доли населения пенсионного возраста. Соответственно коэффициенты смертности в таких поселениях в 3 и более раза превышают коэффициенты рождаемости.

Наиболее сложной проблемой для монопрофильных поселений остается *состояние рынка труда* [2]. Узкая сфера приложения труда, зависимость рынка труда от ситуации на

градообразующем предприятии определяют повышенный уровень безработицы и изменение структуры занятости по отраслям в большинстве монопрофильных поселений в период экономического кризиса в стране. В переходный период именно показатели безработицы являются характеристикой, отражающей в целом социально-экономическую ситуацию на уровне поселения.

Начиная с 1999 года под эгидой Министерства труда и социального развития Российской Федерации проводится мониторинг рынка труда монопрофильных поселений и составляются «Перечни населенных пунктов с моноэкономической структурой и критической ситуацией в сфере занятости».

Ситуация в сфере занятости в монопрофильных поселениях оценивается как критическая в случае наличия одной из позиций:

- уровень официально зарегистрированной безработицы в поселении в 2 и более раза выше среднего по стране и одновременно в 1,5 и более раза выше среднего по региону;
- уровень официально зарегистрированной безработицы в поселении превышает средний по стране в 1,5-2 раза, по региону выше среднего, а уровень вынужденной неполной занятости – более 20%;
- уровень официально зарегистрированной безработицы в поселении превышает средний по стране и по региону, при этом уровень вынужденной неполной занятости – более 50%;
- уровень официально зарегистрированной безработицы в поселении превышает средний по стране и по региону, при этом уровень общей безработицы (по методологии МОТ) выше среднего по стране.

Другие характеристики рынка труда по поселениям, отнесенным к кризисным состоят в следующем:

- тенденция роста численности самозанятого населения;
- рост уровня регистрируемой безработицы не более 3%;
- увеличение продолжительности периода безработицы.

На наш взгляд, в качестве стержневой проблемы

монопрофильных поселений следует назвать *социкультурную*, которая присуща в то же время и другим типам городов. Социологи видят ее в «отсутствии полнокровного слоя горожан, без которых городские сообщества не в силах не только вести полагающуюся им на данном этапе нагрузку, но и в принципе осознавать себя городскими сообществами» [18, с.126]. Это связано с тем фактом, что в целом процессы советской урбанизации были подчинены задачам промышленного, индустриального развития. Развитию индустриального производства были подчинены все параметры городской жизни, включая численность и состав социально-демографической структуры населения, мощности сетей коммунально-бытового, торгового и культурного обслуживания.

В период трансформационных изменений именно в монопрофильных городах с наибольшей остротой проявляются социокультурные противоречия, отмечаемые многими исследователями. *Под социокультурным противоречием монопрофильного города будем понимать противоречие между городской культурой и социальными отношениями, порожденными градообразующей базой.* Это противоречие проявляется в следующих формах: противостояния культурных инноваций городского образа жизни и традиционных ценностей производственной культуры градообразующего предприятия; противоречия между автономными (либеральными) отношениями городской среды и солидарными (коллективистскими) отношениями градообразующих предприятий, способными парализовать, дезорганизовать друг друга; внутреннего противоречия деятельности жителя города, который имеет более тесные связи с предприятием, чем с городом, и ощущает несоответствие между декларируемыми ценностями и возможностью их воплотить в жизнь.

Как отмечает В.Л. Глазычев, форсированный индустриальный тип советской урбанизации сопровождался двухстадийным процессом проникновения в город «через и посредством формирования заводских слобод» [8]. На основе анализа социокультурных последствий этих процессов отечественный урбанист высказывает сомнения в праве российского города называться городом как таковым. Он считает, что дух слободы, ее стиль, нравственность слободы,

средовой стандарт свободы последовательно наползали на поселение, именовавшееся городом и претендовавшее на городской стандарт, пока полностью не поглотили такого рода поселения [8].

Отечественными социологами активно обсуждается феномен «порога Глазычева», который заключается в тезисе В.Л. Глазычева о том, что свобода и демократия могут прижиться лишь в университетских городах, с населением более полумиллиона человек. По мнению ученого, элементы гражданского общества в монопрофильных городах нежизнеспособны [31], так как в них не действуют формы общественного контроля над властными структурами, а зависимые от местной власти СМИ – выступают средством манипуляции, а не «гласом народа».

Таким образом, подчинение отечественной урбанизации индустриализации привело к незавершенности социокультурных процессов в городах, к незавершенности процессов становления субъектов городского самосознания и формирования городской цивилизационной самоидентичности.

Это подтверждают и другие российские социологи, отмечая, что население монопрофильных городов состоит из вчерашних деревенских жителей, сохраняющих своеобразную ментальность [19], которая проявляется в осторожном поведении, в нежелании участвовать в общественных делах, в недоверии властным структурам и т.п. [33, с.126].

Властные структуры, озабоченные ростом негативных напряжений в монопрофильных городах оставляют без внимания факт преобладания социокультурного кризиса моногородов над экономическим [3; 8; 17; 19; 21] и пытаются решать проблемы монопрофильных территорий в основном с помощью только экономических методов («в РФ кризис пытаются победить путем банального перераспределения денег» [17]).

В качестве следствия социокультурного противоречия монопрофильного города следует отметить не замечаемую исследователями *проблему образования*, на наш взгляд, очень остро стоящую для данного типа поселений [13].

В свое время, развивая города планоно, государство заботилось и о подготовке высококвалифицированных

специалистов для градообразующих предприятий. Поэтому практически во всех монопрофильных городах вместе со строительством производственных мощностей открывались не только профессионально-технические училища и средние специальные учебные заведения, но и вузы, которые должны были готовить специалистов для градообразующих предприятий. Подготовка студентов в этих учебных заведениях велась на основе централизованного бюджетного финансирования.

Например, к концу 70-х годов в таком монопрофильном городе, как Рыбинск, было около 40 тыс. школьников и студентов, а жители города, не выезжая из него, могли получить образование по пятидесяти профессиям [23, с.133]. Не были в этом плане исключением и монопрофильные города Республики Татарстан: в г. Набережные Челны был открыт Политехнический институт по профилю автомобилестроения, в последствии преобразованный в Камскую государственную инженерно-экономическую академию, в г. Альметьевске – Альметьевский государственный нефтяной институт. В связи с началом строительства крупного нефтехимического комплекса приказом Минвуза РСФСР в г. Нижнекамске, еще за три года до того как он получил статус города, был также организован учебно-консультационный пункт для студентов-заочников Казанского химико-технологического института (КХТИ) имени С.М. Кирова, позднее преобразованный в Нижнекамский химико-технологический институт на правах филиала КХТИ.

Государство рассматривало получение высшего образования работниками отраслей, определяющими профиль города, как приоритетное направление в области высшего профессионального образования. В свою очередь, система высшего образования выступала в монопрофильных городах важным фактором, обеспечивающим их оптимальную жизнеспособность. Исторически доказано, что высшие учебные заведения при целенаправленной поддержке государства позволяли монопрофильным городам не только готовить высококвалифицированные кадры для градообразующих предприятий, но и обеспечивать рекрутирование городской элиты, сдерживать многие виды массовой девиации, обеспечивать занятость молодежи и т.д.

Именно поэтому, на наш взгляд, система высшего образования, сложившаяся в монопрофильных городах, заслуживают особого к себе внимания, а форсированное, не привязанное к региональным особенностям, реформирование данной системы может выступить в качестве угрозы и для развития высших учебных заведений, которые обеспечивают специалистами градообразующие предприятия, и для развития самих городов, которые зависят от способности этих предприятий полноценно функционировать, и для России в целом.

Наиболее опасными для жизнедеятельности монопрофильных городов стали следующие аспекты модернизации системы высшего образования России: его либерализация, глобализация и «деуниверситетизация».

Чем же угрожает монопрофильному поселению *либерализация высшего образования?*

Казалось бы, что уход государства из соучредителей сферы высшего образования позволяет вузам полностью реализовать свои потенции на рынке образовательных услуг, тем более, что они прошли хорошую школу коммерции в 90-е годы XX в. и сумели не только сохранить профессорско-преподавательский состав и материальную базу, но во многих случаях и приумножить ее. Однако в настоящее время этот процесс отягощается тремя обстоятельствами: сложной демографической ситуацией; введением процедуры единого государственного экзамена и административным ограничением стоимости внебюджетного обучения. В этих условиях немногочисленные выпускники школ массово мигрируют в большие города, рассчитывая занять там бюджетные места на основе своих сертификатов. Поэтому в вузах монопрофильных городов, где государство сокращает бюджетное финансирование, резко снижается численность и внебюджетных мест, которые обеспечивают их полноценную жизнедеятельность.

Последствия *глобализации* обернулись для российской высшего образования трансформацией в двухуровневую модель: бакалавриат и магистратура. Это соответствует запросам бизнеса, который рассматривает высшее образование как звено производства, которое ускоряет оборот капитала.

В связи с этим для вузов монопрофильных городов возникает угроза потери высококвалифицированных кадров преподавателей. Это связано с тем, что для бакалавров резко сокращается блок дисциплин, обеспечивающий учебную нагрузку профессорско-преподавательского состава (ППС) выпускающих кафедр, на которых сосредоточен весь научный и исследовательский потенциал вузов. Сокращению кадров высококвалифицированных ППС будет способствовать также ограничение количества магистерских мест (10% от числа бакалавров), а если учесть то обстоятельство, что периферийным вузам и филиалам может не предоставиться право на подготовку магистров, то картина становится удручающей.

Риски, которые в связи с этим грозят развитию монопрофильного города не менее существенны. Высвобождение преподавательских кадров приведет к росту негативной социальной напряженности, так как неблагоприятно скажется на эмоциональном состоянии и тех, кто остался без работы, и на членах их семей, и на микроклимате коллективов учебных заведений. Стрессовое состояние преподавателей, которым будет грозить потеря рабочего места или сокращение до минимума учебной нагрузки, имеет под собой реальную почву, так как в монопрофильных городах возможности трудоустройства преподавателей и их переквалификация - ограничены. Россия еще не забыла подобный этап своего существования, когда под давлением обстоятельств происходил массовый отток учителей из школ в челночный бизнес. Отголоски этого процесса до сих пор проявляются в недостатках школьного образования.

Сам факт механической замены специалистов на бакалавров определенным образом ухудшит качество городского сообщества монопрофильного города, так как бизнес, на который теперь государство возлагает всю ответственность за высшее образование, заинтересован в получении роботизированного исполнителя с узкоспециализированными функциями, а не полноценного члена общества. Кроме того, сторонники двухуровневой системы образования считают, что она способна одновременно удовлетворить массовый социальный спрос на высшее

образование и сформировать элитарное высшее образование за счет исключения из учебных планов для бакалавров обязательных идеологизированных курсов и ненужных для профиля их будущей деятельности дисциплин [20]. Поэтому в список «ненужных» попадают дисциплины социально-гуманитарного профиля, формирующие ценностную систему индивида. Это еще один удар по существованию полноценного городского сообщества.

Третий, очень опасный вызов монопрофильным городам бросила предстоящая деуниверситетизация высшей школы, которая была инициирована Президентом РФ Д. Медведевым. На встрече с руководителями промышленных предприятий 24.03.2011 г. он заявил, что технические вузы не должны осуществлять подготовку студентов по непрофильным специальностям, и призвал запретить такую подготовку даже за деньги. По его словам, непрофильные специалисты в технических вузах получают плохую подготовку, и эта деятельность вуза мешает полноценной подготовке инженеров.

Не вдаваясь в вопрос перепроизводства специалистов социально-экономического профиля, отметим, что именно подготовка этих специальностей спасла технические вузы от умирания, позволила сохранить их кадровый и научный потенциал.

Вынужденная университетизация технических вузов превратила их в свое время в замкнутые самоорганизующиеся системы. Это позволяло им решать не только свои проблемы, но и проблемы тех территорий, где они были расположены. Грубое вмешательство извне уничтожит самоорганизацию образовательных систем и монопрофильных территорий и возложит на государство дополнительную ответственность за управление ими, тем самым будут сведены на нет достижения либерализации.

Подводя итоги, можно сказать, что высокий уровень проблематизации монопрофильных поселений позволяет рассматривать их как сложные социально-экономические системы, которые изначально являются носителями кризиса и обладают такими чертами как:

- *внешнересурсность* - источники жизнедеятельности города находятся во внешней среде;

- *антидиссипативность*, то есть отсутствие в таких городах легитимных каналов для сброса негативной энергии;
- *полисубъектность управления*, при которой субъект управления состоит из городской власти и руководства градообразующих предприятий, выполняющего волю незаинтересованных в жизни города акционеров, что часто ведет к несогласованным и противоречивым действиям этого сложного субъекта;
- *повышенная социальная «инфицированность» населения*, имеющего тесные связи не только в рамках своей совместной профессиональной деятельности, но и в рамках совместного местоживания. Поэтому негативные социальные процессы в таких городах развиваются стремительно быстро [14].

Кроме того, ситуацию в монопрофильных городах некоторые социологи характеризуют как *кризис социального и культурного самоопределения*. Это связано с тем, что население монопрофильных городов не всегда осознает свою ответственность за жизнедеятельность своего города. Хотя даже в современных условиях город, несомненно, представляет для его жителей некую ценность, и активные группы населения используют различные механизмы адаптации, поиски, социальное экспериментирование для решения своих и городских проблем. Это означает, что часть городского социума уже вышла из психологического ступора социального реформирования и активно ищет способы и механизмы приспособления к новым условиям жизни [28], но делает это не всегда эффективно [29, с. 82].

Еще одним серьезным моментом для жизнедеятельности монопрофильных территорий является *их слабая управленческая дееспособность*. Зачастую именно слабость управленческого корпуса является главным тормозом для вывода городов из кризисного состояния [7].

Представленный обзор проблем подтверждает необходимость их глубокого и планомерного изучения с целью последующего разрешения.

Список литературы

1. Александрова, А. Современные проблемы экономического развития и промышленного роста монопрофильных городов [Электронный ресурс] / А. Александрова. – Режим доступа: <http://www.ecsostan.edu.ru>, свободный.
2. Афанасьев, В.Я. Инновационные городские и муниципальные программы : справочник / В.Я. Афанасьев, В.В. Лобанов, О.Н. Яковлева. – М. : Издательство ГУУ, 2000.
3. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Т. I. – От прошлого к будущему. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 600 с.
4. Балобанов, А.Е. Требования к повышению квалификации и профессионализации муниципального управления [Электронный ресурс] / А.Е. Балобанов. – Режим доступа: <http://rels.obninsk.com>, свободный.
5. Берендеева, А.Б. Предмет исследования – благополучие населения / А.Б. Берендеева // Социологические исследования. – 2006. - №5.
6. Гладкий, Ю.Н. Экономическая география России : учебник / Ю.Н. Гладкий, В.А. Доброскок, С.Л. Семенов. – М. : Гардарика, Литературно-издательское агентство «Кафедра – М», 1999. – 752 с.
7. Гладышев, А.Г. Управление социальным развитием города [Электронный ресурс] / А.Г. Гладышев. – Режим доступа: <http://www.rtonline.ru>, свободный.
8. Глазычев, В. Л. Город России на пороге урбанизации / В. Л. Глазычев // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. – С.137–144.
9. Глушкова, В.Г. Территориальная организация населения : учеб. пособие / В.Г. Глушкова. – М. : Дашков и К, 2004. – 244 с.
10. Говренкова, Т.М. Читаем Велихова вместе : учеб. – метод. пособие / Т.М. Говренкова. – М. : Муниципальная власть, 1999. – 322 с.
11. Горин, Н.И. Монопрофильные города Урала [Электронный ресурс] / Н.И. Горин. – Режим доступа: <http://www.mirrabort.com>, свободный.
12. Губина, Н.В. Аспекты социальной напряженности в процессах воспроизводства населения / Н.В. Губина, И.В. Александрова // Современные гуманитарные исследования, 2005. - № 3(4).
13. Губина, Н.В. О социально-экономических последствиях модернизации высшего образования для монопрофильных городов / Н.В. Губина // Высшее образование сегодня. – 2011. – № 6. – С.10-14.
14. Губина, Н.В. Стратегическое планирование на уровне монопрофильного города в условиях экономического кризиса / Н.В. Губина // Вестник Казанского технологического университета. – 2009. - № 3. - Ч.1. – С.175-180.
15. Зайончковская, Ж.А. Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская. – М. : Наука, 1991.

16. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие городов в переходный период: факторы неравенства / Н.В. Зубаревич // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М. : МГУ, 2002.
17. Кара-Мурза, С. России необходимо поддерживать свой «тонус обновления» / С. Кара-Мурза [Электронный ресурс]. – http://news.km.ru/gosudarstvo_dolzno_sozdat_nov/ comments.
18. Коган, Л.Б. Россия и Западная Европа: к взаимодействию городов / Л.Б. Коган // Социальное управление, коммуникация и социальные технологии: Материалы Всероссийской конференции. Москва, 5-6 октября 2005 г. ; редколлегия А.В. Тихонов (отв.ред.) и др. – М.: ИС РАН, 2006. – С.100-109.
19. Коган, Л. Б. Города и политика: российские уроки / Л. Б. Коган. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2003. – 216 с.
20. Колесов, В. Рынок образовательных услуг и ценности образования (Между ВТО и Болонским процессом) / В. Колесов // Высшее образование в России. – 2006. – №2.
21. Лапин, Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Н.И. Лапин. - М.: Институт философии РАН, 2000.
22. Лаппо, Г.М. Новые тенденции в изменении георбанистической ситуации в России / Г.М. Лаппо, П.М. Полян // Изд-во РАН. Сер. географич., 1996. – №6. – С. 7-19
23. Лексин, В.Н. Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения / В. Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: УРСС, 2000. – 256 с.
24. Любовный, В.Я. Монопрофильные города: проблемы развития и занятости / В. Я. Любовный, Т.М. Лычева, Н. Власова // Человек и труд. – 2000. – № 6. – С. 50–53.
25. Любовный, В.Я. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / В.Я. Любовный, Г.Ю. Кузнецова, Н.И. Власова. – М. : Московский общественный научный фонд, 2004. – 217 с.
26. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. – № 127 - ФЗ // Справочная правовая система Гарант 22. 03. 03.
27. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 8 января 1998 г. № 6 – ФЗ // Справочная правовая система Гарант 22. 03. 03.
28. Оценка текущей ситуации в системе местного самоуправления [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://locgov.mpsf.org>, свободный.
29. Петров, А.Н. Стратегическое планирование : учеб. пособие / А.Н. Петров. – СПб. : Знание, 2003. - 200 с.
30. Пивоваров, Ю.Л. Основы георбанистики : Урбанизация и городские системы : учеб. пособие для студ. вузов / Ю.Л. Пивоваров. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 232 с.

31. Попов, В.Г. Градообразующее предприятие и управление социальной сферой малого северного города: социологический анализ / В.Г. Попов, В.В. Китаев, Н.Г. Чевтаева, О.И. Лагно. – Екатеринбург: УрАГС, 2004. – 212 с.
32. Роцин, А.А. Подтопление территории г. Отрадного подземными водами: причины, последствия, возможности защиты / А.А. Роцин // Материалы региональной научно-практической конференции «Стабилизация социально-экономического развития Самарской области». – Самара, 1995.
33. Рязанцев, И. П. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ) / И. П. Рязанцев, А. Ю. Завалишин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 456 с.
34. Тихонов, А.В. Социология управления. Теоретические основы / А.В. Тихонов. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. – 324 с.
35. Трейвиш, А.И. Промышленность России за сто лет / А.И. Трейвиш // Россия в окружающем мире / Аналитический ежегодник. – М. : МНЭПУ, 2002.
36. Тургель, И. Д. Моноотраслевые горняцкие города Среднего Урала : проблемы и перспективы социально-экономического развития / И. Д. Тургель [Электронный ресурс]. - [http: // chinovnik. Uara/ru](http://chinovnik. Uara.ru).

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ МОНОПРОФИЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Теоретико-методологические основы исследования процесса воспроизводства населения

Воспроизводство населения – вероятностный процесс, один из главных процессов репродукции общества, который образует масса случайных, единичных событий – рождений и смертей. С возникновением человеческого общества система регулирования воспроизводства популяций претерпевает качественное изменение, биологические механизмы управления размножением заменяются социальными, речь идет об управлении не процессами, протекающими на индивидуальном уровне, – рождение и смерть остаются биологическими феноменами, – а о сознательном стимулировании или сдерживании рождаемости и смертности на уровне популяции [1].

По определению, предложенному в энциклопедическом словаре «Народонаселение» - воспроизводство населения – это постоянное обновление населения в результате процессов рождаемости и смертности, а для отдельных регионов и миграции [18].

В данной работе делается акцент на функции, которую выполняют демографические процессы как процессы воспроизводства населения, обеспечивающие воспроизводство физического существования людей как живых существ. Такое физическое существование понимается либо в «узком», либо в «широком» смысле.

В «узком» смысле понятие «воспроизводство населения» раскрыто в работах В.М. Медкова и Д.К. Шелестова, Н.В. Зверевой, В.В. Елизарова, И.Н. Веселковой, которые под воспроизводством населения подразумевают естественное воспроизводство населения, т.е. воспроизводство численности и возрастно-половой структуры населения, естественную смену поколений, осуществленную через соотношение рождаемости и смертности - внутренних составляющих воспроизводства физического существования людей. В рамках «узкого» подхода

написаны также работы А.Г. Волкова, А.Г. Вишневого и др. В социологической концепции воспроизводства населения К. Джини воспроизводство населения состоит из двух компонентов: биологического (фертильность, генетический фактор) и демографического (рост числа населения, уплотнение населения и возрастной состав) [13].

Однако во всех исследованиях, базирующихся на «узком» подходе, не учитывается миграционный фактор. Миграция, на наш взгляд, является достаточно важным компонентом воспроизводства населения, поскольку мы полагаем в масштабе страны, региона, и тем более города ее влияние может быть весьма существенным. И только в рамках планеты не надо рассматривать миграцию населения «просто потому, что с Земли практически никому не удалось пока улететь» [3].

Сторонники «широкого» подхода включают в процессы воспроизводства населения не только процессы естественного движения населения, но и изменение социальной структуры населения, его образования, миграцию и т.д. Согласно В. Зомбарту естественное движение населения есть результат совместного действия трех причинных рядов: биолого-технологического, психологического, социологического [7].

Отечественные исследователи Э.К. Васильева и А.В. Баранов в воспроизводство населения включают также и воспроизводство социально-экономических структур общества [9]. Сторонниками этого подхода являются также О.В. Лармин, Е.Б. Бреева, Д.И. Валентей, В.С. Стешенко, В.П. Пискунов.

Признавая важное значение исследования естественного воспроизводства населения, его социальную сущность, мы вместе с тем считаем, что нельзя сводить целостный процесс воспроизводства населения только к его естественному воспроизводству, поэтому «широкий подход» представляется нам наиболее адекватным. Таким образом, мы можем сделать вывод, что *воспроизводство населения* выступает как системное явление, охватывающее самые различные аспекты, связанные с движением населения. При этом под воспроизводством населения следует понимать совокупность трех форм движения: пространственного, социального и естественного. В современных условиях для монопромышленного города основной формой движения является естественная форма,

поскольку именно повышение рождаемости на настоящий момент определяет естественный прирост населения.

Изучив методологические подходы управления демографическими процессами, можно сделать вывод о том, что каждый из них заслуживает особого внимания, но ни один не может рассматриваться как абсолютный. Лишь использование всех методов даёт возможность эффективного и грамотного управления демографическими процессами.

Изучение динамики и тенденций социально-демографических процессов позволяет спрогнозировать дальнейшее их развитие и на основе прогнозов принять решающие меры для предотвращения их негативных последствий. Такую роль выполняет демографическая политика, которая является важной составной частью социальной политики государства.

Реализация демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года будет осуществляться в три этапа.

На первом этапе (2007-2010 годы) реализованы меры, направленные на преодоление сложившихся негативных тенденций демографического развития, в том числе осуществлена основная часть мероприятий по снижению уровня смертности населения в результате дорожно-транспортных происшествий и от сердечнососудистых заболеваний, по повышению качества оказания медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, по развитию перинатальных технологий, уменьшающих риск неблагоприятного исхода беременности и родов, по оказанию государственной адресной материальной поддержки семьям, имеющим детей, включая проведение индексации пособий с учетом темпов роста потребительских цен, по подготовке к приему в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, по психолого-педагогическому и медико-социальному сопровождению и материальной поддержке замещающих семей.

Предусматривается разработать специальные меры по профилактике и своевременному выявлению профессиональных заболеваний, улучшению условий труда, содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, и повышению их конкурентоспособности на рынке труда, по развитию

инфраструктуры дошкольного образования, обеспечению местами в дошкольных образовательных учреждениях в приоритетном порядке детей работающих женщин, а также разработать долгосрочные программы, направленные на популяризацию здорового образа жизни, повышение миграционной привлекательности важных в геополитическом отношении регионов Российской Федерации.

На первом этапе в субъектах Российской Федерации разработаны региональные демографические программы, направленные на улучшение демографической ситуации, учитывающие специфику каждого региона (долю сельского населения, сложившуюся модель семьи, обычаи и традиции) и согласованные с реализуемыми мероприятиями приоритетных национальных проектов в сфере образования, здравоохранения, жилищной политики и сельского хозяйства. При разработке указанных программ первоочередное внимание уделяется наиболее острым проблемам народонаселения, характерным для конкретного региона субъекта Российской Федерации. Программы обеспечены необходимым финансированием, методическим и информационным сопровождением. На первом этапе созданы условия, позволяющие уменьшить остроту демографического кризиса, сформировать правовую, организационную и финансовую базу для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению позитивных тенденций к началу 2011 года [23].

В результате реализации мероприятий первого этапа предполагается снизить темпы естественной убыли населения и обеспечить миграционный прирост.

На втором этапе (2011-2015 годы) будет продолжено осуществление мероприятий по стабилизации демографической ситуации. Основной акцент будет сделан на внедрении программы здорового образа жизни, реализации специальных мер по содействию занятости женщин, имеющих детей, проведении мероприятий по профилактике и своевременному выявлению профессиональных заболеваний, осуществлении программы поэтапного сокращения рабочих мест с вредными или опасными для репродуктивного здоровья населения условиями труда.

К 2015 году предусматривается существенно улучшить здоровье населения, создать условия для комфортной жизнедеятельности семей, воспитывающих детей. В связи с реализацией с 2010 года дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в форме предоставления материнского (семейного) капитала будут разработаны меры по расширению строительства доступного семейного жилья, развитию дополнительных образовательных услуг.

На третьем этапе (2016-2025 годы) предусматривается на основе оценки влияния реализуемых проектов и программ на демографическую ситуацию проводить мероприятия по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране.

В связи со значительным уменьшением к началу третьего этапа численности женщин репродуктивного возраста потребуются принять дополнительные меры, стимулирующие рождение в семьях второго и третьего ребенка.

Важнейшие составляющие местной социально-экономической политики являются демографическая политика.

В местной социальной политике главный ориентир – улучшение качества жизни населения. Это, прежде всего, уровень, образ и продолжительность жизни населения. Главный ориентир местной демографической политики заключается в формировании в долгосрочной перспективе желательного режима воспроизводства населения, что подразумевает сохранение или изменение тенденций в области динамики и структуры населения, рождаемости, смертности, семейного состава, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

К числу задач муниципальных органов по разработке и реализации демографической политики относится необходимость:

- максимально учесть сложившуюся демографическую обстановку;

- предвидеть возможные демографические последствия социально-экономических решений, принимаемых на государственном и местном уровне разработать и реализовать систему мер, направленных на смягчение сложившейся

демографической ситуации и предотвращение будущих нежелательных тенденций в развитии населения [12].

В данный момент большинство монопромышленных городов переживают демографический кризис.

Анализ публикаций по тематике монопромышленных городов ряда авторов (С. Беловой, М.Л. Белоножко, Н.В. Губиной, Н.И. Крысина, Ф.Ф. Ишкинеевой, Е.А. Колесник, Е.В. Машковой, И. Зайцевой, А.М. Столярова, И.Д. Тургель и др.) показал, что данный тип поселений имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при проведении комплекса мероприятий, связанных с его демографическим развитием. Население монопромышленного города как социально-демографического образования качественно отличается от населений более высокого уровня – крупного города региона и страны.

Во-первых, монопромышленный город и его градообразующие предприятия объединяют не только городскую, но и производственную среду и образуют единую хозяйственно-экономическую и социальную систему, расчленение которой на отдельные автономные сегменты приводит к потере ее целостности.

Во-вторых, возможности повседневного контакта между собой у населения находятся в обратной зависимости от размера города и в прямой от наличия градообразующих предприятий, на которых ежедневно происходят контакты людей и которые определяют социальное качество городского населения.

В-третьих, население города связано с его инфраструктурой, развитие которой в монопромышленном городе определяется финансовым «здоровьем» градообразующего предприятия. Обеспечение жильем, детскими учреждениями, медицинским обслуживанием, проведение спортивных, культурных мероприятий и любых всевозможных акций в таких городах в основном осуществляют предприятия-монополисты. Они же зачастую определяют и задают рамки личностного роста и развития каждого жителя города и района. Монопромышленный город как социальный организм формирует свою специфическую среду жизнедеятельности.

В-четвертых, монопромышленный город является «заложником» градообразующего предприятия, у него меньше вариантов развития, так как предприятие-монополист формирует весьма значительную часть городского бюджета. Экономическая нестабильность на градообразующих предприятиях в монопромышленном городе влечет за собой своего рода цепную реакцию негативных последствий: рост безработицы, падение доходов населения, рост социальной напряженности, отсюда - наличие прямой зависимости между уровнем экономического благополучия градообразующих предприятий и уровнем развития городской экономики в целом. В этой связи вопросы реформирования его градообразующих предприятий должны рассматриваться как одно из приоритетных направлений социально-экономического развития всего города.

В-пятых, существует высокая зависимость как градообразующих предприятий, так и всего города от внешних факторов (конъюнктуры на внешнем рынке ресурсов и товаров, наличия государственного заказа и соблюдения обязательств по его оплате, определяющих финансовую устойчивость градообразующего предприятия).

В-шестых, для таких городов характерна относительная профессиональная однородность значительного количества жителей города, вызванная занятостью в одной отрасли.

Монопромышленный город как сложная система, представляет совокупность основных подсистем: демографической, технической, экологической. Это не простая совокупность населения, средств производства и природного ландшафта, он представляет собой своеобразный социальный организм. Население любого города – городская территориальная общность – имеет свои особенности, отражающиеся в специфике социальной и этнической структур, характере расселения по территории города [18]. «Демографическую подсистему города составляет городское население, «социальный субстрат» городской жизни. Разумеется, население города (человеческая составляющая) является носителем таких важных характеристик, которые изучаются социологами, как потребности (интересы, ориентации, позиции), способности (ресурсы, резервы,

кадровый потенциал, профессиональная структура), деятельность (функции людей в подсистеме), социальные отношения горожан во всех их видах, социальные институты (учреждения, организации, заведения, партии, предприятия). Вся эта совокупность определена как городской социум.

Демографическая структура населения выражает многие важные стороны деятельности и особенности монопромышленного города, которые необходимо учитывать при выработке управленческих альтернатив.

Все, что мы знаем о воспроизводстве населения, определяется тем, как удастся узнавать то, что сегодня считается известным. Для изучения процессов воспроизводства населения необходимо знать особенности репродуктивного поведения населения, определяющие тенденцию рождаемости. Воспроизводство населения как объект управления имеет также свою специфику: нельзя использовать меры принудительного характера. Индивиды сами решают, сколько детей им иметь, как заботиться о своем здоровье. Можно лишь сформировать модель «идеальной семьи», к созданию которой нужно стремиться. При этом индивиду кажется, что он самостоятельно выбирает модель своего репродуктивного поведения. На самом деле он будет стараться соответствовать общепринятым стереотипам поведения.

Ведущая роль в создании модели «идеальной семьи», должна отводиться информационному фактору и формированию демографических знаний. Такая ситуация предполагает также наличие информации о ситуации, которая представляет собой не только знание, но и осознание неполноты этого знания. Выбор предпочтительной альтернативы демографического поведения, принимается на основе не только знания, но и определенных убеждений, т.е. принятие решения включает в себя оценку существующих суждений – альтернатив. Установлено, что массовое сознание реагирует на перемены в основном на эмоциональном уровне и не успевает глубоко осмысливать происходящие события. Поэтому необходимо проводить оперативные экспресс-исследования социолого-демографического плана, обеспечивающие своевременную оценку ситуации в общественном сознании, использовать примеры благополучных семей, выступления знаменитых,

выдающихся людей из многодетных семей и т.д. Оперативная информация о состоянии демографической ситуации позволит также:

- отслеживать бифуркационные моменты в демографических системах;
- определять характер флуктуаций, формирующих воспроизводственные процессы;
- определять величину отклонений от запланированных параметров воспроизводства населения;
- определять величину отклонений от запланированных параметров воспроизводства населения;
- способствовать принятию грамотных управленческих решений по оптимизации воспроизводственных процессов;
- своевременно корректировать программы демографического развития.

Вполне очевидно, что без диагностики и прогнозирования демографической ситуации и отражения ее последствий в сознании масс нельзя квалифицированно подойти к выбору оптимального варианта решения любого вопроса государственной значимости.

Наибольшее внимание при изучении воспроизводства населения уделялось изучению репродуктивного поведения, поскольку именно оно определяет характер естественного движения населения, выступающего в свою очередь, основным компонентом воспроизводства населения в монопромышленном городе. При этом основная движущая сила репродуктивного поведения – потребность в детях. Согласно М.Н. Халкечеву, потребность в детях – это социально-психологическое свойство социализированного индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и определенного их числа индивид испытывает затруднения в своей личностной самореализации. Эти затруднения возникают в повседневности при выявлении семейного статуса личности – тем самым производится произвольная оценка (и самооценка) поведения личности, исходя из бытующих норм детности, или репродуктивных норм [25, с.64].

Репродуктивное поведение обладает структурой, которую можно представить в виде последовательности психических

компонентов: репродуктивные потребности, установки, планы и решения, действия, результаты действий. В основном в исследованиях они изучаются через следующие внешние индикаторы:

- репродуктивные потребности – через изучение потребности в детях;
- установки – через желаемое, идеальное и ожидаемое число детей;
- планы и решения – через репродуктивные мотивы;
- действия – через репродуктивное поведение (деторождение, предохранение от беременности);
- результаты действий – через реальное число детей, число абортов, противозачаточные меры.

Репродуктивное поведение развивается от формирования потребности к результатам, поэтому его исследование должно проводиться в противоположном направлении: от результата к установке, раскрывающей количественную определенность потребности в детях.

В.А. Архангельский отмечает, что при исследовании воспроизводства населения наибольшее значение имеют репродуктивные установки семьи, или «нормы детности» изучаемые через представление населения об *«идеальном»*, *«желаемом»* и *«ожидаемом»* числе детей [17, с.51-52].

«Идеальное» число детей - это представление индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений. Ответы респондентов на вопрос об идеальном числе детей в семье дают возможность говорить, скорее всего, об их представлении о социальной норме детности.

«Желаемое» число детей - это то их число, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье, исходя из собственных склонностей, без учета конкретных обстоятельств жизни и индивидуальной биографии. Этот показатель дает более конкретную характеристику репродуктивных предпочтений респондентов.

«Ожидаемое» число детей - это число детей, которое респондент «планирует» иметь в своей семье к концу репродуктивного периода. Это наиболее конкретный (и

приемлемый для прогноза) показатель, хотя в реальной жизни он не всегда совпадает с фактическим.

Для измерения репродуктивных установок разработаны специальные методы. Изучение репродуктивных установок важно проводить как по общим показателям, так и в зависимости от возраста, пола, социального положения, денежного дохода, образования, семейного положения, вероисповедания. Это позволит установить возможные причины малодетности (по показателям) и выявить наиболее существенные факторы, влияющие на репродуктивные установки.

Изучение «идеального», «желаемого» и «ожидаемого» числа детей присутствует, в основном, во всех социолого-демографических исследованиях и позволяет проводить вторичный анализ. В социологических исследованиях воспроизводства населения появление индикаторов желаемого числа детей было вызвано сменой парадигм - старая, бихевиористская, исключая поведение семьи между стимулами (условиями жизни) и реакциями (числом детей в семье), уступила место новой «поведенческой» или «социологической» парадигме. Интерпретация данных об установках на «идеальное» число детей различается в противоположных концепциях. Сторонники «прямой связи» между условиями жизни и детностью иначе толкуют «идеальное» число детей, чем представители «обратной связи» - в этом проявляется влияние каждой из альтернативных теорий на использование технического приема в исследовании [5, с.5].

В рамках социологической парадигмы, под «идеальным» числом детей следует понимать «число детей, которое лучше иметь вообще». Помимо показателей методики «определения норм детности» включим дополнительные вопросы, позволяющие получить дополнительную информацию о репродуктивном поведении, а именно:

- установить социально одобряемое число детей;
- установить, в какой мере население расценивает детей, в качестве помехи к достижению цели;
- установить темпы снижения норм детности за два поколения;
- выявить репродуктивные планы на ближайшие пять лет.

Что касается качественной стороны потребности, то она раскрывается в репродуктивных мотивах, представляющих собой состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей [25, с.64]. Репродуктивный мотив характеризует личностный смысл появления на свет ребенка любой очередности. М.Н. Халкечев выделяет три типа репродуктивных мотивов:

- *экономические* – побуждают к рождению того или иного числа детей, чтобы добиться определенных целей, связанных со стремлением приобрести какие-то материальные выгоды или повысить свой экономический статус;

- *социальные* – стимулируют рождение определенного числа детей в рамках бытующих социокультурных норм детности;

- *психологические* – когда через рождение определенного числа детей достигаются глубинные внутренние цели личности [25, с.65].

Для монопромышленного города будет уместно выделить еще один тип - *биологические* мотивы, обусловленные влиянием экологии и спецификой градообразующего предприятия на состояние здоровья населения.

Автором была разработана программа конкретного эмпирического исследования, которая разбила процесс исследования на 3 этапа:

I этап (наиболее важный и трудоемкий) был посвящён формулировке характеристик изучаемой проблемы, в качестве которой выступила неэффективность социального управления процессами воспроизводства населения в городе Нижнекамске. Этап состоял из двух процедур:

- статистического анализа динамики воспроизводства населения, включающего, в свою очередь, анализ трёх компонент процесса воспроизводства населения: рождаемости, смертности и миграции. Это позволило определить тенденции развития данных процессов, их роль в воспроизводстве населения, а также выявить возможные резервы и «слабые места» всего процесса воспроизводства. На первом этапе производилось также описание предмета управленческого воздействия и его характеристик;

– пилотажного социологического исследования на небольшой выборке для проверки инструментария. Пилотаж как специальная форма верификации применяемых методик позволил оценить (в целях последующей доработки) их надежность.

При выяснении мнений о демографической ситуации в стране и в городе респондентам предлагались развернутые варианты ответов, это позволило получить более полную информацию. Дело в том, что сами отвечающие не всегда могут иметь собственные суждения о тенденциях изменения института семьи, о демографическом положении страны, о требующихся действиях государства, поскольку это далеко от их личного опыта и может даже противоречить ему. При изучении конкретного семейного поведения, в котором участники разбираются хорошо, фиксировались установки и убеждения людей, смещенные в сторону их семейной практики, связанные с невольной защитой привычного опыта семейной жизни.

Наряду с социологическими методами (анкетный опрос, фокусированное интервью, вторичный социологический анализ, экспертный опрос) в исследовании использовались математические методы (метод усреднения показателей, критерий хи-квадрат).

Так, например, в результате того, что развитие процессов воспроизводства населения носит нелинейный характер, для выявления значимых различий внутри выборки был применен критерий χ^2 (критерий Пирсона). Это позволило сравнить показатели, полученные по результатам ответов на семь вопросов анкеты:

- идеальное число детей в семье;
- желаемое число детей в семье;
- реальное число детей в семье;
- число детей в семье, не влияющее на осуществление мечты респондента (вводится для выяснения причины «дети как помеха»);
- число детей в семье, которое родители могут посоветовать иметь своим детям (вводится для выяснения изменения репродуктивных планов будущих поколений);

- число детей в семье, необходимое, для уважения в обществе (вводится для выяснения социально одобряемого числа детей);

- ожидаемое число детей в семье.

Сравнение этих показателей проводилось по трем признакам: пол, денежный доход, семейное положение.

На следующем (качественном) этапе было проведено фокусированное интервью полуформализованного типа, позволившее выявить мотивы, ведущие к деторождению, и ограничивающие его. В результате углубленного интервью выяснялось, что способствовало ограничению репродуктивного поведения и формированию значимых различий в репродуктивных установках и в репродуктивном поведении людей. Например, человек искренне убежден, что идеальное число детей для него - пять, но реально готов иметь только одного ребенка. Было опрошено 20 женщин (10 – многодетные, 10 - малодетные).

На II этапе исследовались системы управления процессами воспроизводства населения на уровне г. Нижнекамска с помощью экспертов. В опросе приняло участие 12 специалистов различных муниципальных структур.

III этап был посвящен выработке стратегических целей и задач по управлению процессами воспроизводства населения.

Как видно из схемы программы, при разработке методики эмпирического исследования автор опирался как на количественные, так и на качественные методы социологии, что позволило более эффективно решить исследовательские задачи. Впоследствии на основе разработанной методологии было проведено эмпирическое исследование репродуктивных установок населения конкретного монопромышленного города. На первом этапе на основе количественного исследования, была изучена статистика мнений о рождаемости в г. Нижнекамске, а на втором — качественном, была получена интерпретация репродуктивных мотивов населения.

Процессы воспроизводства населения монопромышленного города: опыт социологического исследования

Как уже отмечалось выше, монопромышленные города имеют свои особенности, попробуем с этой точки зрения

взглянуть на демографические процессы, касающиеся такого монопромышленного города, как Нижнекамск.

Можно указать на ряд базовых показателей, которые имеют первоочередное значение в исследовании воспроизводства населения: количество городского населения; плотность населения; миграция населения; половая характеристика населения; возрастная характеристика населения; брачно-семейная структура города; профессиональная занятость населения; национально-этнический состав [21, с.33].

Для того чтобы разобраться в современных тенденциях динамики процесса воспроизводства населения, проследим, каковы были тенденции развития рождаемости, смертности, миграции в г. Нижнекамске в период с 2000 г. по 2005 г.

Таблица 2.1 — Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста по РТ

Показатель	2000 год	2001 год	2002 год	2003 год	2004 год
Число родившихся живыми, чел.	35446	35887	38178	38461	38865
Число умерших, чел.	49723	50119	51685	52263	51345
Естественный прирост	-14277	-14242	-13507	-13802	-12480

Примечание: См.: Состояние здоровья населения и деятельность учреждений здравоохранения республики Татарстан в 2004 году: материалы в итоговой коллегии. - Казань : Медицина, 2005. – 56 с.

Несмотря на то что в РТ на протяжении исследуемого периода происходит естественная убыль населения (таблица 2.1), в г. Нижнекамске на протяжении рассматриваемых лет естественный прирост положительный (таблица 2.2), и сохраняются самые высокие показатели естественного движения населения по сравнению с динамикой естественного движения в других крупных городах Республики Татарстан.

Таблица 2.2 — Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста по Нижнекамскому району и г. Нижнекамску

Показатель	2000 год	2001 год	2002 год	2003 год	2004 год	2005 год
Число родившихся живыми, чел.	2432	2646	3021	3088	3235	3017
Число умерших, чел.	1897	1964	2492	2552	2487	2500
Естественный прирост	535	682	529	536	748	517

Примечание: составлено по данным отдела ЗАГС Администрации г. Нижнекамска и Нижнекамского района.

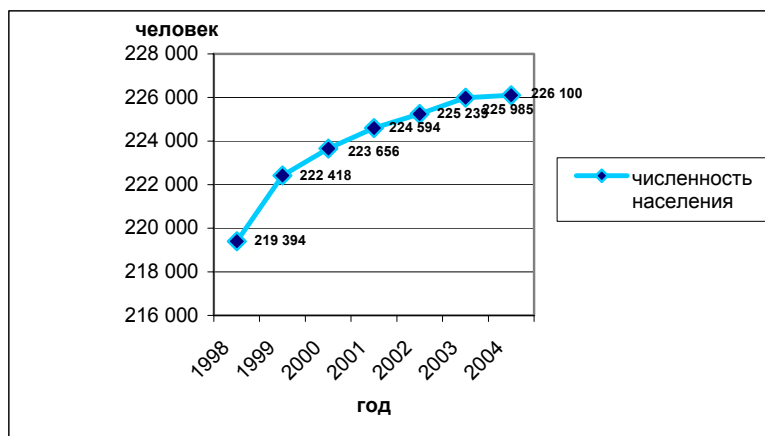

Рисунок 2.1 - Динамика численности населения г. Нижнекамска за 1998-2004 гг.

В среднем по Республике Татарстан за 1998-2004 годы воспроизводство населения наблюдается только с отрицательным знаком. Наименее благоприятными в демографическом плане для республики стали 2000 г. и 2001 г. с одинаковой естественной убылью (отрицательным естественным приростом) – 3,8‰, относительно благоприятным для республики стал 1998 год с естественным приростом – 2,2‰. В последующие три года показатели естественного

прироста повысились на 0,2‰ и естественный прирост в 2004 году составил – 3,6‰ [22, с.5].

Динамика численности населения г. Нижнекамска представлена на рисунке 2.1.

Для города Нижнекамска наиболее благоприятным годом в плане естественного движения населения был 1998 год, (уровень естественного прироста составил 4,3‰). Затем до 2000 года эти показатели снижались и лишь в 2001 году уровень естественного прироста несколько повысился и составил 3,0‰. Затем в 2002-2003 гг. вновь наблюдалось падение естественного прироста, до величины 2,0‰. И в 2004 году показатель естественного прироста повысился до 2,8 ‰ (таблица 2.3). В абсолютных показателях в 2004 году в Нижнекамске по сравнению с 2003 годом, родилось на 147 человек больше, а умерло на 65 человек меньше, таким образом, начиная с 2002 года, наблюдается положительная динамика естественного прироста (рисунок 2.2).

Таблица 2.3 - Демографическая ситуация в г. Нижнекамске

показатель	2002 г.		2003 г.		2004 г.	
	абсол.	относ.	абсол.	относ.	абсол.	относ.
Рождаемость	3021	11,4‰	3088	11,6‰	3235	12,2‰
Младенческая смертность	30	10,0‰	26	8,8‰	28	8,7‰
Общая смертность	2492	9,4‰	2552	9,6‰	2487	9,4‰
Естественный прирост	+2,0‰		+2,0‰		+2,8‰	

Примечание: составлено по материалам Отчета Городского управления здравоохранения г. Нижнекамска и Нижнекамского района за 2004 г. - Нижнекамск, 2005.

Положительный естественный прирост обеспечивается сейчас в основном тем, что в репродуктивный возраст вступило поколение детей, рожденных в конце 70-х – начале 80-х гг. За счет увеличения общего количества женщин фертильного возраста и происходит увеличение рождаемости в настоящее время.

Рисунок 2.2 – Динамика естественного прироста в г.Нижнекамске

По данным отдела статистики на 1 января 2005 года в г. Нижнекамске было зарегистрировано 2500 актовых записи о смерти – это на 13 человек больше, чем в 2004 году.

В структуре смертности населения Республики Татарстан ведущее место занимают болезни системы кровообращения (61,3%), на втором месте – травмы, отравления и внешние воздействия (13,3%), на третьем месте новообразования (12,9%).

Основные причины смерти в Нижнекамске повторяют республиканскую картину (таблица 2.4).

Таблица 2.4 - Основные причины смерти в г. Нижнекамске

Группа заболеваний	2003 г.	2004 г.
Сердечно-сосудистые	56%	59,1%
Травмы и отравления	24%	17,4%
Новообразования	17%	15,8%
Прочие	3%	7,7%

Примечание: составлено по материалам Отчета Городского управления здравоохранения г. Нижнекамска и Нижнекамского района за 2004 г.

Анализ состояния здоровья населения показывает, что в целом заболеваемость по всем возрастным группам населения в Нижнекамске выше, чем по республике (таблица 2.5, 2.6).

Таблица 2.5 - Общая заболеваемость населения Нижнекамского района и г. Нижнекамска

Показатель	2000 год	2001 год	2002 год	2003 год	2004 год
Первичная заболеваемость, на 1000 населения	951,9	833,2	873,2	933,8	945,7
Распространенность болезней, на 1000 населения	1355,1	1244,7	1373,2	1519,0	1562,3

Примечание: составлено по - Состояние здоровья населения и деятельность учреждений здравоохранения республики Татарстан в 2004 году: материалы в итоговой коллегии. - Казань : Медицина, 2005.

Таблица 2.6 - Общая заболеваемость населения РТ

Показатель	2000 год	2001 год	2002 год	2003 год	2004 год
Первичная заболеваемость, на 1000 населения	760,9	731,6	757,9	774,3	758,7
Распространенность болезней, на 1000 населения	1301,8	1286,4	1358,4	1413,4	1432,6

Примечание: составлено по - Состояние здоровья населения и деятельность учреждений здравоохранения республики Татарстан в 2004 году: материалы в итоговой коллегии. - Казань : Медицина, 2005.

Уровень первичной заболеваемости в Нижнекамске имеет худший показатель по РТ - 945,7 на 1000 населения. По сравнению с РТ рост составил 24%. Рост заболеваемости дали следующие группы заболеваний :

- болезни мочеполовой системы – на 25% (по сравнению с РТ выше на 56%);
- инфекционные и паразитарные – на 6,4% (по сравнению с РТ выше на 43%);
- болезни системы кровообращения – на 5,7% (по сравнению с РТ выше на 15%).

На уровень воспроизводства населения влияет и половозрастной состав населения (таблица 2.7).

Таблица 2.7 - Заболеваемость населения в г. Нижнекамске по всем возрастным группам (1000 населения)

Группа заболеваний	Нижнекамск		По РТ 2004 г.	+/-
	2003 г.	2004 г.		
Органы дыхания	364,1	349,0	275,6	+
Травматизм	106,9	133,8	105,2	+
Мочеполовая система	68,4	70,4	46,8	+
Костно-мышечная система	59,7	62,2	44,3	+

Примечание: составлено по материалам Отчета Городского управления здравоохранения г. Нижнекамска и Нижнекамского района за 2004 г. - Нижнекамск, 2005.

Исторически сложилось, что в России и, в том числе, в Республике Татарстан численно преобладают женщины над мужчинами. Учитывая то, что в монопромышленных городах республики развивается производство, на котором заняты в основном мужчины, можно сделать вывод, что численное соответствие мужчин и женщин в монопромышленных городах должно балансироваться, однако статистика показывает, что половой состав населения Нижнекамска соответствует среднероссийским показателям – 47% мужчин и 53% женщин. В монопромышленном городе семейно-брачное поведение определяется наличием рациональных пропорций в количестве мест приложения труда, имея в виду традиционно «мужские» и «женские» профессии. Игнорирование этого принципа приводит к серьезным нарушениям в организации социальной жизни города. Важно согласовать количество мест приложения труда, иначе будет происходить отток «избыточного» (с точки зрения производства) пола, начнется отток из города противоположного пола (из-за невозможности заключения брака или обеспечения работой другого члена семьи), что негативно отразится на репродуктивном поведении населения.

Важно отметить, что до достижения трудоспособного возраста, и в общем количестве рожденных, численно преобладают мальчики над девочками (22,2‰ и 18,7‰ соответственно). При достижении трудоспособного возраста, хотя и незначительно, численно преобладают мужчины над женщинами (69,1‰ и 65,4‰). К достижению пенсионного возраста количество мужчин резко снижается (таблица 2.8).

Таблица 2.8 - Половозрастной состав города Нижнекамска (в % к общей численности населения, на 2003 год.)

Моложе трудоспособного возраста			Трудоспособные			Старше трудоспособного		
Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен	Оба пола	Муж	Жен
20,4	22,2	18,7	67,1	69,1	65,4	12,5	8,7	15,9

Примечание: составлено по - Города и районы республики Татарстан в цифрах. Ст. сборник. - Казань, 2003. - С. 17.

Что же касается возрастного состава населения, то за последние двадцать лет в городах республики Татарстан доля молодого населения в возрасте 20-24 года и 25-29 лет сократилась соответственно на 4% и 3,2 %, тогда как доля пожилого населения в возрасте старше 70 лет увеличилась на 2,3%. Несмотря на свой молодой возраст, Нижнекамск уже сегодня является одним из «старых» районов Татарстана, в котором проживало на 2004 год 54057 пенсионеров (доля людей пенсионного возраста составляет 16,4% от всего населения города). Нижнекамск находится на пороге демографической старости, о чем свидетельствует динамика возрастной структуры населения (рисунок 2.3). Но уровень демографической нагрузки¹ достаточно низкий и составляет всего 570, тогда как в Казани он уже 672.

¹ Демографическая нагрузка – служит для выражения соотношения экономически и социально неактивного населения и трудоспособного населения и характеризует «нагрузку» на экономику непроизводительного населения.

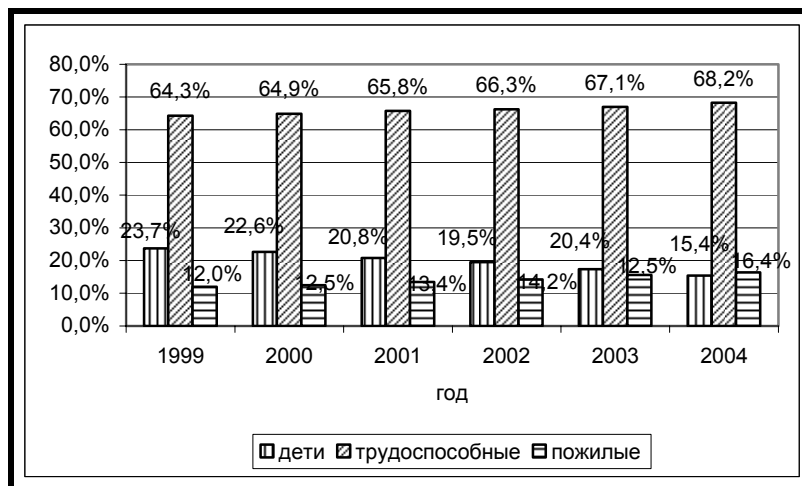
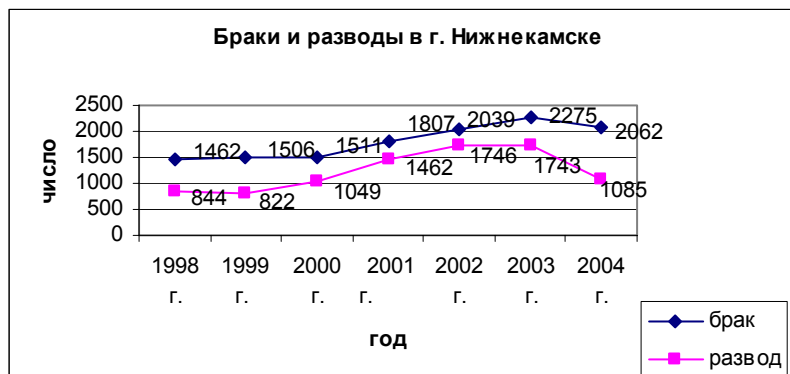

Рисунок 2.3 - Динамика возрастной структуры населения города Нижнекамска

Население города Нижнекамска формируется за счет двух основных источников: естественного прироста и механического прироста, так как административные границы города не менялись с момента его возникновения. Главным фактором роста и формирования населения и трудовых ресурсов в городе является естественный прирост. Его размеры, в свою очередь, связаны с особенностями семейно-брачного (репродуктивного) поведения населения. В г. Нижнекамске удельный вес населения, находящегося в репродуктивном возрасте (15-49 лет) достаточно высок и составляет 60%, тогда как в Казани всего 55% [10].

Главными «поставщиками» новых горожан являются молодые семьи. Динамика браков и разводов, от которых зависит количество молодых семей, представлена на рисунке 4.

До 2003 года общее число зарегистрированных браков в городе ежегодно увеличивалось, но в 2004 году их число стало меньше на 213, 2005 год стал рекордным по количеству браков: их было зарегистрировано 2418, для сравнения: в 2004 году их было меньше на 356, в 1993 - на тысячу.

Рисунок 2.4 - Браки и разводы в г. Нижнекамске²

Анализ брачности будет неполным без характеристики уровня разводимости. Нижнекамск лидирует и по заключенным бракам, и по количеству разводов (рисунок 2.4). Начиная с 1999 года, происходило увеличение числа разводов в г. Нижнекамске, что в целом повторяет картину по РТ. Резкое увеличение числа разводов в 2001, 2002, 2003 гг. можно объяснить паспортной реформой, которая заставила многих оформить, наконец, решения судов о разводе в органах ЗАГС – так, как этого требует закон.

Миграция – третья составляющая процесса воспроизводства населения, она издавна служила одним из ключевых факторов поддержания или восстановления демографического равновесия. Исключительно за счет воспроизводства населения это равновесие поддерживается только в масштабах всего мира. Что же касается региональных или локальных образований, то в их динамике всегда присутствует миграционный компонент, иногда очень значительный. Распад СССР заставил по-новому расставить акценты при поисках путей дальнейшего демографического развития страны, в частности, задуматься над будущей ролью миграции как компонента роста населения России.

² Составлено по данным отдела ЗАГС Администрации г. Нижнекамска и Нижнекамского района.

Однако при нынешнем положении дел в России рассчитывать на решение проблемы депопуляции только за счет миграции нельзя, поскольку существуют достаточно серьезные объективные обстоятельства, не позволяющие делать ставку на масштабный миграционный приток как способ противодействия депопуляции: во-первых, с 1995 г. потоки мигрантов в РФ непрерывно сокращаются; во-вторых, и это самое важное, иммиграция в Россию как средство повышения демографической безопасности таит в себе немалые социальные, этнокультурные и политические угрозы. Опыт свидетельствует, что интегрировать мигрантов в социальном, культурном и политическом смысле весьма непросто.

Миграционный процесс в 2004 году характеризовался некоторым увеличением подвижности населения внутри республики Татарстан (таблица 2.9), так в 2002 году миграционный прирост составил – 6120 человек, в 2003 году – 6612 человек, в 2004 году – 4923 человека.

Таблица 2.9 - Динамика миграционного прироста в РТ и городе Нижнекамске с 2002-2004 гг. в чел.

Регион	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Республика Татарстан	6120	6612	4923
Нижнекамск	116	210	- 633

Примечание: составлено по данным Госкомстата РТ за 2002 -2004 гг.

В городе Нижнекамске в анализируемый период сальдо миграций³ изменило свой знак с положительного на отрицательный (рисунок 2.5).

На протяжении исследуемого периода наблюдается устойчивое снижение величины миграционного прироста (рисунок 5). Можно сделать вывод, что резервы механического прироста исчерпаны. В дальнейшем, при сохранении неизменности внешних условий воспроизводство населения города будет пополняться в основном за счет рождаемости,

³ Сальдо миграций показывает, на сколько увеличилась или уменьшилась численность населения за счет мигрантов.

которая имеет устойчивую тенденцию роста на протяжении последних четырех лет (рисунок 2.6).

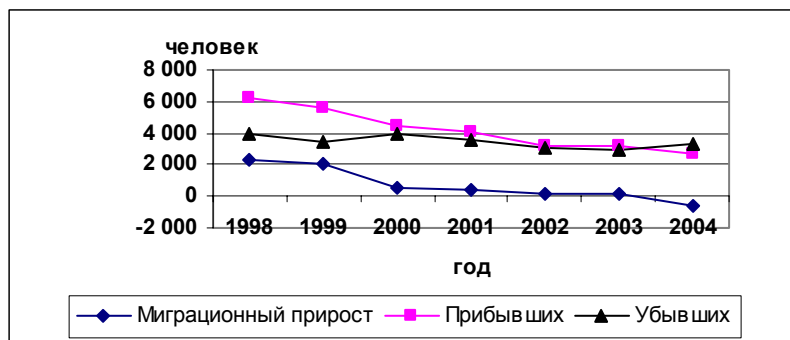

Рисунок 2.5 – Динамика миграционного прироста населения в г. Нижнекамске⁴

Экологическая ситуация оказывает определенное влияние на воспроизводственные процессы. Несмотря на экономический кризис в стране, спад производства и остановку многих предприятий, объемы выбросов вредных веществ в атмосферу увеличиваются и растет сброс неочищенных сточных вод на единицу выпускаемой продукции, что ведет к накоплению токсичных веществ в окружающей среде [19, с.30].

В г. Нижнекамске находятся два крупных промышленных гиганта, что вдвойне усугубляет экологическую обстановку и отрицательно воздействует на репродуктивное здоровье населения города.

Наиболее чувствительными к неблагоприятным экологическим воздействиям являются дети, беременные и кормящие матери. За последнее десятилетие в Нижнекамске у беременных значительно возрос уровень заболеваний, осложняющих роды и послеродовой период [22, с.5].

⁴

Составлено по данным отдела статистики г. Нижнекамска.

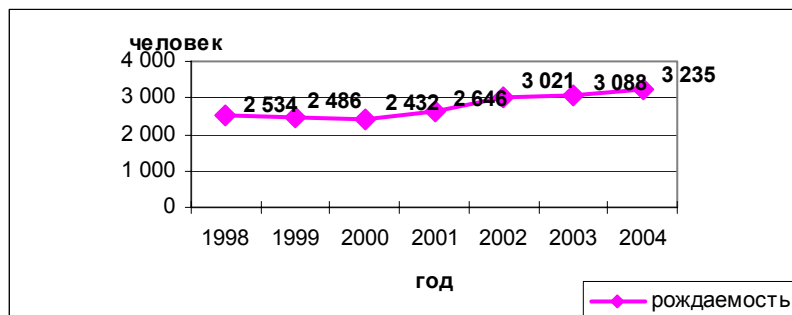

Рисунок 2.6 - Динамика рождаемости в г. Нижнекамске.⁵

Младенческая смертность в Республике Татарстан в 2004 году выросла, что обусловлено увеличением смертности от болезней раннего детского возраста и болезней органов дыхания. В городе Нижнекамске уровень младенческой смертности ниже, чем в Республике (таблица 2.10).

Структура причин младенческой смертности и в республике, и в городе остается стабильной. Ведущими является заболевания перинатального периода, врожденные пороки развития, болезни органов дыхания и инфекционные заболевания.

Таблица 2.10 - Показатели младенческой смертности в РТ и г. Нижнекамске в ‰

Регион	2002г.	2003г.	2004г.
РТ	11,4 ‰	10,8 ‰	11,9 ‰
Нижнекамск	9,7 ‰	8,2 ‰	9,1 ‰

Составлено по материалам отчетов Городского управления здравоохранения г. Нижнекамска и Нижнекамского района за 2002 г. – 2004 гг.

На естественный прирост оказывает влияние «возраст» населения города, национальность населения, распределение его по вероисповеданию: так у мусульман рождаемость и естественный прирост выше, чем у православных, причем с 1989 года общая численность татар растет.

Средний возраст жителей города Нижнекамска на 1 января 2000 года составил 32,99 года (у мужчин - 31,49, у

⁵ Составлено по данным отдела статистики Г. Нижнекамска.

женщин - 34,32). Данная величина находится в пределах репродуктивного возраста. Большое влияние на репродуктивные установки и поведение оказывают процессы сближения наций, возрастание числа межнациональных семей, межрегиональные миграции. Национальный состав населения Нижнекамска также положительно отражается на демографических процессах. Статистика показывает, что межнациональные браки становятся все более распространенными (с 1993 года примерно 42% от ежегодно заключенных в РТ браков приходится на браки между людьми разных национальностей), да и распадаются они реже. В 2001 году русских семей в Нижнекамске распалось 559 (38,2%), татарских 454 (31%), межнациональных 439 (30%), в 2004 году русских семей в Нижнекамске распалось 346 (32,0%), татарских 396 (36,4%), межнациональных 343 (31,6%) [11].

В работах А.И. Антонова, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, В.М. Медкова, посвященных одной из наиболее актуальных проблем современного общества: высокой смертности и низкой рождаемости, отмечается, что среди общего количества семей преобладают однодетные, и подчеркивается, что данная тенденция становится нормой.

В Российской Федерации выборочные опросы мнений о желаемом, идеальном, ожидаемом числе детей стали проводиться с конца 60-х годов. Они также свидетельствуют о непрерывном снижении показателей идеального числа, колебавшегося тридцать лет назад вокруг 3,0 (таблица 2.11). Это относится также и к желаемому числу, которое стало широко измеряться в выборочных опросах лишь в конце 70-х гг. и теперь варьируется в пределах двухдетности (таблица 2.11).

Ожидаемое число детей, находившееся в 60-е годы в пределах 2,1, в городах было 1,8. Тогда показатели крупных городов предсказывали будущую ситуацию в России: действительно, через 25 лет московский уровень стал общероссийским - по данным микропереписи 1994 г., среднее ожидаемое число детей у женщин составило 1,7 [8, с.33]. По данным исследования «Россия - 1998» оно уже составило 1,36; исследование «Россия - 2000» показало снижение до 0,9. В период с 1991 г. по 2000 г. ожидаемое число детей катастрофически сокращается с 1,77 до 0,9, т.е. почти на 50% (таблица 11). Среднее желаемое число оказалось равным в 1994

году – 1,88; в 1998 году – 2,14; в 2000 году – 2,12 (2,18) по различным исследованиям, (для сравнения: в исследовании "Москва - 1978" оно было 2,8) [2, с.74]. Идеальное число так же варьируется в пределах двухдетности (таблица 11).

Таблица 2.11 - Представление об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей

Число детей	Перепись 1959 г.	Исследование 1969 г.	Москва 1978 г.	Исследование 1991 г.	Выб. Перепись 1994 г.	Россия 1998 г.	Демограф. мониторинг 2000 г.	Россия 2000 г.	Нижекамск 2005 г.
Идеальное	3,0	3,0	2,9	2,47	2,25	2,13	2,16	2,14	2,20
Желаемое	-	3,0	2,8	2,25	1,88	2,14	2,12	2,18	2,39
Ожидаемое	2,1	1,69	1,91	1,77	1,7	1,36	0,94	0,9	1,59

Вторичный анализ показал, что если в 1987 году количество семей в РФ, имеющих двух детей, преобладало над однодетными семьями (46,8% - 41,2% соответственно), то начиная с 1990 года картина меняется на противоположную (40,7% семей с двумя детьми – 48,0% семей с одним ребенком), и ситуация продолжает ухудшаться. В 2002 году в РФ двухдетных семей всего 33%, однодетных – 60%. Количество семей, имеющих троих детей, также сокращается с 10,3% в 1987 году до 6,0% в 2002 году (таблица 2.12).

Статистика рождения детей разной очередности по г.Нижекамску показывает не только увеличение числа рождений первых детей с 2000 года, но и рост числа рождений вторых и третьих детей с 1999 года. В многодетных семьях также ежегодно рождаются дети, растет число многодетных семей, но все же доля детей, рожденных в многодетных семьях очень незначительна и варьируется в пределах 5 – 8 % от общего числа рождений (рисунок 2.7). Это свидетельствует о том, что многодетность в Нижекамске имеет тенденцию роста.

Таблица 2.12 - Состав семей респондентов по числу детей (%)⁶

	РСФСР 1987 год	РСФСР 1990 год	РФ 2002 год	Нижнекамск- 2005
1-детных	41,2	48,0	60,0	23,0
2-детных	46,8	40,7	33,0	35,0
3-детных	10,3	9,8	6,0	10,0
Других	1,7	1,5	1,0	32,0 *
Итого	100	100	100	100

*из них 28% составляют бездетные семьи.

Рисунок 2.7 – Рождение детей в многодетных семьях в г.Нижнекамске от общего числа родившихся в %

С другой стороны, в Нижнекамске все более распространенным явлением становится малодетность. Это подтверждают данные пилотажного социологического исследования, проведенного автором в октябре-ноябре 2004 года и авторского социологического исследования, проведенного в декабре 2004 года - феврале 2005 года в г. Нижнекамске методом анкетного опроса.

Репрезентативность выборки отслеживалась по трем критериям: пол, возраст и распределение горожан по

⁶ Составлено по данным официальной информации Госкомстата России, распространяющаяся в Интернете по адресу: <http://www.info.gks.ru> и по исследованию «Нижнекамск, 2005»

социальному положению. Среди опрошенных - 47% мужчин и 53% женщин.

Респонденты до 20 лет составили 8% всей совокупности; 26% - в возрасте от 20 до 29 лет; 19% - от 30 до 39 лет; 23% - от 40 до 49 лет; 15% - от 50 до 59 лет; старше 60 лет - 8%.

По семейному статусу респонденты распределились следующим образом: 25% - холостые и незамужние, 61% - женатые (замужние) и живущие в гражданском браке, 9% - разведены, 5% - вдовцы (вдовы).

По уровню образования состав респондентов следующий: 16% имеют среднее образование; 29% - среднее специальное; 20% - неполное высшее; 32% - высшее образование и 3% - два высших и ученую степень.

По социальному положению респонденты распределились следующим образом: рабочие - 22%, служащие - 29%, техническая интеллигенция - 6%, непроизводственная интеллигенция - 6%, руководители и работники аппарата управления - 4%, муниципальные служащие - 2%, учащиеся и студенты - 12%, предприниматели - 6%, пенсионеры - 9%, безработные - 4%.

Данные, полученные в ходе исследования, показывают более благоприятные репродуктивные установки населения в г. Нижнекамске (таблица 2.11) по сравнению с ранее проведенными исследованиями. Состав семей также отличен (таблица 12): имеют одного ребенка - 23%, двоих - 35%, троих - 10%, более трех - всего 2%, не имеют детей - 28%. Причем на вопрос «Сколько детей было в семье ваших родителей?» ответы распределились следующим образом: один ребенок - 10%, двое детей - 44%, трое детей - 19%, более трех - целых 26%. Полученные результаты свидетельствуют о том, что малодетный образ жизни становится все более притягательным, однако наблюдается некоторое увеличение доли многодетных семей (6% в 2000 году в РФ, 10% в 2005 году в Нижнекамске).

Население г. Нижнекамска, в целом, предпочитает модель двухдетной семьи.

Репродуктивное поведение в зависимости от семейного положения. Демографический мониторинг, проведенный в 2000 году, показал, что величина показателей "идеального" и "желаемого" числа детей у семейных людей (2,20 и 2,19)

незначительно превышала эти же показатели у других групп населения [6, с.98].

Наиболее существенные различия отмечены по показателю "ожидаемое" число детей: самое высокое его значение (1,46) оказалось у незамужних и холостых (почти в 1,5 раза выше, чем у семейных, и в два раза выше, чем у разведенных). Данные, полученные по г. Нижнекамску показывают, что хотя наиболее высокие показатели "идеального" и "желаемого" числа детей наблюдаются у овдовевших людей (2,51 и 2,36), в целом эти показатели незначительно превышают аналогичные показатели у других групп населения. Несущественные различия отмечены по показателю "ожидаемое" число детей – максимальное (1,68) у незамужних и холостых (как и в исследовании «Россия-2000»), минимальное (1,34 и 1,36) у вдов и разведенных (таблица 2.13).

Таблица 2.13 - Мнение об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей «Россия, 2000г.» и «Нижнекамск, 2005г.»

Категории опрошенных	Число детей					
	Идеальное		Желаемое		Ожидаемое	
	Россия, 2000	Нижнекамск, 2005	Россия, 2000	Нижнекамск, 2005	Россия, 2000	Нижнекамск, 2005
Всего	2,16	2,20	2,12	2,39	0,94	1,59
В том числе по семейному положению						
Холост (не замуж)	2,09	2,12	1,89	2,34	1,46	1,68
женат (замужем)	2,20	2,20	2,19	2,22	1,01	1,62
Разведен(а)	2,10	2,24	2,18	2,24	0,71	1,36
Вдовец (вдова)	2,13	2,51	2,07	2,36	0,16	1,34
В том числе по уровню образования						
Ниже среднего	2,18	Нет данных	2,10	Нет данных	0,66	Нет данных
Среднее и среднее специальное	2,13	2,28	2,11	2,49	1,12	1,63
Высшее и незаконченное высшее	2,18	2,07	2,22	2,25	1,12	1,56

В том числе по материальному положению						
Очень плохое (до 500 руб.)	2,21	2,06	2,27	2,06	0,76	1,78
Плохое (501-1500 руб.)	2,07	2,29	2,13	2,52	0,76	1,60
Среднее (1501-2500 руб.)	2,18	2,19	2,07	2,31	1,07	1,63
Хорошее (2501-3500 руб.)	2,29	2,10	2,11	2,29	1,18	1,51
Очень хорошее (более 3500 руб.)	2,15	2,08	3,05	2,23	2,25	1,63

Применяя критерий Пирсона (χ^2) к анализу взаимосвязи между количеством детей в представлениях респондентов и их семейным положением, мы выяснили, что в представлении об идеальном, желаемом, ожидаемом числе детей и семейным положением существуют значимые различия. Еще в большей мере различаются представления о числе детей, необходимом для самореализации между вдовцами, разведенными и холостыми.

Общественно одобряемое число детей так же показывает значимые различия по всем категориям, кроме категории «разведенные – холостые», что можно объяснить одинаковой позицией респондентов - позицией «одного родителя». По вопросу «Сколько детей вы посоветуете иметь своим детям?» наиболее существенные различия выявлены по категории «вдовцы – холостые», обусловленные, вероятнее всего, учетом вдовцов возможности трагического случая.

Но при сопоставлении признаков по реальному числу детей значимые различия не выявлены. Это дает возможность предположить, что представления об ожидаемом числе детей не совпадают с реальным в силу того, что репродуктивные установки могут изменяться, значит, на них можно воздействовать.

Репродуктивное поведение и образование. По опросу 2000 г. показатели "идеального", "желаемого" и "ожидаемого" числа детей возрастают при повышении образовательного уровня.

Необходимо отметить, что величина показателя "ожидаемое число детей" у всех респондентов, имеющих образование ниже среднего, на 46% ниже значения этого показателя у респондентов, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (таблица 2.13). Данные, полученные по г. Нижнекамску показывают противоположную картину (рисунок 2.8) величина всех трех показателей уменьшается при повышении образовательного уровня респондентов.

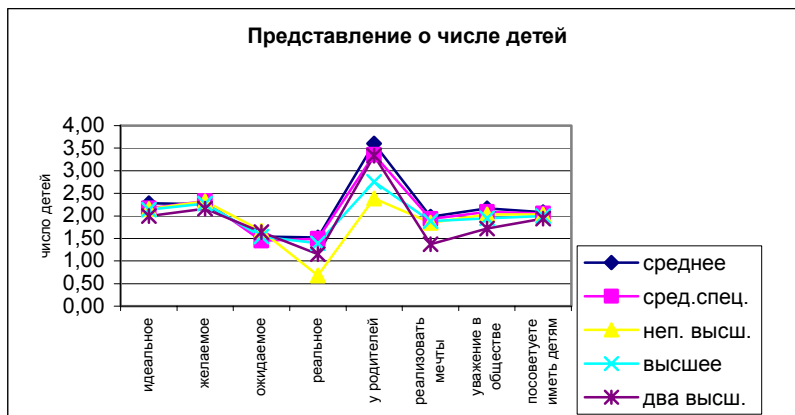

Рисунок 2.8 – Представление о числе детей в зависимости от уровня образования респондентов.

Таблица 2.14 - Представление о числе детей у респондентов в зависимости от отношения к религии

Число детей	верующие	атеисты
Идеальное	2,16	2,04
Желаемое	2,28	2,13
Ожидаемое	1,57	1,50
Реальное	1,29	1,16
У родителей респондента	2,38	2,31
Необходимое для того, чтобы реализовать все мечты	2,00	1,73
Необходимое для уважения в обществе	2,06	1,88
Посоветуете иметь своим детям	2,12	1,81

Репродуктивное поведение и вероисповедание. Респонденты, не считающие себя верующими, обладают более

низкими репродуктивными установками по сравнению с верующими (таблица 2.14). Особенно это заметно по показателю "желаемое" число детей: респонденты, не считающие себя верующими, имеют наименьшее его значение – 2,13, наибольшее значение (2,28) – у респондентов, относящих себя к верующим. Интересно отметить, что между «ожидаемым» и «желаемым» числом детей по двум категориям наибольшая разница: 0,71 у верующих, и 0,63 у респондентов, не считающих себя верующими. По остальным показателям разница не большая и колеблется преимущественно около двухдетности, за исключением «реального» и «ожидаемого» числа детей.

Репродуктивные установки в зависимости от материальных условий существования семьи. Как замечено исследователями, репродуктивные установки в большей степени определяются ценностными ориентациями. Тем не менее, на установки детности в каждый конкретный момент существенное влияние оказывают условия жизни населения. Воздействие этого фактора происходит не прямо, а через субъективную оценку материальных условий жизни семьи [6, с.94]. Показатель ожидаемого числа детей в исследовании «Россия, 2000» максимален (более двух детей) у респондентов, оценивающих свое материальное положение как очень хорошее. У тех, кто считает, что семья живет в очень плохих условиях, этот показатель в 3 раза ниже (таблица 2.13) и составляет менее одного ребенка (0,76). Максимальное значение ожидаемого числа детей в исследовании «Нижекамск, 2005» гораздо ниже и составляет всего 1,78, причем наибольший результат наблюдается у респондентов, с «очень плохим» уровнем материального достатка (таблица 2.13). По сравнению с 2000 г. дифференциация в репродуктивных установках в зависимости от самооценки материального положения возросла. Как показывает проведенное нами исследование, респонденты, имеющие самый низкий уровень дохода – выходцы из более многодетных семей, имеют большее число детей, но они же выражают мнение о более низком, по сравнению с другими категориями опрошенных, числе детей, необходимом, для самореализации, уважения в обществе, и, что самое печальное, посоветуют иметь своим детям, видимо учитывая свой личный

опыт. Интересно отметить, что респонденты, оценивающие материальные условия своей семьи как «плохие», имеют высокие показатели идеального и желаемого числа детей в исследовании «Нижекамск, 2005». В исследовании «Россия, 2000» максимальное значение идеального и желаемого числа детей у респондентов, оценивающих свое материальное положение как «хорошее» и «очень хорошее» (таблица 2.13).

При использовании критерия χ^2 для сравнения признаков «денежный доход» и число детей (по вопросам анкеты № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), было выявлено, что значимые различия наблюдаются по всем показателям, кроме ожидаемого числа детей. Причем наиболее значимые различия наблюдаются по показателю «реального числа детей» в зависимости от денежного дохода респондента, что свидетельствует о наличии связи между этими показателями, что подтверждает гипотезу исследования «Нижекамск, 2005», опирающуюся на положение социологических концепций населения о наличии обратной связи между числом детей и материальным положением населения.

Репродуктивные установки в зависимости от пола. Исследование, проведенное в г. Нижекамске, не выявило каких либо существенных отличий в репродуктивных установках респондентов по гендерному признаку, кроме «ожидаемого» числа детей, которое на 23% ниже у мужчин, чем у женщин. Полученные результаты с применением критерия Пирсона также подтвердили дополнительную гипотезу, о том, что на настоящий момент репродуктивные планы мужчин и женщин совпадают, так как между представлениями о числе детей по всем 7 признакам существенные различия не выявлены.

Простое воспроизводство населения обеспечивается, если среднее желаемое число детей составляет более 2,6 в расчете на один эффективный брак или выше 2,12 в расчете на одну женщину репродуктивного возраста без различия брачного состояния. Чтобы обеспечить простое воспроизводство в г.Нижекамске, необходимо повлиять на репродуктивные потребности нижекамских семей, поднять среднее желаемое число детей примерно до величины 2,8-3,0 ребенка, для чего следует популяризовать семью с 3-4-мя детьми, не забывая при этом высказывать знаки уважения к многодетным семьям.

Тенденция снижения детности подтверждается более высокой детностью родителей респондентов (таблица 2.15).

Таблица 2.15 - Детность респондентов и родителей респондентов по данным исследования «Нижекамск, 2005»

Категории опрошенных	Число детей у респондентов	Число детей у родителей респондентов
по уровню денежного дохода респондента		
До 500 руб.	1,71	2,86
501-1500 руб.	1,60	2,45
1501 -2500 руб.	1,40	2,40
2501 -3500 руб.	1,20	2,35
Более 3500 руб.	1,10	2,34
по уровню образования респондента		
среднее	1,52	3,60
среднее специальное	1,49	3,35
неполное высшее	0,68	2,39
высшее	1,39	2,76
два высших	1,5	3,33
по семейному положению респондента		
холост (не замужем)	0,08	2,13
женат (замужем)	1,73	3,27
разведен (разведена)	1,54	2,96
вдовец (вдова)	1,97	4,05
по полу		
муж	1,31	2,34
жен.	1,24	2,38
по отношению к религии		
верующие	1,29	2,38
атеисты	1,16	2,31

Соотношение реального, идеального, желаемого и ожидаемого числа детей позволяет определить, на какое репродуктивное поведение ориентировано население Нижнекамска. Исследование показало, что большинство респондентов предпочитают иметь в идеальных условиях в семье двоих и троих детей (рисунок 2.9).

Рисунок 2.9 - Репродуктивные установки респондентов по опросу Нижнекамск, 2005 (%).

Бездетному образу жизни отдают предпочтение только 1,6% опрошенных. Желаемое число детей в предпочтениях жителей Нижнекамска также свидетельствует о приоритетах двухдетных и трехдетных семей, однако, жизнь вносит свои коррективы и на момент опроса имеют двоих и троих детей меньшее число людей, причем троих детей реально имеют в 2,6 раза меньшее количество респондентов, чем то которое желало бы иметь (85 человек и 229 человек соответственно). Однако ожидаемое число двухдетных и многодетных семей все же выше их реального значения, что может служить доказательством того, что не все респонденты к моменту опроса реализовали свои репродуктивные планы. Это говорит о наличии определенных сдерживающих факторов, которые мы попытались установить, выдвинув ряд предположений, ограничивающих рождаемость. Полученные данные подтверждают результаты других исследований – «Россия 2000» и «Москва 78»: отношение к одному ребенку в семье значительно улучшилось [2, 24]. Исследование 1978 года показало, что в обществе явно преобладала социальная норма двухдетности, чуть хуже было отношение к трехдетности, и еще более низкий показатель принадлежал семье с одним ребенком. Исследование «Россия 2000» подтвердило упрочение новой социальной нормы детности, каковой становится однодетная семья. Отношение к многодетной семье практически не изменилось, а к двухдетной стало гораздо хуже, по сравнению с

1978 годом. Проведенное нами исследование так же это подтверждает, но имеются и отличительные особенности: установлено, что установки на бездетность в монопромышленном городе выше, чем на многодетность (17,8% против 4,5% соответственно). Причем ожидаемое число бездетных (165 чел.) в 6,8 раз выше идеального значения (24 чел.). Это тревожный сигнал, говорящий о том, что негативная оценка бездетности в обществе ослабла. Следовательно, необходимо определить факторы, ограничивающие рождаемость. Количество респондентов выбирающих однодетную семью, больше, чем ожидается, это служит доказательством того, что часть из них планируют еще рождение детей и в перспективе они перейдут в группу двухдетных семей, что, безусловно, радует.

Что касается перспективного числа деторождений (на ближайшие 5 лет), то планируют родить еще одного ребенка 26% респондентов, еще двоих – 7% и даже троих - 1,4 %.

Однако необходимость проведения демографической политики в области рождаемости, за которую высказывается большинство опрошенных, вовсе не означает принудительное регулирование рождаемости через запрет аборт, число которых в России остается высоким (на 100 родов приходится 200 абортов). По этому показателю она опережает страны Западной Европы в 8, 10 и более раз. При этом аборт в России крайне опасен для здоровья и жизни. Смертность женщин, связанная с абортом, в России хотя и снижается, но все еще в 15-20 раз выше, чем в странах Европейского Союза. На ее долю приходится почти четверть всей материнской смертности. В последние годы ситуация несколько улучшилась, однако культура использования противозачаточных средств распространяется в России крайне медленно. Она все еще плохо уживается с сохраняющимися нормами традиционного сексуального поведения, а те все менее отвечают новой демографической и социальной обстановке. В 1998 г. на вопрос: "В какой мере Вы согласны с тем, что аборты следует запретить?" подавляющее большинство женщин (67%) и половина мужчин (50,2%) ответили отрицательно⁷. В связи с

---

⁷ По данным Исследование «Россия -1998».

этим интересно мнение нижекамцев по этому поводу. На утверждение «Можно оправдать аборт, если супруги больше не хотят иметь детей» согласие дали 70% опрошенных, из них 62% мужчин и 77% женщин. Более 40% респондентов по всем категориям признака «денежный доход» согласились с данным утверждением, около 70% согласившихся имеют высшее и два высших образования. Это говорит о том, что, несмотря на развитие рынка противозачаточных средств, аборт в России остается основным средством регулирования деторождения, что свидетельствует о низкой культуре репродуктивного поведения и является доказательством недостаточного уровня демографических знаний, под которыми мы понимаем знания, формирующие ту или иную модель репродуктивного поведения личности.

Что может способствовать изменению репродуктивных установок?

Изучение репродуктивного поведения отдельных возрастных и социально-экономических групп населения позволяет выявить те категории, на которые могла бы быть направлена семейная политика государства в целях изменения тенденций рождаемости в России.

Те льготы, которые существуют и которые могут быть предложены правительством, не считаются населением эффективными. В опросе 2000 г. был задан вопрос, направленный на выявление основных условий, способствующих увеличению числа детей в любой семье. Более трети респондентов полагает, что чувство уверенности в завтрашнем дне активизировало бы репродуктивное поведение населения; 16,8% опрошенных серьезным препятствием увеличению рождаемости называют страх остаться без работы; 32% респондентов средством для увеличения рождаемости считают возможность хорошо зарабатывать. В 1998 г. (до экономического кризиса) 11% респондентов обращали внимание на рост цен на продукты питания и самые необходимые вещи, который может помешать семье в реализации репродуктивных планов. В 2000 г. число таких респондентов возросло до 20%. С точки зрения 13,5% респондентов помощь государства могла бы также содействовать появлению ребенка в семье. Доля пессимистов,

которые считают, что в современных условиях уже ничто не может повлиять на увеличение рождаемости, возросла с 3% в 1997-1998 гг. до 19% в 2000 г.

Обратимся к анализу основных причин отказа от дополнительного числа рождений населения г. Нижнекамска. Как показано на рисунке 2.10, только два фактора реально влияют на ограничение числа детей – низкий уровень материального достатка и жилищные условия. В связи с этим более подробно проанализируем полученные данные по признаку «денежный доход» респондентов.

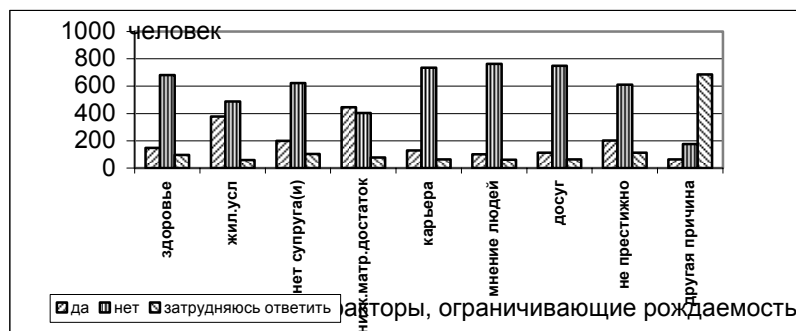

Рисунок 2.10 – Факторы репродуктивного поведения, ограничивающие рождаемость

Данные, полученные в ходе исследования показывают, что определенная часть населения может изменить свои репродуктивные планы на большее число детей. Среди тех, кто дал положительный ответ в основном респонденты со средним и высоким уровнем денежного дохода. К сожалению, доля тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее или очень хорошее, ничтожна среди опрошенных респондентов.

Мы предположили, что основной причиной откладывания рождения детей является работа и карьера, однако исследование показало, что данная причина существенна только для людей с самым низким уровнем денежного дохода, которые, видимо, находятся в поисках работы.

Опрос также показал, что 73% респондентов считают, что жизнь женщины полноценна, если у нее есть дети. Одобряемая величина детности проверялась вопросом: «Сколько детей надо

иметь, чтобы Вас уважали в обществе?». Как показало исследование, эта величина находится в пределах 2,00, причем самые высокие показатели у овдовевших людей (2,51), людей со средним образованием (2,17), имеющих плохое материальное положение (2,16), верующих (2,00).

В отношении к браку население монопромышленного города несколько консервативно и 72% опрошенных считают традиционный брак более приемлемым для себя, но с утверждением «гражданский брак более удобен» согласилось 34% респондентов. В работе Л.В. Карцевой также отмечается конкуренция официальной семьи с неофициальной [14, с.96]. Возможно, что в перспективе гражданскому браку отдадут предпочтение большее число людей, о чем свидетельствуют предпочтения людей, имеющих низкий доход, т. е. это молодое подрастающее поколение.

Что же касается осведомленности горожан о состоянии демографической ситуации в РФ и в г. Нижнекамске и её оценке, то благоприятной считают ее всего 26%, а осведомлены о происходящих в России процессах депопуляции 66% опрошенных – достаточно низкий показатель, подтверждающий нашу дополнительную гипотезу о низком уровне демографических знаний.

С целью вывить и уточнить репродуктивные мотивы, ведущие к деторождению и ограничивающие его, было проведено качественное исследование методом фокусированного интервью (проинтервьюированы 20 женщин, из них 10 – малодетные, 10 – многодетные). Анализ ответов позволил сгруппировать мотивы, ведущие к деторождению, следующим образом: психологические мотивы (желание любить, заботиться, опекать, развод, усталость и т.д.); экономические мотивы (квартира, жилье, помощь, денежный доход, учеба, работа, карьера и т.д.); социальные мотивы (одобряемое или неодобряемое обществом действие); биологические мотивы (здоровье, возрастные ограничения); незапланированная беременность. Основными мотивами, ведущими к рождению первого ребенка, у 60% респондентов являются психологические мотивы (желание заботиться, любить), у 40% - социальные (дети должны быть у всех). Рождение второго ребенка обусловлено на 60% так же

психологическими мотивами (хотели, чтобы семья была дружная), на 20% - социальными (образ полноценной семьи), на 13% - экономическими (получение квартиры), на 7% биологическими (здоровье). Исследование показало, что с увеличением числа детей в семье роль социальных мотивов снижается, роль же психологических остается постоянной. Что интересно, рождение третьего ребенка в 7 случаях из 10 обусловлено одинаковым полом предыдущих детей, что позволяет сделать вывод: «у родителей, имеющих двух однополых детей вероятность рождения третьего ребенка выше, чем у родителей, имеющих разнополых детей».

В качестве мотивов, ограничивающих рождение вторых детей, выявлены экономические – отсутствие жилья, возможность сделать карьеру (60%), психологические – желание свободно проводить время (20%) и биологические – проблемы со здоровьем (20%). Причем очень остро стоит решение квартирного вопроса: у четверых из пяти респондентов это явилось причиной одноплодности. Что характерно, на рождение третьего ребенка влияние экономических мотивов ослабевает. Видимо, остается в силе поговорка: «Где двое, там и третьему ложка найдется». Однако на рождение четвертого ребенка действие экономического мотива снова возрастает на 18%, в связи с более низким среднедушевым доходом многодетных семей. Исследование показало также, что, несмотря на развитие системы здравоохранения, сохраняется влияние биологических мотивов, которые как ведут к деторождению (в основном по медицинским показаниям), так и ограничивают его, но роль этого мотива не высока и проявляется преимущественно в мотивации рождения третьего ребенка (таблица 2.16).

Таблица 2.16 - Значение мотива в деторождении (%)

Мотив	Ведущее к деторождению					Ограничивающее значение				
	1 реб.	2 реб.	3 реб.	4 реб.	5 реб.	2 реб.	3 реб.	4 реб.	5 реб.	6 реб.
П	60	60	60	100	0	20	40	14	0	0
Э	0	13	10	0	0	60	40	58	100	100
С	40	20	10	0	0	0	0	14	0	0
Б	0	7	20	0	0	20	20	14	0	0
Н/Б	0	0	0	0	100	0	0	0	0	0

Условные обозначения:

- П** – психологические мотивы (желание любить, заботиться, опекать);
Э – экономические (квартира, жилье, помощь, денежный доход, учеба, работа, карьера);
С – социальные (одобряемое или неодобряемое обществом действие);
Б – биологические (здоровье, возрастные ограничения);
Н/Б – незапланированная беременность.

При изучении остаточного воздействия ограничивающих факторов на рождаемость мы выяснили, что при устранении мотивов, ограничивающих деторождение, рождаемость может повыситься приблизительно на 25%: только 5 женщин из 20 (25%) родили бы еще по одному ребенку. Таким образом, гипотеза исследования полностью подтвердилась: рождение детей во многом обусловлено психологическими мотивами, отказ от рождения обусловлен экономическими мотивами у малообеспеченных слоев населения и социально-психологическими у населения со средним и высоким уровнем материального достатка. Устранение причины, ведущей к отказу не ведет к деторождению. Кроме того, выявилась интересная деталь: на более ранних стадиях жизни семьи основными ограничивающими факторами являются экономические, в более зрелом возрасте – психологические, что указывает на необходимость конкретизации мер демографической политики с учетом возрастных потребностей семей.

Проведенный анализ воспроизводственных процессов показал, что сегодня государственное управление достигло некой точки бифуркации, или кризиса, на фоне стремительно нарастающей депопуляции.

Учитывая особенности монопромышленных городов, в поисках выхода из демографического кризиса сформулируем новую управленческую парадигму, для которой системообразующей категорией выступает самоорганизация, под которой понимается способность к саморазвитию тех или иных систем, использующих при этом не только приток энергии, информации и вещества извне, но так же внутренние возможности монопромышленного города, а именно:

- наличие выраженного местного (городского) сообщества – жителей города, объединенных общим местом проживания и многочисленными тесными социальными связями;
- существование устойчивых, исторически сложившихся традиций, присущих данному городу;
- наличие выдающихся земляков (многолетних династий), хорошо известных местным жителям и традиционно являющихся примерами для подражания;
- наличие градообразующего предприятия, с которым связано благосостояние большинства местных жителей, и которое может выступить спонсором для ряда программ и мероприятий по демографическому оздоровлению.

Суть новой парадигмы, основанной на возможности использования внутренних ресурсов монопромышленных городов, состоит в отходе от традиционного понимания системы управления, когда субъект управления представляют только государственные органы, реализующие демографическую политику государства, эффективность которой определяется, прежде всего, рациональной организацией мероприятий, проводимых за счет хорошо финансируемых программ демографического развития. При таком подходе управление воспроизводством населения рассматривается как «закрытая система», так как ее цели и задачи ограничены мероприятиями, прописанными в демографических программах и концепциях.

Новая управленческая парадигма, основанная на социолого-синергетическом подходе к управлению через процессы самоорганизации, является стержнем данного исследования. Содержательной основой процесса социальной самоорганизации является кооперационная деятельность индивидов, в результате которой образуются полисубъектная структура субъекта управления, организованная на основе принципа общественно-частного партнерства, под которым понимается сотрудничество органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов и общественных организаций по будущему демографическому оздоровлению монопромышленного города, регламентирующееся этическим кодексом. В условиях монопромышленного города субъект управления представляет систему субъектов.

Градообразующее предприятие обладает ресурсами для развития социальной сферы. Этот опыт должны перенимать и остальные хозяйствующие субъекты, деятельность которых не должна осуществляться с ущемлением репродуктивных прав женщин. В сложившихся условиях нельзя допустить свертывания социальных программ.

Наряду с органами, реализующими государственную демографическую политику, градообразующим предприятием, в неё должны входить все хозяйствующие субъекты, общественные организации и специально созданный Муниципальный экспертный орган (далее МЭО), состоящий из наиболее уважаемых и авторитетных горожан. Деятельность МЭО должна осуществляться согласно основным принципам этического кодекса. При этом управление воспроизводством населения рассматривается как «открытая система», в которой создаются благоприятные условия для среды обитания человека, реализующего свои репродуктивные установки.

Выбор стратегии социально-демографического развития города осуществляется в соответствии с городской социально - демографической политикой, проводимой органами местного самоуправления. Важно учитывать, что варианты возможных стратегий развития монопромышленного города ограничиваются дальнейшими перспективами развития отрасли специализации его градообразующего предприятия.

Среди наиболее важных условий, которым должна удовлетворять выбранная стратегия демографического развития монопромышленного города, отметим следующие:

- любая демографическая стратегия должна быть социально-ориентированной;
- демографическая стратегия должна быть утверждена высшим городским законодательным органом власти, что повышает ее защищенность от политической конъюнктуры;
- реализация городской демографической стратегии невозможна без достижения общественной поддержки, как ее целей, так и путей их достижения.

Именно последнее условие в монопромышленном городе может быть соблюдено и использовано с максимальным эффектом. Именно здесь заключается тот потенциальный ресурс развития города, использование которого не требует крупных

финансовых затрат и непосредственно регулируется органами местного самоуправления. Именно это условие раскрывает взаимосвязь выбранной стратегии социально - демографического развития города с проводимой на его территории соответствующей муниципальной политикой.

Современный методологический подход к городам как квазикорпорациям, позволяет использовать в практике муниципального управления некоторые классические приемы и технологии, применяемые на микроэкономическом уровне, в том числе и метод стратегического планирования. Действительно, местную власть можно рассматривать как полноправного менеджера, наделенного властными полномочиями и хозяйственными функциями для удовлетворения потребностей большого коллектива – жителей данного города. Исходя из опыта ведущих мировых корпораций, залог успеха в бизнесе заключается в эффективности управления трудовым коллективом. Организация, представляющая собой команду единомышленников, способна достичь самых высоких вершин в бизнесе. И эта идея воплощается сегодня на практике через формирование *корпоративной культуры города*, являющейся тем прочным основанием, благодаря которому усиливается самоконтроль, начинают действовать нематериальные мотивы. Согласно О. Антоновой корпоративная культура мотивирует жителей к управлению городом [4, с.85].

Колесник Е.А. отмечает, что на основе корпоративной культуры, возможно достичь согласования интересов различных хозяйствующих субъектов и просто жителей города для формирования стратегии социально-демографического развития. Сама же стратегия развития города – это по существу корпоративная стратегия, основным принципом которой выступает общественно-частное партнерство [15].

На наш взгляд, главная цель общественно-частного партнерства имеет социально-экономическую и демографическую направленность. Сначала – улучшение социально-экономической ситуации в городе, содействие созданию новых рабочих мест и предприятий, новое использование территорий и сооружений, потерявших свое первоначальное назначение, увеличение поступлений в местный

бюджет, затем развитие социальной сферы, совершенствование системы охраны материнства и детства, ведущее к созданию благоприятных условий для реализации репродуктивных установок населения.

Таким образом, в формировании партнерских отношений между частным сектором экономики, градообразующим предприятием и местной властью ведущая роль отводится городской администрации. Именно ей необходимо определить цели и задачи такого партнерства, отрегулировать правила взаимодействия и не допустить двух крайностей: бюрократического вмешательства и коррупции, являющихся следствием смещения интересов в сторону муниципалитета или бизнеса.

Таким образом, выработка стратегии демографического развития монопромышленного города должна начинаться с формирования единой идеологии развития, приемлемой для всех участников ее реализации. Именно на этом должны быть сконцентрированы усилия органов местной власти в первую очередь. Только через осознанное взаимодействие общества, бизнеса и власти можно преодолеть демографический кризис и обрести надежную основу для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Акьюлов, Р.И. Государственное регулирование социально-демографического развития российских регионов на современном этапе. Институт экономики УрО РАН [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.rusrand.ru/Doklad5/Akiulov.pdf>.
2. Антонов, А.И. Второй ребенок / А.И. Антонов, В.М. Медков. - М., 1987. - С. 74.
3. Антонов, А.И. Судьба семьи в России XXI века /А.И. Антонов, С.А. Сорокин. – М., 2000. – 415с.
4. Антонова, О. Город как корпорация жителей / О. Антонова // Городское управление. – 2002. - № 8. – С. 85.
5. Беляев, В.Н. Особенности состояния здоровья беременных женщин и детей, проживающих в районах с различным уровнем техногенного загрязнения / В.Н. Беляев // Здоровоохранение Российской Федерации. – 1996. - №1 – С. 4 - 7.
6. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России / В.В. Бодрова // Социологические исследования. - 2002. - №6 - С. 98.

7. Борисов, В.А. Демография: Учебник. – 3 –е изд., перераб и доп. – М.: Нота Бене, 2003. – 344 с.
8. Борисов, В.А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года / В.А. Борисов // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. - 1997. - № 2. - С. 33.
9. Бреева, Е.Б. Основы демографии: Учебное пособие. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и КО», 2004. – 352 с.
10. Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тысяч человек и более и внутригородских районов г. Казани. Экспресс-бюллетень. - Казань, 2002.
11. Годовой отчет отдела ЗАГС Администрации г. Нижнекамска и Нижнекамского района, Нижнекамск, 2005.
12. Демографические последствия социально-экономических решений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.debryansk.ru/~ssadm/politika.htm>.
13. Дети России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles /2010/05/26/896347.shtml>
14. Карцева Л.В Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л.В. Карцева // Социологические исследования. - 2003. - № 7. – С. 96.
15. Колесник, Е.А. Особенности развития моногородов в переходной экономике / Е.А. Колесник [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://rels.obninsk.com>
16. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года // Нормативно-правовая система «Гарант».
17. Кризис семьи и депопуляция в России («Круглый стол») // Социологические исследования. - 1999. - № 11. - С. 51 - 52.
18. Кузьмин, К.П. Демография / К.П. Кузьмин. – М. : РУДН, 2003. – 356 с.
19. Особенности состояния здоровья беременных женщин и детей, проживающих в районах с различным уровнем техногенного загрязнения / О.Е. Коновалов [и др.] // Здоровоохранение Российской Федерации. – 2000. - №5. – С. 30.
20. Региональные демографические проблемы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciy>.
21. Рукавишников, В.О. Население города: (социальный состав, расселение, оценка городской среды) / В.О. Рукавишников. – М., 1980. – С. 33.
22. Семья в РТ. Ст. сборник. – Казань, 2003. – С .5.

23. Современная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт. Аналитический вестник. - №25(227) Серия: Основные проблемы социального развития России. – М., 2005 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciy>.
24. Узик А.В. Ценностные ориентации и семейное поведение городского населения России в 1990-е годы / А.В. Узик // Ломоносовские чтения 2003 г. / Аспиранты. Т.2. – М., 2003.
25. Халкечев, М.Н. Рождаемость и репродуктивные установки молодежи Карачаево-Черкессии / М.Н. Халкечев // Социологические исследования. – 2005. - № 8. – С. 64.

Глава 3

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ТОНУСОМ МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА

Стратегия эмпирического исследования социального тонуса

Социальный тонус имеет сложную структуру, которая включает в себя внутреннее эмоциональное, интеллектуальное, духовное напряжение социального объекта; способность его к действиям и поступкам; энергичность взаимодействий и связей с другими социальными объектами и внешней средой и др. Следовательно, тонус как объект исследования должен представляться агрегированными индексами, включающими в себя по определенным правилам все вышеназванные составляющие. Это, в свою очередь, предполагает использование в исследовании социального тонуса целого комплекса методических подходов и процедур.

Исследования социальных напряжений в конкретном монопрофильном городе начинались автором с изучения состояний производственных коллективов градообразующего предприятия и за 15 лет прошли через несколько эволюционных стадий. По мере накопления и кристаллизации теоретического знания изменялись и подходы к сбору эмпирических данных, но неизменной оставалась установка на то, что исследование рассматривалось как атрибут управленческой процедуры, как ее информационная поддержка, а не только как приращение нового знания.

Опыт показал, что социальные напряжения необходимо рассматривать в единстве качественного и количественного измерения. Именно такой синтез методов позволит, на наш взгляд, сконструировать адекватную тонусологическую модель культуры, социальных отношений и личности, связывающей между собой культуру и весь спектр социальных отношений монопрофильного города. Данная модель должна отражать основные принципы осуществления исследования и алгоритм его реализации, в котором логически должны быть обоснованы и взаимосвязаны различные процедуры сбора, обработки, систематизации и анализа информации.

В качестве методов сбора данных в тонусологическом исследовании обязательно должны быть использованы: социологический опрос (анкетный или стандартизированное интервью); фокус-групповое интервью, метод экспертного опроса, контент-анализ документов (передач телевидения, радио, материалов газет и т.п.); психологическое тестирование (внутреннего возбуждения, фрустрации, агрессии, стремлений и т.п.); метод семантического дифференциала, позволяющий определить уровень напряжения, исходя из разности оценок события, ситуации, конкретного объекта. Только некоторые из этих методов имеют модификации, в которые косвенно включены важные для наших исследований аксеологические аспекты [2;3;4;6;8;17;22;23;24;31;37;41]: анализ проблемных суждений экспертов, фокус-группы, оценка поведения в экстремальной ситуации, фиксация ключевых проблем в общественном мнении, исследование коммуникативных установок, выявление типичных поведенческих реакций, характерных для определенных психологических типов личности.

Как отмечает О.А. Даниленко, многочисленные методики не решают проблему квантификации, а лишь создают предпосылки для возможного построения многомерной модели измерения [16, с.149]. Эти предпосылки кроются в том, что напряжения рассматриваются сквозь призму ценностей, а также в том, что социологические методы пересекаются с методами других наук (психологией, культурологией, статистикой, социальной синергетикой, философией и др.).

Отметим, что какие бы методики ни использовались для сбора и обработки эмпирических данных, важным является то, какой уровень анализа будет задействован исследователем. На наш взгляд, таких уровней можно выделить три. На первом уровне обычно осуществляется расчет средних величин, процентов и агрегированных индексов. Второй, более глубокий, уровень анализа предполагает использование различного рода статистик и выявление на их основе связей между отдельными или группами показателей. Третий, самый глубокий уровень анализа, предполагает не выделение отдельных показателей, а агрегирование всех данных по определенным генерализующим схемам с выходом на итоговый показатель.

Рассмотрим особенности всех трех уровней анализа на примере проведенных нами исследований вначале социальной напряженности, а затем и социального тона монопрофильного города.

Отправной точкой всех исследований стала фиксация состояний напряжения основных элементов системы или процесса управления. В связи с этим первоначально наибольшее внимание уделялось субъекту управления и влиянию его характеристик (личностных качеств, интересов, эмоциональных состояний, установок и т.п.) на эффективность (результативность) процесса управления, затем целью исследования стали состояния напряжения объекта управления и межэлементных связей.

Методы тестирования, занимающие особое место среди других социологических методик исследования, интенсивно использовались автором в течение ряда лет в связи с тем, что, во-первых, они относительно точны. Во-вторых, большая часть тестов поддается формализации, стандартизации, компьютеризации, что позволяет более быстро переработать информацию, необходимую при массовом обследовании управленческих кадров систематически проводимых автором на градообразующем предприятии. В-третьих, результаты тестовых испытаний в меньшей степени зависят от установок, предпочтений субъекта исследования, эти результаты более объективированы как по форме, так и по содержанию. В-четвертых, тестовые методики комплексны и междисциплинарны по своей сути [37, с.4], в-пятых, тестовые методики дают информацию о напряжениях как о совокупности рациональных и нерациональных проявлений, показывая их экзистенциальную сущность [16, с.153].

Целями психологических тестирований, проводимых в связи с измерением социального напряжения, выступали: определение уровня напряженности объекта управления в зависимости от управленческого воздействия и стиля поведения субъекта управления; определение источников напряжения и стресса, как объекта, так и субъекта управления; определение уровня и источников напряжения взаимосвязей элементов системы управления; определение уровня индивидуальной и групповой напряженности в зависимости от возможности

реализации индивидом профессиональных и статусных предпочтений и т.д. Более подробно об этих измерениях изложено в разделе «Тестирование как инструмент диагностики индивидуальной и групповой напряженности» монографии автора «Социальная напряженность в монопрофильном городе: опыт социологического исследования» [14, с.12-87].

Психологическое тестирование для исследования социальной напряженности использовали и другие авторы [9]. Ф.М. Бородкин и Н.П. Володина отмечают, что изучать внутреннее состояние респондентов, задействованных для измерения социальной напряженности, просто необходимо, так как эмоциональное напряженное состояние, как и эмоциональное расслабление, хорошо знакомо любому человеку и может служить своего рода эталоном измерения, хотя при этом внутренняя напряженность не обязательно связана с внешним миром [34, с.69]. Исследуя индивидуальную негативную напряженность, Бородкин и Володина рассматривают лишь класс причин, препятствующих удовлетворению потребностей индивида, в том числе и продвижению к намеченной цели, а также возникающее в результате этого состояние фрустрации [9, с.109], для исследования которой ими была задействована методика Розенцвейга. Эта методика, по оценкам Бородкина и Володиной, оказалась достаточно информативной для изучения социальных напряжений [9, с.136]. Однако тест Розенцвейга, использующий 24 рисунка-ситуации, разделенных на два типа: препятствие – 16 рисунков и обвинение – 8 рисунков [40, с.4], достаточно трудоемкий при обработке, он отнимает много времени при опросе. Поэтому, имея достаточный опыт работы с этим тестом, мы не рискнули применить методику в массовом опросе. Однако заложенная в методике идея об оценке реакции на фрустрацию на основании таких показателей, как ее направление (экстрапунитивное, интрапунитивное, импунитивное) и фиксация (на препятствии, на самозащите, на удовлетворении потребности) были в дальнейшем реализованы в анкетном опросе через соответствующие вопросы. Конечно, при этом была утеряна особенность проективной методики, которая заключается в изучении бессознательных, а, следовательно, наименее подвергаемых преднамеренным

искажениям, импульсов к действиям обследуемого. Однако модификация теста позволила нам усилить мотивацию респондентов к выбору той или иной ситуации за счет проектирования ее значимости и реальности, тогда как стандартные фрустрирующие ситуации, предлагаемые в методике Розенцвейга, не всегда серьезно воспринимаются опрашиваемыми.

Потребность в постижении глубинной мотивации напряженного поведения и в объяснении особенности его развития, а также необходимость прогнозирования доминирующего влияния различных нерациональных факторов и управленческих воздействий на поведение индивидов и социальных групп, предопределили введение в анкетный опрос более технологичной психологической методики - восьмицветного теста М. Люшера. Данная методика позволяет определить мотивы не только негативного, но и позитивного напряжения.

В результате тестирования с помощью этой методики определяется степень соответствия внутреннего состояния человека, не всегда осознаваемое им, его предпочтениям, фиксируемым анкетным опросом. Кроме того, результаты тестирования могут быть использованы в качестве базы для определения потенциала творчества и воспроизводственной деятельности жителей монопрофильного города, так как в тесте Люшера имеется соответствующий субтест. Таким образом, данная методика позволяет: 1) ответить на вопрос, влияет ли осознанная проблематизация жизни на внутреннее состояние индивида, которое управляет его поведением; 2) выявить, насколько индивид осознает свое внутреннее состояние и способен контролировать его; 3) определить, какие мотиваторы в большей степени будут адекватными при внешнем воздействии на городское население; 4) установить, существует ли связь между мотивами продуктивной деятельности и декларируемыми индивидом ценностями. Исходя из этого, можно будет сделать вывод о том, какой из видов управления: целевое, ценностно-нормативное или самоорганизационное - наиболее приемлемо для групп населения, выделенных с помощью теста.

При этом следует помнить, что психологические тесты выступают в исследованиях социального тонуса только в качестве вспомогательного инструментария, основными остаются социологические методы сбора данных.

На раннем этапе исследования, при изучении напряжений в рамках производственных коллективов, автор в основном опирался на те социологические методики сбора эмпирических данных, которые разрабатывались в рамках конфликтологической парадигмы. Для измерения социальной напряженности ученые, исходя из примата дихотомии «конфликт-консенсус» или «напряженность-стабильность» [21], склонны были использовать шкалу, подобную следующей: 0–0,4 – социальная стабильность; 0,4–0,8 – социальная напряженность; 0,8–1,4 – локальные конфликты; 1,4–2,0 – массовые социальные взрывы. При этом в качестве индикатора обязательно использовался показатель *удовлетворенности/неудовлетворенности*. Примерами таких характеристик выступают: удовлетворенность местом работы, характером труда, собственным здоровьем, условиями окружающей среды, безопасностью и т.п.

Наиболее известными на тот момент были методики Е.В. Александровой, П.Д. Чернобая, А.Н. Лебедева. В монографии Е.В. Александровой «Социально-трудовые конфликты: пути разрешения» была предложена методика, по которой необходимо было зафиксировать множество факторов, а затем разбить их на две группы - внутренние и внешние. Кроме того, факторы были объединены в три блока - экономические, организационно-управленческие и социальные [1]. Методика П.Д. Чернобая оказалась принципиально другой, так как для оценки уровня удовлетворенности выбирались не все социальные потребности индивида, а только те, которые обозначались им как *значимые* в рамках различных сфер производственной жизнедеятельности. Выделенные значимые факторы, описывались с помощью факторно-критериальных моделей [42]. А.Н. Лебедевым был предложен метод измерения социальной напряженности, источником которой являлись нововведения. Для этого он выделил четыре индикатора: оценочный, поведенческий, предметный и мотивационный - каждый из которых мог играть определенную роль в

прогнозировании межличностного производственного конфликта [25].

Эти методики стали основой для разработки социологических исследований социальной напряженности, проводимых автором на градообразующем предприятии. Позже тактика исследования претерпела значительные изменения, так как социальная напряженность стала измеряться не в рамках жестко структурированной организационной системы, с высокой степенью определенности связей, отношений, норм и т.д., а в более неопределенной городской среде. Результаты этих многочисленных исследований проводимых по различным методикам под руководством автора с 1995 по 1999 год обобщены и также представлены в соответствующих разделах одной из монографий [14, с.166-255].

После 2000 года изучение социальной напряженности вышло на новый этап. Это связано с тем, что российскими учеными стали разрабатываться разнообразные индексы для описания социальной напряженности: индекс реальной, потенциальной, прогнозной, психологической и т.п. напряженности (Ю.М. Плюснин, В.А. Быковский) [10; 35], индексы социальной разобщенности, поведенческой готовности и политической активности и др. (В.Г. Зарубин [20], Р. Попов, А. Сусаров [36], Д.А. Шмонин [43]). Кроме того, осуществлялся поиск связей между различными индексами и рассчитывалось их влияние друг на друга (Г.В. Баранова, В.А. Быковский Ю.М. Плюснин и др.). Однако на наш взгляд, у всех предлагаемых показателей социальной напряженности был один существенный недостаток: они указывали только то, что может помешать развитию социальных процессов и систем, при этом речи не шло о выявлении факторов, обеспечивающих развитие.

Под влиянием этих и многих других работ проведение ежегодных социологических исследований социальных напряжений в конкретном монопрофильном городе стало осуществляться нами с помощью инструментария, в котором имелся стандартный набор блоков независимо от того, что являлось провозглашаемой целью очередного исследования: изучение готовности населения к избирательной кампании, выявление отношения к проводимым реформам или городским властям, определение самочувствия горожан в период

относительного экономического благополучия или глобального кризиса и т.п.

Блоки формировались таким образом, чтобы можно было не только отследить динамику по годам значимых для развития города индексов социального напряжения, но и выявить влияние на общий уровень напряжений таких показателей, как: ценностные ориентации, уровень проблематизации жизни горожан, материального благополучия, активности населения и его сплоченности либо по горизонтали (между собой), либо по вертикали (между населением и городскими властями) и т.д.

Количественные методы сбора данных о видах и направлениях развития социального тонуса дополнялись качественными исследованиями. Данный подход позволил выявить с помощью наблюдений и полуформализованных интервью такие проблемы управления социальным тонусом монопрофильного города, которые остались за кадром классического исследования, но от этого не стали менее существенными. Качественные исследования позволяют получить квинтэссенцию обыденного опыта, позволяющую создать исследователю адекватную конкретным данным свою мини-теорию [39, с.15], которая не просто раскрывает сущность изучаемых проблем, но формулирует новые, не различимые для макротeorии. В качестве примеров обработки данных использовались процедуры и техники российских ученых (В.В. Семеновой, А. Готлиб, И.В. Журавлевой, Н.В. Веселковой и др.) [11; 13; 19; 38].

Качественная методология дополнялась методом фокус-группы [6; 38, с.107-108], который обеспечил выявление различий в понимании изучаемых проблем в группах людей, дифференцирующихся не только по социально-демографическим характеристикам, но и по отношению к социальным напряжениям, изменениям, кризису и т.п. Эта методика применялась также для изучения ценностных ориентаций студентов, репродукционных установок населения города, потребности в предприятиях сферы услуг и спортивных сооружениях для конкретных микрорайонов города, конкретных потребностей использования интернета и т.п.

Для определения того, насколько адекватно отражаются в местных СМИ (основных для населения источниках

информации) реальные социальные процессы городской жизни, проводился контент-анализ и печатных периодических изданий, и программ телепередач. Кроме того, проводился контент-анализ муниципальных социальных программ и стратегических планов развития городов. Данный вид анализа текстовой информации позволил нам подсчитать частоту и окрашенность упоминаний в СМИ проблем трансформации российского общества (акции протеста, кризисные явления, социальные беды и т.п.), которыми озабочено население монопрофильного города, провести контекстный анализ, выявленных в исследовании категорий и связанных с ними ценностей. Контент-анализ местных новостей на телевидении позволил выявить направленность, тематический приоритет, характер и принципы изложения информации и сделать выводы о ее манипулятивности, выявив влияние манипулятивных технологий на социальный тонус города.

Следует отметить, что получаемые с помощью разнообразных методик и подходов результаты в дальнейшем были объединены социокультурным подходом, что позволяло представить полную картину социальных напряжений монопрофильного города с выходом на практические рекомендации по управлению ими.

Показатели эффективности управления социальным тонусом г. Нижнекамска

В качестве объекта исследования рассматривался такой монопрофильный город, как Нижнекамск, третий по численности и объемам производства в Республике Татарстан.

Город достаточно молодой и физически активный, так как трудоспособное население в возрасте от 18 до 50 лет составляет 55 %, людей старше 60 лет в городе проживает только 9,8% (данные на начало 2010 года) [29]. Градообразующую базу города составляют два крупных действующих предприятия одной технологической цепи: ОАО «Нижнекамскнефтехим» и ОАО «Нижнекамскшина», на которых занято около 36% от общего числа работающих на предприятиях города. Строящийся нефтеперерабатывающий комплекс ОАО «ТАНЕКО» будет способствовать тому, что население, занятое на градообразующих объектах, увеличится на 10-15%. Это говорит

о том, что город подпадает под категорию монопрофильного [30; 33].

Для изучения уровня проблематизации жизни населения Нижнекамска и влияния этого уровня на социальный тонус города проводились ежегодные анкетные опросы населения, начиная с 1995 года, однако в данной работе в основном будут рассматриваться данные опросов 2001-2009 годов. При формулировании проблем, включаемых в анкетный опрос, обобщалась информация, которую исследователи получали при контактах с представителями органов местной власти, от работников управленческих структур градообразующих предприятий и других организаций, из местных СМИ и просто в разговоре с жителями города. В анкеты также включались те проблемы, которые объективно приписаны различным сферам городской жизнедеятельности. Например, таким, как: медицина (сфера медицинских услуг и продвижение здорового образа жизни); образование (сфера образовательных услуг, социально-педагогической работы с молодежью и поддержание пространства непрерывного образования); досуг (развлекательные, спортивные, культурные и прочие услуги, обеспечивающие социальную занятость населения); общественная жизнь (сфера социальной коммуникации, обеспечивающая достаточный уровень гражданской идентичности жителей города и социального партнерства различных городских сообществ); общественный порядок и другие.

Для определения пределов управленческих воздействий на проблемы они были разделены на личностные, производственные, городские и общесоциальные.

Первоначальный анализ данных состоял в оценке динамики по годам озабоченности населения существующими проблемами и изучении структуры проблематизации жизни на основе фиксации высоких оценок респондентов актуальности проблем всех уровней.

Таблица 3.1 – Озабоченность населения г.Нижнекамска общесоциальными проблемами (в % от числа опрошенных)

Наименование проблем	Годы проведения исследований						
	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
Нехватка продуктов питания	12	18	12	15	15	11	16
Кризис в экономике	54	48	40	38	38	15	48
Спад промышленного производства	51	46	38	41	41	20	47
Неплатежи, задержка з/платы	51	50	44	41	41	25	47
Недостаточная защита беднейших слоев населения	52	51	59	70	52	44	52
Обнищание населения	62	62	65	75	56	51	56
Рост цен, инфляция	75	74	80	89	70	56	71
Взяточничество, коррупция	66	67	71	75	56	53	61
Рост безработицы	69	67	69	78	60	54	60
Отсутствие порядка и законности	74	73	75	76	68	52	57
Рост преступности	78	75	79	85	57	66	62

Данные, представленные в таблице 3.1, свидетельствуют о том, что *общесоциальные проблемы*, во-первых, высоко актуализированы в сознании нижекамцев (кроме проблемы нехватки продуктов питания), так как за них высказывалось 50% и выше отвечающих, во-вторых, структура общесоциальных проблем, вносящих тревожность в жизнь населения, имеет некоторые отличия по годам, хотя в основном на первые места выходили рост цен, инфляция и рост преступности. Такие проблемы, как отсутствие порядка и законности, рост безработицы, взяточничество и коррупция, обнищание населения тревожат меньший процент опрошиваемых.

Изучение отношения горожан к следующему уровню проблем опиралось на тезис о том, что человек удовлетворяет свои первоочередные потребности через инфраструктуру города и именно от ее функционирования зависит качество жизни городского населения. Поэтому в список *городских проблем* были включены те, что атрибутированы различным сферам

городской жизнедеятельности, составляющим городскую инфраструктуру.

В монопрофильных городах городская инфраструктура до разгосударствления градообразующих предприятий полностью была подведомственной. Пришедшие к управлению предприятиями акционеры отказались от содержания объектов непроизводственной сферы. Жилищно-коммунальные службы и объекты их обслуживания (жилье, дороги, коммуникации, детские сады, больницы, транспорт и т.д.) были переданы на баланс города. Эксперты констатируют, что переход социальных объектов приватизированных предприятий в муниципальную собственность не был обеспечен ни в нормативно-правовом, ни, главное, в финансовом отношении. Расходы бюджета Российской Федерации на содержание переданных социальных объектов даже с учетом их хронического недофинансирования и почти полного прекращения капитальных ремонтов стремительно росли и к началу XXI века достигли огромных сумм [26, с.193]. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства позволило решить некоторые острые проблемы, но в монопрофильных городах и сейчас содержание и функционирование объектов городской инфраструктуры во многом зависит не только от налоговых отчислений, поступающих в городской бюджет, но и от прямой помощи градообразующих предприятий: в виде проведения конкретных мероприятий по благоустройству города, социально-культурных мероприятий и мероприятий по социальной помощи льготной категории населения; в виде долевого участия в строительстве жилья; в виде спонсорства для закупок оборудования и т.д.

Городской бюджет г. Нижнекамска пополняется за счет градообразующих предприятий на 50%. Так, например, за 2007 год только одно градообразующее предприятие – ОАО «Нижнекамскнефтехим» – перечислило в бюджеты всех уровней 5 млрд. 33 млн. рублей при плане 3 млрд. 333 млн. рублей, при этом в местный бюджет – 538 млн. рублей, что на 128 млн. рублей превысило прогнозные показатели [28] и составило 36% доходной части бюджета города.

Весомый вклад градообразующих предприятий в экономическое и социальное развитие города смягчает

неблагоприятные воздействия внешней среды, но проблемность функционирования самих предприятий, в свою очередь, способна вызвать негативные оценки населением различных сфер жизнедеятельности города.

Данные таблицы 3.2 позволяют увидеть, что на протяжении всех лет в качестве наиболее актуальной население выбирает проблему борьбы с загрязнением окружающей среды. Эта проблема в городском масштабе является для нижекамцев доминирующей, и ее рост усилился с началом строительства нового производственного комплекса ОАО «ТАНЕКО». В связи с ухудшением экологического состояния окружающей среды население города нефтехимиков все больше становится озабоченным своим здоровьем и здоровьем своих детей, соответственно проявляя повышенное внимание к медицинскому обслуживанию. Поэтому проблема медицинского обслуживания, динамично перемещаясь (2001 – пятое, 2003 – третье, 2004 – четвертое, 2005 – четвертое, 2006 – третье, 2007 – второе, 2009 – второе место), занимает все более высокие места в списке актуализированных проблем.

Таблица 3.2 – Динамика озабоченности населения городскими проблемами (в % от числа опрошенных)

Наименование городской сферы	Годы проведения исследований						
	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
Межнациональные отношения	16	18	13	17	16	21	22
Работа общественного транспорта	39	37	24	32	26	42	33
Медицинское обслуживание	56	59	51	52	66	64	69
Работа жилищно-коммунальных служб	52	63	60	53	45	59	50
Организация досуга и отдыха	50	43	39	33	47	42	40
Работа с молодежью	58	53	47	42	49	52	44
Социальная помощь инвалидам, пен-м и т.п.	49	54	48	51	54	59	50
Работа правоохранит. органов	59	53	49	45	54	52	49

Профес-зм, компетен-ть гос. и мун. служащих	45	40	42	35	59	45	48
Борьба с загрязнением окружающей среды	70	71	61	65	70	84	81
Работа средств массовой информации	31	25	24	26	25	-	-
Обеспеченность телефонной связью	28	27	23	20	20	-	-
Работа системы образования	-	-	-	-	44	51	52
Организация торговли и обществ. питания	-	-	-	-	-	31	38
Организация физкультуры и спорта	-	-	-	-	-	38	37

Табличная визуализация проблем, являясь наглядным методом анализа, не обеспечивает более прогностические выводы о состоянии проблематизации жизни населения г. Нижнекамска. Поэтому в анализе использовались также сравнения средних величин.

Таблица 3.3 – Динамика средних показателей общесоциальных и городских проблем (в % от числа опрошенных)

Уровень проблематизации	Годы проведения исследований						
	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
общесоциальные проблемы	58,5	57,4	57,5	62,1	50,4	40,6	52,5
городские проблемы	47,1	46,2	41,5	40,5	45,9	49,2	47,1

Средний процент высоких оценок актуальности проблем по каждому году показал, что в основном озабоченность респондентов проблемами общесоциального уровня выше, чем озабоченность городскими проблемами (таблица 3.3). Это говорит о том, что бороться с тревожностью населения на муниципальном уровне силами местной власти достаточно сложно, так как ее основным источником выступает общая обстановка в стране.

Выход на первое место городских проблем по сравнению с общесоциальными объясняется изменением общей обстановки в городе: резким снижением внимания властей к таким насущным

проблемам, как экологическая безопасность, благоустройство дорог, увеличение платы за медицинские услуги и т.д., тогда как обстановка в стране в целом улучшилась: стабилизировалась экономика, увеличились пенсионные выплаты, стала расти зарплата работников бюджетной сферы и т.д. – именно с такими ощущениями нижекамцы подошли к глобальному экономическому кризису.

Результаты анализа проблематизации жизни населения г. Нижнекамска, проведенного в 2009 году и основанного на измерении тесноты корреляционной связи между оценками респондентов и их социально-демографическими характеристиками, показали различное их взаимовлияние. Коэффициенты корреляции позволили сделать вывод о том, что ответы респондентов слабо дифференцируются в зависимости от их пола (ср.к.к.= 0,22) и от национальной принадлежности (ср.к.к.= 0,28). Более существенное воздействие на ответы оказывают образование (ср.к.к.= 0,33), род занятий (ср.к.к.= 0,34), доход (ср.к.к.= 0,36), на первом месте оказался возраст (ср.к.к.= 0,38) отвечающих.

Покажем, что более информативно воздействие социальных проблем на социальный тонус монопрофильного города может быть представлено на основе использования интегральных индексов. Расчет индексов по результатам исследований 2007 и 2009 годов не только позволил выявить тенденции развития уровня проблематизации жизни населения, но и определить субъективную оценку качества его жизни в данном поселении в предкризисный и кризисный периоды.

Качество жизни населения чаще всего оценивается по объективным характеристикам, не учитывая мнения самого населения по различным аспектам жизни. Между тем объем благ и условий жизни, которыми располагают даже жители такого унифицированного поселения, как монопрофильный город, различно распределены между категориями населения и неодинаково ими оцениваются. Существенно различаются в восприятии своего качества жизни возрастные, образовательные и другие номинальные и реальные группы населения, так как их оценка производится с опорой на субъективные представления о соответствии качества жизни социальным стандартам, существующим в ближайшем окружении, или определенным

идеалам. Поэтому субъективное мнение не менее важно, чем объективные характеристики качества жизни, так как именно оно позволяет говорить о социальных связях, об удовлетворенности отдельными сторонами жизни и жизнью в целом, т.е. о возможности достижения насущных потребностей и, следовательно, о социальном тоне. Поэтому субъективные оценки качества жизни, представленные в индексах, могут выступать индикаторами жизненного напряжения, которое испытывает человек.

Таблица 3.4 – Динамика самооценки населением своего материального положения (в % от числа опрошенных)

Материальное состояние	Годы проведения исследований		
	2001	2003	2007
богатые	1	2	1
обеспеченные	16	17	11
ограниченные в средствах	73	70	72
бедные	8	10	15

По исследованиям, проведенным в городе Нижнекамске, динамика самооценки респондентами своего материального состояния представлена в таблице 3.4. Из таблицы видно, что в 2007 году повысилась критичность населения к своему материальному состоянию, и хотя по официальным статистическим данным уровень жизни в городе стал выше, однако субъективная оценка населения ухудшилась.

Для расчета индексов качества жизни населения монопрофильного города была использована модифицированная схема, предложенная Л.А. Беляевой [7].

Важным компонентом качества жизни выступает ее *уровень*. Он оценивался с использованием нескольких частных индексов: материального уровня жизни; медицинского обслуживания; доступности образования. *Индекс материального благополучия* ($I_{\text{мат.}}$) рассчитывался как сумма шкал, в которых учитывается не только самооценка материального уровня жизни, но и его динамика по сравнению с прошлым годом и ожидания в следующем. Таким образом, этот индекс носит комплексный характер. По массиву в целом в 2007

году он равнялся 101,5 пункта, а в 2009 – 106,9. Эти значения позволяют считать, что отрицательные оценки уровня жизни превысили положительные, но наблюдается положительная тенденция роста индекса за счет тех надежд, которые нижнекамцы возлагают на будущее. *Индекс качества медицинского обслуживания* ($I_{\text{мед.}}$) в 2007 году составил 83,2 пунктов против 87,6 – в 2009 году, *индекс доступности образования* ($I_{\text{образ.}}$) 102,8 и 107,4 пунктов соответственно. Таким образом, по оценкам населения монопрофильного города, индекс *уровня их жизни* ($I_{\text{ур.ж.}}$) в предкризисном 2007 году составлял 95,8 пунктов, тогда как в конце кризисного 2009 года он, пусть и незначительно, но поднялся до 100,3 пунктов, благодаря тому, что население для выживания стало напряженно искать выход из создавшейся негативной ситуации, а это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о наличии в городе тенденций роста позитивного тонуса.

Второй компонент качества жизни – *качество социальной среды* ($C_{\text{соц.ср.}}$) – рассчитывался нами на основе учета мнений населения о различных состояниях и опасностях социальной среды. В качестве таковых рассматривались: преступность, борьба с загрязнением окружающей среды, межнациональные отношения, профессионализм и компетентность государственных и муниципальных служащих, деятельность правоохранительных органов, отсутствие порядка и законности, недостаточная защищенность бедных слоев, взяточничество и коррупция. Общий индекс качества социальной среды по массиву в целом довольно низкий (2007г. – 91,9; 2009 г. – 98,6).

Важным, на наш взгляд, для оценки качества жизни является ощущение индивидом комфортности. *Индекс комфортности* мы рассчитывали по таким параметрам, как оценки населением работы коммунальных служб, организации досуга, отдыха, спорта, организации торговли и общественного питания, работы общественного транспорта. В 2007 году индекс комфортности составил 104 пункта, тогда как в 2009 году он поднялся до 112.

Интегральный индекс качества жизни рассчитывался как среднее арифметическое общих индексов по каждому из трех компонентов. В результате получилось, что интегральный индекс качества жизни в 2009 году по оценкам населения

оказался на 6,3 пункта больше, чем в 2007 году, и составил 103,6 пунктов. Конечно, это очень низкий показатель, но в целом он свидетельствует о росте позитивных тенденций.

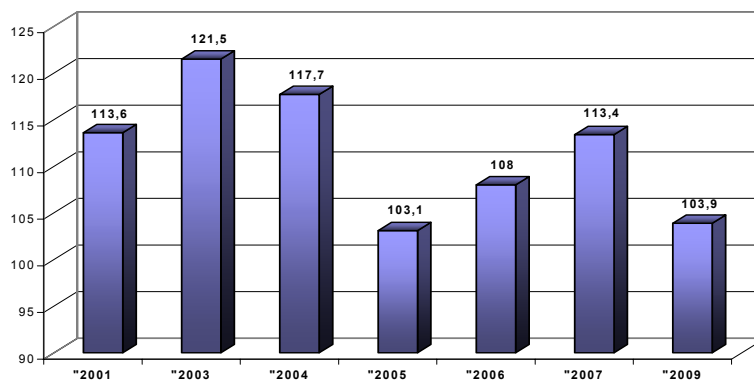

Рисунок 3.1 – Динамика общего индекса регионального благополучия (ОИБ_{год}) по годам

Мониторинг общественного мнения об оценке различных сфер жизнедеятельности города позволил также построить *индекс регионального благополучия*. За основу расчета индекса была взята методика Е.В. Балацкого [5], позволяющая представить индекс в виде усреднения суммы из четырех показателей: оценки экономического состояния г. Нижнекамска, оценки культурной жизни города, оценки уровня развития демократии и народовластия, оценки социально-бытового обслуживания и деятельности жилищно-коммунальной сферы. В свою очередь, показатели каждой из названных сфер были рассчитаны с помощью суммирования положительных, средних и отрицательных оценок, отцентрированных по 100 балльной шкале, которую мы корректируем с учетом ответов «затрудняюсь ответить». Динамика этих индексов по годам, представленная на рисунке 3.1, наглядно демонстрирует рост негативных оценок населением г. Нижнекамска регионального благополучия.

Интересной для определения истоков роста негативного напряжения является информация об оценке населением уровня развития отдельных сфер городской жизнедеятельности,

например, таких, как экономика, культура, демократия, социально-бытовое обслуживание. Данные показатели были названы нами частными индексами благополучия (ЧИБ). Для расчета частных и общих индексов использовались суммарные ответы респондентов на вопрос «Как вы оцениваете уровень развития Нижнекамска по сравнению с другими городами?». При этом предлагались следующие варианты ответов: «хорошо» (Х); «удовлетворительно» (У); «неудовлетворительно» (НУ); «затрудняюсь ответить» (ЗО).

Расчет осуществлялся по следующим формулам:

$$\text{ЧИБ} = (X\% + 0,6 * (Y\% - \text{НУ}\%)) - \text{ЗО}\% \quad (3.1)$$

$$\text{ОИБ}_{\text{год}} = (\text{ЧИБ}_{\text{э}} + \text{ЧИБ}_{\text{к}} + \text{ЧИБ}_{\text{дн}} + \text{ЧИБ}_{\text{сб}}) / 4 \quad (3.2)$$

Данные, представленные на рисунке 3.2, показывают, что динамика всех частных индексов имеет определенные экстремумы. Так, индекс ЧИБ_э, характеризующий оценку уровня экономического развития, резко снижался в 2005 году в результате негативного отношения населения к политике монетизации льгот и в 2009 году в результате осознания жителями монопрофильного города негативного влияния на их личную жизнь и материальное благополучие глобального экономического кризиса. Индекс ЧИБ_к, характеризующий оценку населением развитие культуры в городе, наоборот, имел резкое возрастание в 2003 году, когда город боролся за звание «Культурная столица Поволжья», но постепенно позитивное восприятие культурной составляющей городской жизни у нижекамцев стало снижаться, так как местные власти перестали культивировать у населения гордость за город и его культуру. Резкое снижение индекса ЧИБ_{сб} в 2006 году связано с интенсивным реформированием системы жилищно-коммунального хозяйства, которое привело к росту коммунальных платежей и к снижению качества предоставляемых услуг. Однако основным источником испытываемых нижекамцами тревог в отношении своего города как основы их благополучия выступает уровень развития в городе демократии и народовластия (ЧИБ_{дн}), который из года в год оценивается населением очень низко.

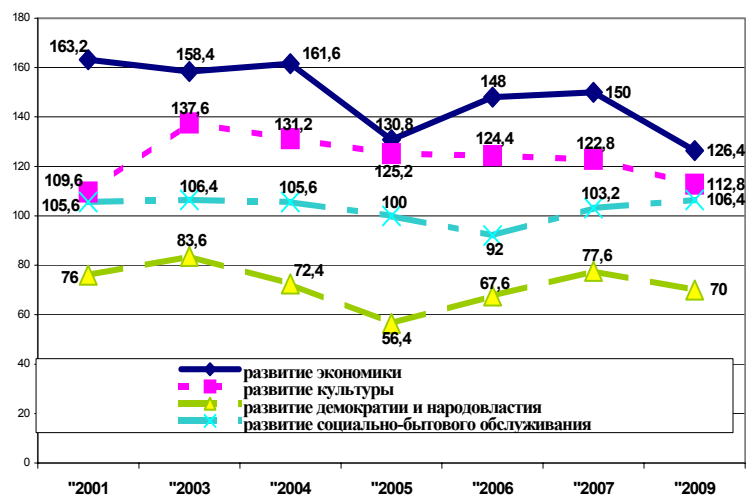

Рисунок 3.2 – Динамика частных индексов регионального благополучия

Кроме вышеуказанных индексов, мониторинговые исследования позволили нам рассчитать непосредственно индекс социальной напряженности на основе вопроса о том, как оценивают респонденты обстановку в городе, в регионе и в России (для ответов предлагались следующие альтернативы: «благополучная», «спокойная», «напряженная», «критическая, взрывоопасная»). Динамика данного индекса по годам показывает, что между ним и индексом социального благополучия существует обратная зависимость: при снижении индекса социального благополучия – растет индекс социальной напряженности. При этом в оценках горожан оплотом стабильности и устойчивости выступает Республика Татарстан, тогда как Россия видится им как источник социальных потрясений (умеренная оценка напряженности в России была дана в 2006 и 2007 годах). Во многом это связано с информационной политикой Татарстана. Республиканские и местные власти стараются сгладить, «притушить», негативные моменты, направить эмоции и интересы населения в другое

русло. Всплески социальных напряжений в городе ощущались населением в 2005 г. (монетизация льгот) и в 2008 году (воздействие экономического кризиса).

Снижение ощущения благополучия способствуют росту негативной напряженности, о чем наглядно свидетельствуют данные, представленные на рисунке 3.3.

При расчете интегральных индексов качества жизни, социального благополучия, социальной напряженности остался нерешенным вопрос, какой вес принять для каждого частного индекса при расчете общих индексов по каждому компоненту и интегрального индекса по всем компонентам. Помочь в решении данного вопроса может латентно-структурный анализ, который позволяет, как отмечает О.А. Даниленко, выявить нерациональные факторы через измерение взаимосвязанных с ними характеристик, поддающихся квантификации [16, с.42]. Используя в качестве характеристик проблем ценности, мы определили, какие компоненты в индексах наиболее ценностнозначимые, а, следовательно, им может быть приписан и более высокий вес.

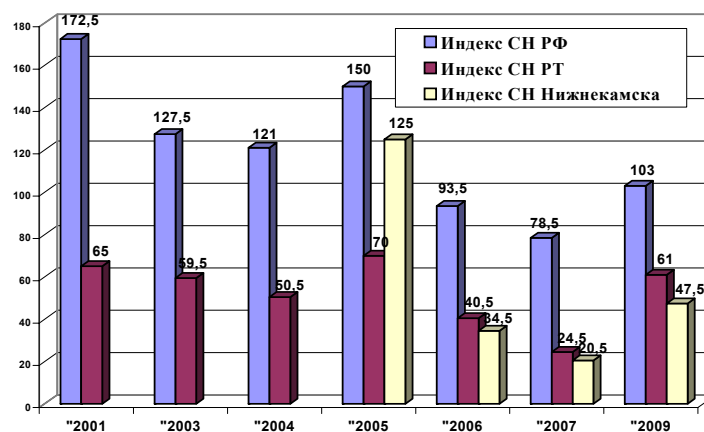

Рисунок 3.3 – Динамика индекса социальной напряженности

Процедура латентно-структурного анализа применялась к данным, полученным в ходе исследований 2003 и 2009 года, когда в анкетном опросе параллельно с проблемами изучались и ценностные ориентации населения г. Нижнекамска. Ценностные

предпочтения имеют нерациональную природу. Это в какой-то мере подтверждается теми данными, которые представлены в работе Э. Вестермарка «Этическая относительность» [12]. В ней он доказывает, что подлинной основой моральных понятий (выступающих предикатами моральных суждений) являются эмоциональные реакции [32]. Поэтому, попадая в сложные жизненные ситуации (в том числе и проблемные) или мысленно воспроизводя их, люди проявляют всю палитру так называемых «эмоций морального и неморального качества» [12]: негодование, возмущение, неодобрение (порождающие гнев, месть и пр.) или одобрение, благодарность (порождающие, дружелюбие, симпатию и пр.). Таким образом, ценностное ранжирование позволит нам соответствующим образом упорядочить и проблемы, которые отражают эмоциональные, когнитивно-волевые, личностные и другие напряжения респондентов.

Приписывание определенным проблемам конкретных ценностей осуществлялось с помощью процедуры корреляционного анализа.

Эмоциональная аксиологическая окрашенность проблем по данным таблицы 3.5 выглядит следующим образом. Для тех, кто считает значимым ценность «работа», оказываются высокочисленными проблемы работы транспорта и медицинского обслуживания. Ценность высокого материального обеспечения тесно связана с проблемами досуга, отдыха и работы с молодежью, свидетельствуя о том, что ее значимость важна, во-первых, для тех, кто может себе позволить хороший отдых, но не находит в городе такой возможности, и, во-вторых, для тех, кто погружен в молодежную проблематику, т.е. для самих молодых людей. Ценности «карьера» соответствует проблема межнациональных отношений, что наводит на мысль о том, что многие из отвечавших испытывают дискриминацию по национальному признаку по месту их работы.

Таблица 3.5 – Коэффициенты корреляции между ценностями и проблемами, отмеченными населением в исследовании 2003 г.

Ценности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Проблемы												
Межнац. отношения	0,2	0,3	0,8	0,2	0,75	0,75	-0,8	0,2	0,4	0,95	0,95	0,9
Работа транспорта	0,9	0,35	-0,3	0,6	0,6	0,4	0,25	0,35	-0,9	-0,3	0,5	-0,3
Мед. обслуж-е	0,8	0	0,4	0,8	0,8	0,5	-0,2	0,8	0,4	0,4	-0,4	0,7
Работа ЖКС	-0,2	0,35	-0,3	0,6	0,9	0,6	0,65	0,35	-0,9	-0,3	0,5	-0,3
Организация досуга	-0,1	0,95	0,5	0,4	0,5	0,9	-0,6	0,35	0,15	0,95	-0,1	0,25
Работа с молодежью	0,2	0,8	1	0,2	0,5	0,75	0,8	0,2	0,4	0,95	0,95	0,9
Соц.помощь инвалидам и др.	0,4	-0,4	-0,2	0,95	0,4	-0,2	0,9	-0,4	-0,8	-0,8	0,8	0,8
Работа СМИ	0,2	-0,2	0,4	0,8	0,8	0,6	0,8	0,1	0,95	0,4	0,95	0,4
Работа правоохр. органов	0,3	-0,4	-0,2	-0,4	0,6	-0,1	0,4	0,95	0	-0,2	0	-0,2
Профес-зм чиновников	0,4	0	0,4	0,2	0,8	0,25	0,8	0,8	0,4	0,4	0,7	0,4
Падение нравственности	0,4	-0,4	-0,2	-0,4	0,6	-0,1	0,7	0,95	0	-0,2	0,95	0,6
Отсутствие телефон. связи	0,4	-1	-0,8	-0,4	0,4	-0,2	0,4	-0,4	0,2	-0,8	-0,2	-0,8
Борьба с загряз. окруж. среды	0,5	-0,2	0,35	0,95	0,95	0,5	-0,3	0,95	0,65	0,35	0,6	0,95

Коды ценностей:

1 -	работа;	7 -	участие в общественной жизни;
2 -	материальная обеспеченность;	8 -	уважение окружающих;
3 -	карьера;	9 -	безопасность;
4 -	здоровье;	10 -	любовь, секс;
5 -	семья, дети;	11 -	патриотизм;
6 -	отдых, досуг;	12 -	уверенность в будущем.

Анализ различных социологических индексов (качества жизни, благополучия, социальной напряженности населения г. Нижнекамска) во временной динамике показал закономерности развития социального тонуса и факторы, на него влияющие. Среди внутренних факторов следует отметить конкретные действия местных лидеров (участие города в конкурсах, разработка стратегии и т.д.) и внешние изменения социально политического курса России (монетизация льгот, реформа ЖКХ и т.д.).

В целом, индексы показывают, что население города очень критично относится к своему состоянию, считая его достаточно неблагоприятным.

Однако, являясь сложным образованием, социальный тонус зависит не только от условий, в которых он возникает и развивается (уровень проблематизации и качества жизни населения). Он характеризуется внутренней готовностью индивидов и социальных образований к действиям и внешней активностью.

Активность является показателем социального тонуса как меры социальной энергии, поэтому проявление активности в определенных действиях людей может свидетельствовать либо о мобилизации, либо о подавлении социальной энергии монопрофильного города. Кроме того, социальная активность является основным атрибутом гражданского общества, так как на ее основе обеспечивается, во-первых, *адаптация граждан к новым условиям жизнедеятельности*, позволяющая легитимно и оперативно корректировать процесс их вхождения в новые отношения; во-вторых, *целестремление*, основанное на идеях сотрудничества и социального партнерства граждан с органами власти; в-третьих, *интеграция*, превращающая людей из пассивных объектов воздействия в субъекты, защищающие свои интересы.

Для исследования социальной активности нижекамцев как основы адаптации населения к новым условиям нами была использована методика, в которой реакция человека на проблемную ситуацию была представлена пятью моделями поведения: 1) мобилизация энергии и продуктивное действие для разрешения данной проблемы, поиск выхода, изменяющего в положительном направлении создающуюся ситуацию; 2) возмущение и желание снять негативное напряжение,

переложив ответственность за решение проблемы на окружающих, с помощью привлечения их к ее изменению; 3) страх и опасения, которые снижают активность и заставляют обратиться за моральной поддержкой к близким людям; 4) подчинение проблеме как непреодолимой, фрустрирующей, подавляющей и сковывающей; 5) человек не осознает данную ситуацию как собственную проблему, поэтому не намерен принимать участие в ее разрешении. В связи с этим для ответов на вопросы были предложены следующие варианты ответов: активно действую, стараюсь разрешить данную проблему (А); громко негодую и возмущаюсь, чтобы обратили внимание окружающие (В); тихо обсуждаю в узком кругу родных, знакомых (О); скован и подавлен, не вижу выхода (Н); мне безразлична эта проблема (Б).

Предлагаемые для оценки прожективные проблемные ситуации можно разбить на три большие группы. В *первую группу* отнесем ситуации, затрагивающие сферу личной жизни респондентов: проблемы в семье, связанные с обманом, непониманием и т.п.; проблемы с близким человеком, который попал в неприятную ситуацию (проблемы с работой, преступление, употребляет наркотики и т.д.); проблемы со здоровьем близких и самого респондента; обман при покупке или сделке, кража, нападение террористов; материальные (жилищные) проблемы.

Вторую группу составят ситуации, затрагивающие вопросы трудовых отношений и социальной справедливости: невыплаты и задержки заработной платы; плохая организация и условия труда; плохая работа ЖКХ (не убираются подъезды, придворовые территории, сбои горячей и холодной воды, отключение отопления и т.п.); рост цен и инфляция; увеличение коммунальных платежей; отмена льгот на пригородные перевозки; невозможность получения бесплатных лекарств.

В третью группу включим ситуации, характеризующие морально-нравственные и нормативные аспекты жизни горожан: сквернословие окружающих, в том числе и подростков; недостойное поведение депутатов; подтасовку результатов голосования; проблемы алкоголизации, наркомании населения; проблемы взяточничества и коррупции; рост преступности и отсутствие законности; резкое расслоение

общества на бедных и богатых; введение новых законов (в том числе закона о монетизации льгот).

С учетом этой дифференциации вопросов, были рассчитаны интегральные индексы активности/пассивности населения монопрофильного города, а также ее направленности (негативная/позитивная). Для этого использовались следующие формулы:

$$I_{a/n} = (A+B)-(O+H+B)+100 \quad (3.3)$$

$$I_{n/n} = (A+0,5*O)-(B+H+0,5*B)+100 \quad (3.4)$$

Интегральные индексы активности ($I_{a/n}$) и направленности активности ($I_{n/n}$), рассчитанные по результатам массовых опросов 2001-2007 годов, представлены в таблице 3.6.

Таблица 3.6 – Интегральные индексы активности и ее направленности (баллы)

Год	Индекс	Цели активности		
		Городские проблемы	Социальные проблемы	Личные проблемы
2001	акт/пас	109,5	102,6	120
	поз/нег	105,9	88,3	95
2003	акт/пас	104,4	94,8	111
	поз/нег	107,3	99,0	96,5
2004	акт/пас	114,7	84,3	159,7
	поз/нег	97,0	76,8	156,5
2005	акт/пас	134,0	95,0	148,7
	поз/нег	88,9	70,0	155
2006	акт/пас	137,7	88,3	160
	поз/нег	99,2	76,4	164
2007	акт/пас	139,4	87,5	142,3
	поз/нег	93,8	78,7	137,8

Значение индекса менее 100 пунктов говорит о том, что активность превращается в пассивность, а позитивное направление активности – в негативное.

Анализ данных таблицы показывает, что проблемы, затрагивающие личные интересы индивидов, способствуют сознательному выбору респондентами активной деятельности по их разрешению. Личная ответственность стимулирует индивидуальный тонус личности, заставляет ее рационально действовать и разрешать возникшую проблему. Однако когда человек считает, что за решение проблемной ситуации, которая значима лично для него, должны отвечать другие люди – руководители предприятий, города, государства, то чаще всего он будет эмоционально, а не рационально реагировать на происходящее. Это может способствовать всплеску негативных массовых эмоций и действий, которые принято называть негативной социальной напряженностью – такая ситуация наблюдалась в 2001 и 2003 году ($I_{п/н}$ оказался равным 95 и 96,5 пунктов).

Пассивность населения проявляется все годы при реакции на социальные проблемы ($I_{а/п} < 100$). Респонденты выбирали альтернативы ответов, характеризующие их пассивное поведение, когда оценивали отношение к сквернословию окружающих, в том числе и подростков, к недостойному поведению депутатов, к подтасовке результатов голосования и т.п. Такая социальная пассивность закономерно сопровождалась негативными эмоциями ($I_{п/н} < 100$).

Реакция населения на проблемы городской инфраструктуры в основном имела другую структуру: люди пытаются решать проблемы, проявляя активность, но эта деятельность чаще всего сопровождается негативными эмоциями.

Более детальный анализ ответов респондентов представлен в статье «Уровень проблемности как показатель социального тонуса» [15].

Полученные таким образом данные свидетельствуют о том, что социальная напряженность (в современной интерпретации – социальный тонус) может принимать самые различные значения и направления: «активно-позитивные»,

«пассивно-позитивные», «активно-негативные», «пассивно-негативные» «активно-негативные» [14, с.141].

В 2009 году для проверки данных об активности респондентов, полученных с помощью анкетного опроса, нами был использован тест Люшера. О том, что данная методика применяется в социологических целях, вскользь упоминается у А.В. Жаворонкова и у Ф.М. Бородкина [18, с.26; 9, с.109].

Значения, которые приписал цветам М. Люшер, на наш взгляд, позволяют выявить внутренний потенциал активности и деятельности человека. В связи с этим проверялась гипотеза о том, что наиболее *когнитивно активными* (среди ответов ими выбирается вариант о готовности к каким-либо действиям) будут выступать, те, кто выбирает желтый цвет на первые три места, а *реальная активность* (отмечают участие в различных формах общественной жизни: спорт, политика, экологические движения и т.п.) тесно связана с выбором красного цвета.

По нашему мнению, респонденты, выбравшие желтый цвет, выступают носителями свободы, независимости, креативности. Как отмечает сам Люшер, желтый цвет представляет собой освобождение и релаксацию, поэтому соответствующая ему активность выступает средством снятия излишнего напряжения, которое фиксируется выбором зеленого цвета. Выбор зеленого цвета на первые позиции, говорит о том, что личность подвержена ограничениям, формирующим рост негативного напряжения. Важным для нас является следующее замечание: «... если в ряду из восьми цветов зеленый и желтый стоят рядом друг с другом и образуют одну группу, то напряжение и освобождение объединяются с целью непосредственного освобождения от напряжения и нейтрализующего уравнивания напряжения» [27, с.195].

Красный цвет маркирует возбуждение и жизненную силу, его выбор на первые позиции свидетельствует о том, что личность стремится добиться влияния, успеха. «Красный цвет – это импульс, жизненная воля покорить и потенция, начиная с сексуальных инстинктов, вплоть до революционных преобразований» [27, с.193].

Исследования показали, что гипотеза подтвердилась, так как между вопросами, выявляющими различные виды активности респондентов, и выбором ими соответствующих

цветов существует достаточно сильная корреляционная связь. Коэффициенты корреляции, характеризующие взаимосвязь между некоторыми вопросами и желтым и красным цветом, представлены в таблице 3.7.

Здесь знаки «+3» и «+4» означают, что красный и желтый цвета находятся на первых двух позициях, а «х3» и «х4» – на третьей и четвертой позиции ряда из восьми цветов. Плюсом отмечается состояние, которое выступает для индивида целью, тогда как знак «х» указывает на реальное положение вещей.

Таблица 3.7 – Коэффициенты корреляции между вопросами об активности и цветовыми выборами (3 — желтый, 4 — красный цвет) (по результатам социологического опроса 2009 г. 250 человек)

ВОПРОС	+3	х3	+4	х4
Хотели бы вы принять участие в обсуждении стратегического плана развития вашего города?	0,53	0,36	0,85	0,77
В каких формах общественной деятельности вы участвуете?	0,88	0,49	0,35	0,28
Ради чего вы готовы участвовать в общественной деятельности?	0,54	0,44	0,62	0,6
С какими понятиями в большей степени связаны ваши представления о городе и градообразующем предприятии?	0,66	0,31	0,3	0,25

Анализ данных таблицы показывает, что целевые устремления индивидов в большей степени ориентированы на активность, чем их реальное состояние. Следовательно, уровень социальной активности и ее эмоциональная направленность (позитивная – негативная) при разрешении проблем: а) зависят от личной заинтересованности респондентов, которая способствует сознательному выбору ими форм активности; б) дифференцируются по социально-демографическим характеристикам отвечающих; в) могут прогнозироваться с помощью цветовых выборов респондентов по тесту Люшера.

Применение ценностного подхода позволило увидеть, что падение общественной нравственности и снижение своей социальной активности респонденты во многом связывают с

безнравственностью власти и ее представителей – чиновничества. Жители Нижнекамска с недоверием относятся к чиновникам. Динамика по годам ответов на вопрос: «Кому принадлежит власть в городе?» показывает, что в 2001-2003 годах респонденты наполовину (80:40) отождествляли официальную городскую власть с преступными группировками. В 2004 году общественное мнение несколько изменилось, однако более трети отвечавших считали, что власть в городе принадлежит преступным группировкам. Изменение общественного мнения произошло в 2006 году (снижение выбора данной альтернативы до 12%). Это было связано с назначением на должность главы нового человека, абсолютно не известного для населения. Именно поэтому оказались не представленными другие альтернативы: люди посчитали себя некомпетентными для ответа на этот вопрос.

Данные показатели свидетельствуют о том, что город не учитывает интересов своих жителей, это приводит к утрате жителями ощущения своей причастности к городскому сообществу. Таким образом, в городе не налажено взаимодействие между населением и властными структурами, горожане не вовлечены в активное решение вопросов местного значения, следовательно, утрачивается значение местного самоуправления, поскольку основной принцип местного самоуправления – самостоятельное решение населением вопросов местного значения – не реализуется.

Список литературы

1. Александрова, Е.В. Социально-трудовые конфликты: пути разрешения / Е. В. Александрова. – Монография. – М.: Сфера, 1993. – 243 с.
2. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси; пер. с англ.: в 2-х кн. – М.: Педагогика, 1982. – Кн. 1. – 318 с.;
3. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси; пер. с англ.: в 2-х кн. – М.: Педагогика, 1982. – Кн. 2. – 295 с.;
4. Базовые ценности Россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы : отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
5. Балацкий, Е.В. Экономические проблемы и ожидания населения / Е.В. Балацкий // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – № 4. – С. 10–12.

6. Белановский, С.А. Метод фокус-групп: учебное пособие / С.А. Белановский. – М.: Николо-Медна, 2001. – 280 с.
7. Беляева, Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 33–42.
8. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 416 с.
9. Бородин, Ф.М. Социальная напряженность и агрессия / Ф.М. Бородин, Н.П. Володина // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 107–149.
10. Быковский, В.А. Социальная напряженность на муниципальном уровне: методика оценки работы администрации / В.А. Быковский // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 22–25.
11. Веселкова, Н.В. Методические принципы полуструктурированного интервью / Н.В. Веселкова // Социология: 4М. – 1995. – Т.5-6. – 28–48.
12. Вестермарк, Э. Этическая относительность. Фрагменты / Э. Вестермарк // Философская и социальная мысль. – 1995. – № 11–12. – С. 27–36.
13. Готлиб, А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А. Готлиб. – Самара: Универс-групп, 2004. – 448 с.
14. Губина, Н.В. Социальная напряженность в монопрофильном городе: опыт социологического исследования: монография / Н.В. Губина. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 396 с.
15. Губина, Н.В. Уровень проблемности как показатель социального тона / Н. В. Губина // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С.122–126.
16. Даниленко, О.А. Социологическое измерение конфликта / О.А. Даниленко. – Х.: Издательский центр Харьковского национального университета имени В.Н. Карамзина, 2003. – 242 с.
17. Девятко, И.Ф. Измерение установки: становление социологической парадигмы / И.Ф. Девятко // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 49–59.
18. Жаворонков, А. В. Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений, 1967-2004 / А В. Жаворонков. М.: Изд-во «Вершина», 2006. – 576 с.
19. Журавлева, И. В. Особенности интервью как разновидности метода опроса / И.В. Журавлева // Методы сбора информации в социологических исследованиях. – М.: Наука, 1990. – Кн.1. – 156 с.
20. Зарубин, В. Г. Методологические аспекты диагностики социальной напряженности в обществе / В Г. Зарубин // Измерение социальной напряженности: теория, методология и методика исследования [Электронный ресурс]. – window.edu.ru/.../pdf2txt?p_id=35128&p_page=8.

21. Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.Г. Здравомыслов. – 2-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 1995. – 317 с.
22. Иванов А.И. Методика исследования коммуникативных установок личности / А.И. Иванов, Е.В. Заика // Вопросы психологии. – 1991. – № 15. – С. 162–166.
23. Кисриев, Э.Ф. Проблемные суждения экспертов в исследовании межнациональных отношений / Э.Ф. Кисриев // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 66–70.
24. Креггер, О. Типы людей и бизнес: Как 16 типов личности определяют ваши успехи на работе/ О. Креггер : Пер. с англ. / О. Креггер, Дж. М. Тьюсон. – М.: Персей, Вече, АСТ, 1995. – 560 с.
25. Лебедев, А.Н. Прогнозирование и профилактика межличностных производственных конфликтов в условиях нововведений / А.Н. Лебедев // Психологический журнал. – 1992. – № 6. – С.71–79.
26. Лексин, В.Н. Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: УРСС, 2000. – 256 с.
27. Люшер, М. Оценка личности посредством выбора цвета / Цветовой личностный тест: Практическое пособие / М. Люшер ; под ред. Драгунского В. В. Мн.: Харвест, 1999. – 448 с.
28. Масштабность планов впечатляет (из выступления генерального директора ОАО «Нижнекамскнефтехим» В. Бусыгина) // газета «Нефтехимик». – Нижнекамск, – 2005, апрель 30. – № 17 (2010).
29. Нижнекамск / Материал из Википедии – свободной энциклопедии / <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA> (дата обращения 02.02.2010).
30. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. – № 127 - ФЗ // Справочная правовая система Гарант 22. 03. 03.
31. Пажес, Ж.-П. Конфликт и общественное мнение / Ж.-П. Пажес // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 141–152.
32. Пархоменко, Т. Эдуард Вестермарк: поиски новой парадигмы в этике / Т. Пархоменко // Философская и социальная мысль. – 1995. – № 11–12. – С. 19–26.
33. Письменная, Е. Закат моногородов / Е. Письменная // Ведомости. – 2009. – № 243. – 23 декабря (2513).
34. Платов, В.Я. Деловые игры: разработка, организация, проведение / В.Я. Платов. – М.: Профиздат, 1991. – 192 с.
35. Плюснин, Ю.М. Метод оценки уровня и структуры скрытой социальной напряженности / Ю.М. Плюснин // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2000. – № 1. – С.25-32.

36. Попов, Р. Социальная напряженность и социальное неблагополучие/ Р. Попов, А. Сусаров // Регионы России в 1998 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» ; под ред. Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1999. – С.138–155.
37. Применение тестов в социологии ; под ред. Г.Г. Воробьева, В.П. Павлова. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 296 с.
38. Семёнова, В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В.В. Семёнова. – М.: Добросвет, 1998. – 240 с.
39. Страусс, А. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники / Страусс А., Корбин Дж. ; пер. с англ. и закл. ст. Т. С. Васильевой. – М.: КомКнига, 2007. – 256 с.
40. Тарабрина, Н.В. Экспериментально-психологическая методика изучения фрустрационных реакций: методические рекомендации / Н.В. Тарабрина. – Л.: Ленинград. – науч.-исслед. психо-неврол. ин-т им. В.М. Бехтерева, 1984. – 28 с.
41. Человек в экстремальной ситуации: Опыт социологического исследования ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС / Е.И. Головаха, В.П. Котов, Н.И. Чурилов и др. ; отв.ред. В. И. Головаха. – К.: Наукова Думка, 1990. – 141 с.
42. Чернобай, П.Д. Социальная напряженность: опыт измерения / П.Д. Чернобай // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С.94–98.
43. Шмонин, Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений [Электронный ресурс]. – <http://publications.isras.ru>

Глава 4 ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА

Ценностные ориентации в системе социальных отношений личности

В условиях современного российского общества, которое характеризуется интенсивностью социально-экономических и социокультурных процессов, аксиологическая проблематика становится особенно актуальной. Ставшее на сегодняшний день ключевой проблемой изменение ценностей, связано с идеологической дезориентацией, аномией в общественном сознании, кризисом идентичностей, с проникновением или принятием элементов чужой культуры.

Роль ценностей в этом состоянии общественной системы особенно велика, так как они выступают в качестве стандартов при выборе целей, а также становятся сильными мотиваторами поведения индивидов и широких масс, которые соответствуют определённой культуре и обществу.

Глобальные изменения во всех сферах жизни современного общества заставляют по-новому взглянуть на многие явления и процессы, являющиеся неотъемлемыми компонентами и важнейшими составляющими мирового исторического процесса. Среди них одно из важных мест занимает городская социокультурная среда, которая играет значительную роль в формировании ценностных ориентаций. Взаимодействие города как среды и людей, как субъектов данной среды - это широкий пласт различных вопросов, решаемых не одним поколением, преемственно передающих друг другу различные навыки и ценности.

Духовный мир современного горожанина характеризуется сложным переплетением различных идеологий, мировоззрений, ценностных систем. Разнобой ценностных ориентаций имеет своим следствием исключительную пестроту типов поведения, образов жизни, качественную дифференциацию ценностных позиций по отношению к труду, учебе, семье, политике, городу, что позволяет выделить в городском сообществе множество

разных систем ценностей. Именно они, в конечном итоге, определяют вектор развития общества.

В этом контексте представляет интерес монопромышленный город, являющийся своеобразной социокультурной и социотерриториальной общностью.

Для монопромышленных городов характерны в основном те же проблемы, что и для других категорий городов, однако в условиях односторонней направленности хозяйства эти проблемы приобретают наибольшую остроту. Сложность заключается в том, что градообразующее предприятие несёт на себе социальную нагрузку, то есть его нельзя рассматривать в отрыве от города, без учета социально-экономического положения, дальнейших судеб и возможного поведения людей в нем проживающих.

Специфическая социокультурная среда монопромышленного города играет значительную роль в иерархизации ценностных ориентаций населения. Градообразующее предприятие преднамеренно направляет, культивирует определённую систему ценностей и жизненные приоритеты.

В последние годы вопросы, связанные с исследованиями ценностных ориентаций различных групп населения, не сходят со страниц научной печати, а словосочетания «общечеловеческие ценности», «ценности демократического общества» стали расхожими в средствах массовой информации, политических работах. Однако городская проблематика очерчена в основном вопросами правового и экономического обеспечения. Ценностные ориентации, в свою очередь, рассматриваются либо как социально - психологическая характеристика личности, либо как динамическая и трансформационная система, через призму которой рассматриваются социально-экономические реформы.

Первыми социологами, затронувшими ценностную проблематику, были М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, которые обосновали необходимость изучения ценностей социологической наукой и внесли важный вклад в понимание общества как ценностно-нормативной системы. Однако только У. Томас, Ф. Знанецкий провели впервые эмпирические исследования ценностных ориентаций, применив метод анализа

документов. М. Рокич разработал методику измерения ценностных ориентаций, впоследствии получившую широкое применение в исследованиях зарубежных и отечественных социологов.

В отечественной социологии интенсивно изучать ценностное сознание, иерархии ценностных ориентаций начинают с середины 60-х годов (О.Г. Дробницкий, В.А. Ядов). В последующие годы предпринимались попытки приблизиться к социально-психологическому пониманию нормативно-ценностных систем личности и группы (М.И. Бобнева, Ю.М. Жуков) [2]. С конца 80-х годов в рамках Академической программы «Человек, наука, общество: комплексные исследования» были начаты теоретические и эмпирические исследования ценностных систем переходного периода и общечеловеческих ценностей.

В социологической литературе ценностные ориентации рассматриваются как самый высокий уровень диспозиции в социальном поведении [22] или один из уровней регулирования целенаправленного поведения в концепции Н.Ф. Наумовой [18], как психологически обобщенные личностные смыслы, или как социальные установки, выражающие эмоционально-оценочное отношение к предложенным респондентам наборам ценностей, задающих стратегическую устойчивость массовому поведению. Под ними понимались: «цели, стремления, желания, жизненные идеалы, система определённых норм», установки на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества» [12], «конкретное отношение к окружающей среде» [3], «нравственность личности» [13], «детерминанты принятия решения» [9], «сложные обобщённые системы ценностных представлений», «основной канал превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей» [1].

Многофункциональность ценностей представлена в работах М. Вебера, А.Г. Здравомыслова, Н.И. Лапина.

В современной ситуации социальных изменений, характеризующейся интенсивностью социально-экономических и социокультурных процессов внимание исследователей направлено на динамику и трансформацию ценностных ориентаций как отдельных социальных групп, так и общества в

целом; кроме того, некоторые авторы рассматривают социально-экономические реформы сквозь призму ментальности (Р.Я. Головатых, И.В. Грошев, В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз) [5; 6; 8].

Изучению влияния новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентаций личности в разных социальных группах посвящено исследование В.А. Хащенко [21]. Было установлено, что новые социально-экономические условия оказывают влияние на ценностные ориентации индивида в разных группах, которые проявляются в доминировании общей направленности на индивидуальные ценности. Также в исследовании было установлено, что социально-экономические изменения хорошо согласуются с изменениями в ценностном сознании, что позволяет последнее рассматривать в качестве индикаторов этих перемен.

Важным направлением социологических исследований является изучение условий повышения эффективности повседневной деятельности населения посредством выявления ценностных ориентаций и роли социума в процессе формирования ценностных установок личности в трудах Т.М. Карахановой, Ю.Н. Мазаева, Е.А. Михалевой [14; 15; 17].

В последнее время на пике реформ муниципального управления и местного самоуправления появилось ряд исследований, в которых рассматриваются ценностные ориентации руководителей и служащих местного самоуправления, определяется отношение местного населения к реформам местного самоуправления [4; 16], предпринимается попытка рассмотреть управление городом как процесс согласования интересов участвующих сторон [10]. Этому созвучна позиция Е.Н. Заборовой, которая утверждает, что, с одной стороны, сам город является самоценностью и существуют ценности городской среды, то есть то, что горожанин хотел бы видеть в своем городе как среде своего обитания. С другой стороны, город сам предъявляет определенные требования к горожанину, к его ценностным ориентациям и формам их проявления в городском образе жизни [11]. Тем самым на первый план выдвигается социокультурный подход в исследовании монопромышленного города. Данный подход решающим фактором понимания

городской жизни определяет изучение ценностных ориентаций и признает единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека.

Приступая к эмпирическому изучению ценностных ориентаций, необходимо помнить, что они находятся в эпицентре структуры личности, их комбинация позволяет выделить социальные типы, отличные друг от друга своей направленностью в различные сферы жизнедеятельности.

Исходя из того, что понятия «ценностные ориентации» и «социальные установки» описываются как весьма близкие феномены для эмпирического изучения ценностных ориентаций, можно, с известной долей обоснованности, применять весь тот методический арсенал, который накоплен как в отечественной, так и в западной социологической литературе.

Методы, применяемые западными социологами и социальными психологами, уже на первых этапах были достаточно разнообразными: данные личного наблюдения за естественным поведением (как в полевых исследованиях Чикагской экологической школы), статистический анализ объективных показаний, результаты голосования по тем или иным вопросам, публичные высказывания в прессе, информация, содержащаяся в личных документах.

Э. Богардусом широко использовалась методика изучения установок, основанная на самоотчетах респондентов о предполагаемом поведении. Сходными методическими приемами пользовался Р. Лапьер, который известен благодаря описанному им расхождению между установками и поведением индивидов, получившему название «эффект Лапьера». Оригинальный и достаточно эффективный метод, с точки зрения надежности, для измерения установок был использован Л.Л. Терстоуном. Он применил так называемый метод «парных сравнений».

Также социологи используют опросы, на основании которых строятся специальные индикаторы. Данный метод хорошо зарекомендовал себя в отечественной социологии. Его суть наиболее полно отразили В.А. Ядов и его сотрудники, которые отмечали, что основным способом вычленения ценностных ориентаций из множества вербальных оценок

должен быть поиск устойчивых, то есть повторяющихся однородных оценок, суждений, мнений. Процедура должна предусматривать значительный набор разнообразных ситуаций для сравнения их в виде высказываний, которые затем будут систематизироваться по степени обобщенности, содержанию и по частоте повторения данного содержания. В рамках диспозиционной концепции В.А. Ядова была описана связь декларируемой системы ценностей и декларируемого поведения.

Ценности в исследовании В.А. Ядова задавались модифицированным списком М. Рокича, а под социальными установками понимались перцептивные установки, касающиеся оценки того, как обычно действует человек, что было вполне правомерно. Однако проблема взаимосвязи заявленных ценностей и социальных установок до конца решена не была.

Форм конкретное социальное поведение индивида настолько много, что вряд ли они могут быть изучены во всем своём многообразии. Именно поэтому, на наш взгляд, картина мира должна упрощаться, предполагая рассмотрение лишь важнейших различий в поведении людей и игнорирование его оттенков и нюансов. Подобное упрощение не должно быть принципиальным для понимания структуры процесса. По существу, жизнедеятельность человека реализуется в очень небольшом количестве сфер.

В этой связи, для получения первичной социологической информации о степени актуальности ценностей у населения г. Нижнекамска нами был выбран метод М. Рокича. При разработке этого метода Рокич исходил из того, что: 1) общее число значимых ценностей невелико; 2) все люди обладают похожими ценностями, но имеющими разную значимость для каждого; 3) все ценности организованы в системы; 4) истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе, социальных институтах, личности; 5) ценности оказывают влияние на феномены, являющиеся предметом исследования многих наук. Таким образом, ценность есть устойчивое убеждение, что определённый способ поведения или существования - это индивидуально или социально предпочтительный способ поведения или существования в аналогичной ситуации. Система ценностей есть устойчивая

совокупность убеждений. Кроме того, Рокич выделяет три типа убеждений: экзистенциальные, оценочные и прогностические и относит ценности к последнему, третьему типу, позволяющему ориентироваться в желательности-нежелательности способа поведения (операциональные, инструментальные ценности) и существования (смысловые, терминальные ценности). В нашем исследовании единицы анализа было укрупнено до 9 инструментальных и 9 терминальных ценностей. Однако в исследовании иерархии ценностных ориентаций студентов был применён полный модифицированный список М. Рокича (18 инструментальных и 18 терминальных ценностей).

При выявлении степени важности предложенных ценностей были применены статистические методы: классификационный и корреляционный анализ, которые позволили выделить группы ценностей и определить их взаимосвязи.

В анализе ценностных ориентаций важным является эмпирическая интерпретация данного понятия. В философско-социологической и социально-психологической литературе можно найти немало различных подходов к интерпретации различных ценностных феноменов, в том числе и ценностных ориентаций. Основные разногласия касаются типологизации ценностных ориентаций и установления индикаторов, с помощью которых можно фиксировать соответствующие данные, раскрывающие содержание понятия. Данный факт можно объяснить тем, что при интерпретации ценностных ориентаций социологи исходят от различных эмпирических оснований. Чаще всего выяснялись типы ориентаций на политические, культурные, нравственные и другие ценности.

То есть, как только исследователи начинают интерпретировать результаты проведённых ими исследований, встаёт проблема смыслового наполнения понятий, обозначающих ценности. Проблема не в непонимании исследователями необходимости изучения смыслового содержания ценностей, а в том, что технически изучение понятий такого класса является очень трудной задачей.

В прошедшие годы в ряде исследований предпринимались попытки выявления содержания понятий в рамках опросов больших групп населения, которые давали статистику,

необходимую для распространения полученных результатов на многомиллионные сообщества. Однако предметом таких исследований являлось одно, два понятия.

Среди методов, способных решить данную проблему, следует отметить все варианты описательных методик, различные психосемантические техники, а также выбранный нами ассоциативный эксперимент.

Исследование ассоциаций строилось по классической схеме свободного ассоциативного эксперимента. Респондентов просили назвать от трех до пяти первых пришедших им в голову слов или словосочетаний, каким-либо образом связанных с каждой предложенной ценностью. Причем, необходимо отметить, что для ассоциативного эксперимента использовались только терминальные ценности (ценности - цели), так как инструментальные ценности (ценности - средства достижения цели) являются абстракциями самого высокого уровня и не выводятся из других, родовых по отношению к ним, понятиям. В результате на каждую ценность было собрано в среднем от 100 до 200 ассоциаций. Часть из них, безусловно, повторялась, поэтому списки возможных ассоциаций на каждую ценность составили наборы по 20-50 разных слов и словосочетаний. При анализе полученных данных возник вопрос, какую частоту ассоциаций следует признать неслучайной и, соответственно, какие ассоциации следует принимать к рассмотрению как устойчиво характеризующие данное понятие. Поскольку эта величина является конвенциональной, это дает возможность каждому исследователю самому определить интересующий его интервал.

Однако, чтобы проанализировать суть процесса формирования ценностных ориентаций, необходимо применение качественных методов социологического исследования. В этом случае во главу угла должен быть поставлен подход, рассматривающий представления о понимании социальных процессов, когда исследователь пытается поставить себя на место изучаемых людей, понять те субъективные смыслы, которыми люди наделяют свои действия, вступая в отношения с другими социальными субъектами [20]. А это значит, что в исследовании ценностных ориентаций населения монопромышленного города необходимо применять

как количественные, так и качественные методы социологического исследования.

На этапе качественного исследования мы провели нарративные интервью 30 респондентов (по 3 респондента из каждой социальной группы структуры г. Нижнекамска) и с помощью методов анализа качественных данных изучили полученные тексты.

Цель нарративного интервью - в максимальной представленности жизненного опыта информанта, в представлении событий жизни так, как они были пережиты. Рассказы информантов - не прямое отражение объективных событий. Напротив, это всегда конструирование мира и конструирование человеком самого себя, когда информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он её видит на данный момент. Сегодня этот метод получил признание социологов во всем мире. Пришло осознание того, что с помощью нарративного интервью исследователь может получить глубокий доступ к субъективному миру информанта, что это ценнейший источник информации о социальных процессах, в которые «встроена» жизнь каждого человека.

В результате интервьюирования респондентов мы получили первичные тексты - транскрипты. Логика текстовой информации предусматривает несколько шагов. Во - первых, осуществляется первичное описание (организация) текста: отбор единиц будущего анализа, плотное описание текста (наряду с фиксацией события или отношения выделяются контекст, способ реализации жизненного процесса, субъективная значимость происходящего для участников); формулировка кодов, их уточнение, конкретизация, соотнесение с отдельными отрывками текста; открытое осевое выборочное кодирование. Во-вторых, происходит восхождение к концептуальному видению. По существу, речь идет о переходе от позиции «соучастника», вовлеченного в мир респондента, к критическому суждению с позиции социального знания при постоянном возвращении к первичному тексту для проверки правильности интерпретаций; о «переструктурировании поля эмпирии в поле научного анализа» [19].

Результат первичной организации исходного текста - это гносеологический факт. Субъективность (гносеологичность)

этого факта объясняется тем, что все виды кодирования осуществляются исследователем на основе неких, имеющихся у него общих исследовательских установок. Но это же обстоятельство придает рассматриваемому факту научный характер, поскольку связано с выделением в уникальном, неповторимом исходном тексте неких фрагментов, роднящих конкретного респондента с другими, давшими другие транскрипты.

Таким образом, многочисленные споры по поводу достоинств и недостатков, так называемых, качественных и количественных подходов к проведению эмпирического исследования являются бессмысленными. Так как речь должна идти о «качественно-количественном континууме», то есть о бесконечном количестве подходов, которые «можно поместить между количественными и качественными методами» [20].

Поэтому на этапе количественного исследования ценностные ориентации населения монопромышленного города мы будем описывать набором обычных действительных чисел, а анализировать в традиционных математико-статистических преобразованиях. Такие числа получаются, когда в качестве объектов фигурируют совокупности людей, а в качестве описывающих их чисел - численности тех членов совокупности, которые обладают каким-либо свойством. С другой стороны, описать социальную систему с помощью только чисел бывает весьма непросто. Это касается ситуации, в которой речь идет об изучении процессов, трудно поддающихся измерению. Поэтому для получения ответа на вопрос о формировании ценностных ориентаций и ценностного отношения к городу мы будем использовать качественные методы сбора данных.

Таким образом, в рамках нашего эмпирического исследования будет применяться сочетание количественно-качественной методики социологического исследования.

Опыт социологического исследования ценностных ориентаций населения монопрофильного города

В качестве объекта исследования выступило население г. Нижнекамска. Выборочная совокупность составила 926 человек. В соответствии с генеральной совокупностью в ходе опроса

сохранялись пропорции полов (47% - мужчин; 53% - женщин). Были выделены 6 возрастных групп: до 20 лет, 20 – 29 лет, 30-39 лет, 40 – 49 лет, 50 – 59 лет, 60 лет и старше. Также выделены следующие социальные группы: рабочие, служащие, техническая интеллигенция, непроизводственная интеллигенция, руководители и работники аппарата городского управления, муниципальные служащие, предприниматели, учащиеся и студенты, пенсионеры, безработные (рисунок 4.1).

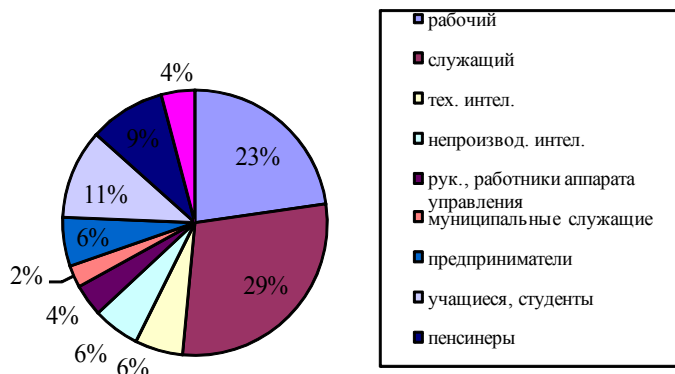

Рисунок 4.1 - Модель объекта исследования

Решая первую из поставленных задач, мы рассмотрим классификацию ценностей по степени их актуализации в сознании нижекамцев. При построении указанной классификации мы исходили из представления, что самые актуальные ценности должны набрать рейтинг больше 50%, тогда остальные ценности можно считать не актуальными [6].

В нашем исследовании 50%-ный барьер преодолели следующие терминальные ценности: здоровье (80%), дети (69%), семья (67%), безопасность (59%), материальное обеспечение (57%); инструментальные ценности: ответственность (53%), трудолюбие (52%), которые мы назовем актуальными и подвергнем дальнейшему содержательному анализу и классификации

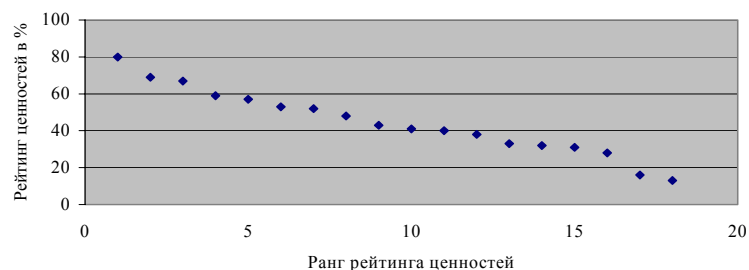
Смысловой анализ актуальных ценностей дает возможность составить из них ассоциативные пары, близкие по смыслу, например, семья - безопасность, семья - дети,

материальное обеспечение - трудолюбие, дети - ответственность. Наличие таких ассоциативных пар позволяет оценить такую системную характеристику актуального общественного сознания городского сообщества, как «связность». Более того, возможность построения такого рода цепочек свидетельствует о системной проблемно-целевой организации актуального общественного сознания городского сообщества. Выделенные ценности позволяют создать ассоциативную цепочку ценностей выживания (семья - трудолюбие - материальное обеспечение - безопасность). Однако ассоциативная цепочка ценностей регулирования и организованности общества (патриотизм (13%) - честность (43%) - терпимость (32%) - исполнительность (38%)), не пройдя 50% барьер, позволяет сделать вывод о том, что данные ценности не актуализировались в сознании городского сообщества г. Нижнекамска.

Слабым местом представленной классификации является высокий рейтинговый барьер, который большинство неактуальных ценностей не преодолело, а потому не анализировалось. Следовательно, имеется необходимость в использовании классификации, у которой классификационные группы были бы более сопоставимыми по величине. Основанием для следующей классификации ценностей будут служить: 1) анализ кривой падения рейтингов всех ценностей, которая позволит определить в ней ступенчатость, которая бы доказывала наличие ценностей разного уровня актуальности; 2) распределение частот рейтингов ценностей для всех социальных групп с целью определения дифференцирующих и интегрирующих социальные группы и городское сообщество ценности.

Кривая ранжированного в порядке убывания рейтинга 18 ценностей делится на три части (рисунок 4.2).

Одна кривая указывает на группу ценностей с высоким рангом, вторая большая группа с монотонно ниспадающим средним рейтингом, третья группа ценностей с низким рейтингом.

Рисунок 4.2 - Ранжирование рейтинга 18 ценностей в порядке убывания

Таким образом, все ценности удобно разделить на три группы: высокие, средние и низкие по рейтингу. Квартильный подход деления совокупности позволяет отнести к первому высшему уровню те ценности, которые выбрали в качестве важному более половины социальных групп.

В случае, если больше половины социальных групп принимают ценность, это значит, что она входит в состав ценностного единства. Такими ценностями являются: здоровье, материальное обеспечение, семья, дети, безопасность, трудолюбие, ответственность. Это говорит о том, что сходство ценностных ориентаций большинства социальных групп свидетельствует не только об актуализации данных ценностей, но и о том, что в них заключается ценностное единство городского сообщества. Обозначенные ценности являются для данного сообщества «центральными» и интегрирующими. Именно эти ценности составляют ядро ценностного сознания городского сообщества.

Основанием для выделения второго уровня или второго порядка важности ценностей послужили ценности, которые выбрали от 25 до 50% социальных групп. Эти ценности являются «промежуточными» и имеют рейтинг от 24% до 49%.

Промежуточными оказались следующие ценности: работа - карьера, любовь, образованность, честность, исполнительность, независимость, смелость, терпимость, отдых - досуг. Эти ценности не входят в ценностно-смысловое ядро и являются областью дискуссий.

Таблица 4.1 - Распределение значимости терминальных ценностей у представителей различных социальных групп (в процентах)

Ценности	Социальные группы									
	Рабочие	Служащие	Техническая интеллигенция	Производств. интеллигенция	Работники аппарата	Муниципальные служащие	Предприниматели	Учащиеся, студенты	Пенсионеры	Безработные
Работа, карьера	47	37	44	33	59	26	61	40	24	39
Материальная обеспеченность	63	51	65	41	62	52	71	59	56	55
Здоровье	83	76	87	82	85	78	77	82	88	66
Семья	74	63	75	67	79	65	63	59	71	53
Любовь	48	26	37	43	53	26	34	38	29	39
Отдых, досуг	34	13	23	18	29	9	27	29	29	32
Патриотизм	13	63	17	12	18	13	13	9	20	8
Дети	76	53	79	71	79	65	70	56	84	55
Безопасность	62	50	69	57	71	52	64	57	71	50

Подводя промежуточный итог, мы обратили внимание на тот факт, что список центральных, интегрирующих ценностей в основном составляют терминальные ценности, тогда как список промежуточных ценностей - инструментальные. Это говорит о том, что ценности, которые служат для достижения определённых целей, ещё не актуализировались в сознании большинства социальных групп городского сообщества.

Ценности, входящие в нижний квартиль, набрали рейтинг менее 24% и являются «периферическими». Их приняло в качестве важных меньшинство участвующих в исследовании социальных групп. Это: терминальная ценность - патриотизм и инструментальная ценность – высокие запросы. Однако они также могут быть включены в состав ценностного единства, формируемого на основе их неприятия большинством социальных групп.

Таблица 4.2 - Распределение значимости инструментальных ценностей у представителей различных социальных групп (в процентах)

Ценности	Социальные группы									
	Рабочие	Служащие	Техническая интеллигенция	Непроизвод. интеллигенция	Работники аппарата управления	Муниципальные служащие	Предприниматели	Учащиеся, студенты	Пенсионеры	Безработные
Трудолюбие	55	50	52	49	82	48	54	37	66	47
Высокие запросы	15	16	19	10	32	13	25	17	9	21
Исполнительность	38	38	37	37	62	39	43	27	42	32
Независимость	40	32	25	35	47	22	55	26	20	42
Образованность	46	48	52	59	59	48	46	45	40	47
Ответственность	51	54	63	61	79	52	55	36	54	47
Смелость	35	28	23	22	47	26	46	30	26	37
Терпимость	36	31	21	35	38	17	30	28	41	39
Честность	45	42	56	47	68	30	41	25	53	34

Таким образом, на основе классификации по набранному ими рейтингу было выделено три группы ценностей: центральные, промежуточные и периферические.

Далее проанализируем ценностные ориентации представителей различных социальных групп, опрошенных в данном исследовании.

Как показывают результаты исследования, такие наиболее многочисленные социальные группы г. Нижнекамска, как рабочие, учащиеся и студенты, служащие обладают сходным набором актуальных ценностей и составляют ядро городского сообщества. Данные социальные группы, согласно рисунку 4.3, характеризуются направленностью на здоровье, которое ранжируется выше других ценностей всеми социальными группами, семью, детей, материальную обеспеченность и безопасность.

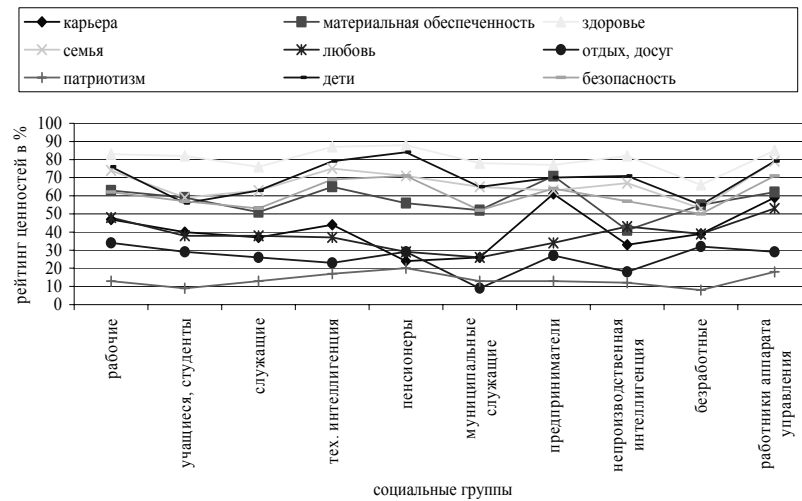

Рисунок 4.3 - Распределение терминальных ценностей в социальных группах г. Нижнекамска

Пенсионеры присвоили низкие ранги карьере и отдыху - досугу, что вполне оправдано для данной социальной группы. В то же время, именно пенсионеры, в отличие от других социальных групп такой слабо актуализированной ценности, как патриотизм, присвоили самый высокий ранг. Муниципальные служащие, впрочем, как и непроизводственная интеллигенция, присвоила низкие ранги таким ценностям, как карьера и отдых - досуг. Это, видимо, говорит о том, что именно в этих сферах добиться карьерного роста тяжело или практически невозможно. Результаты анализа инструментальных ценностей подтверждают, сделанный нами ранее вывод о том, что социальные группы рабочих, служащих, составляют ядро городского сообщества с вполне сформировавшимися системами ценностных ориентаций. У учащихся и студентов несколько занижены показатели таких ценностей, как ответственность, честность трудолюбие, так как данная социальная группа ещё находится в стадии социализации. Предпринимателей, которые выше всех оценили важность ценности «карьера».

Не сформировавшейся системой ценностных ориентаций характеризуется социальная группа безработных, так как они дали самую низкую оценку таким базовым ценностям, как здоровье, материальное обеспечение, безопасность, в то время, как отдых - досуг был оценён ими наиболее высоко среди остальных групп городского сообщества.

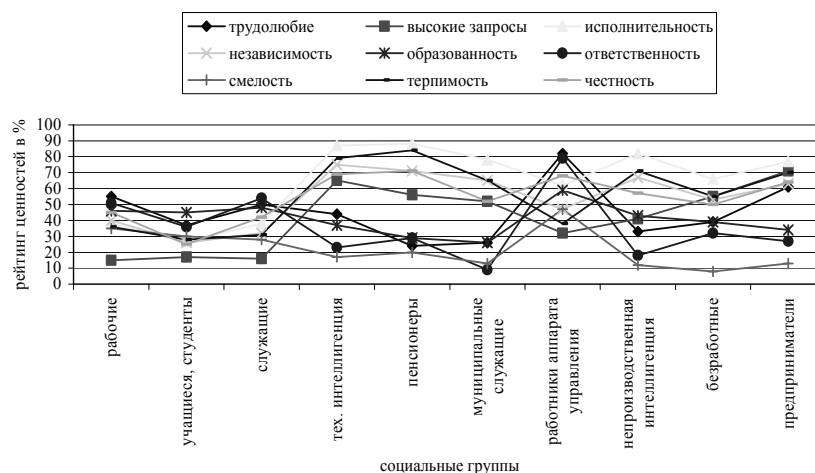

Рисунок 4.4 - Распределение инструментальных ценностей в социальных группах г. Нижнекамска

Результаты ранжирования ценностей технической интеллигенцией, пенсионерами и муниципальными служащими показали, что эти социальные группы в предложенных инструментальных ценностях выделяют две противоположные группы. К первой группе ценностей с низким ранговым значением они отнесли: трудолюбие, образованность, ответственность, смелость. Ко второй группе наиболее важных ценностей были отнесены: высокие запросы, исполнительность, терпимость, честность и независимость. Такое распределение ценностей муниципальными служащими, на наш взгляд, должно несколько насторожить руководителей муниципального управления. Так как в период муниципальной реформы такие качества, как образованность, трудолюбие, ответственность должны быть основополагающими и всячески культивироваться

среди служащих муниципального управления. В противовес этим социальным группам руководители, работники аппарата городского управления показывают обратную динамику. Такие ценности, как трудолюбие, ответственность, честность, исполнительность, образованность занимают достойные места в их системе ценностных ориентаций. Анализируя результаты ранжирования ценностей безработными, можно сказать, что их статус определился из-за низкого рейтингового показателя таких важных ценностей, как смелость и образованность. Так как ценностная ориентация – один из важнейших мотивов формирования и реализации жизненных планов людей, выбора профессии и т.д.

Таким образом, в результате классификационного анализа были выявлены рейтинги ценностей в системах ценностных ориентаций различных социальных групп города.

Далее, проведя корреляционный анализ ранговых значений периферических ценностей в различных социальных группах, мы выявили, что ценность патриотизма у мужчин более актуализировалась, чем у женщин и показывает достаточно сильную (0,7) связь с другими ценностями. То есть, патриотизм входит в систему ценностных ориентаций мужского населения г. Нижнекамска. У женщин, напротив, патриотизм не коррелирует с остальными ценностями, кроме высоких запросов (0,7), отдыха – досуга (0,5). Ценность «высокие запросы» у мужчин показывает примерно одинаково положительную связь со всеми ценностями, предложенными для ранжирования. У женщин данная ценность положительно связана только с патриотизмом (0,7), независимостью (0,7), смелостью (0,8), отдыхом (0,8), работой (0,6) и терпимостью (0,6). Таким образом, был выявлен гендерный аспект в отношении ценностей патриотизм и высокие запросы. Причем, если для мужчин данные ценности являются интегрирующими, формирующиеся на основе их неприятия, то для женщин они являются дифференцирующими, то есть вносящими дисбаланс в систему ценностных ориентаций. Кроме того, проанализировав зависимости в разных возрастных группах, было выявлено, что у горожан старше 30 лет патриотизм одинаково положительно коррелирует со всеми ценностями. Однако в возрастной группе до 20 лет патриотизм положительно связан только с

терпимостью и высокими запросами (0,4-0,5), с другими ценностями связь отсутствует. А в возрастной группе от 20 до 29 лет патриотизм со всеми ценностями показывает обратную зависимость (-0,2). Это говорит о том, что в данной возрастной группе, чем большее значение будет придаваться другим ценностям, тем менее значимой будет ценность патриотизма. В связи с полученными результатами можно сделать вывод, что в городе не созданы условия для актуализации молодым поколением данной ценности.

Денежный доход горожан также является фактором, влияющим на формирование и взаимозависимость ценностных ориентаций. Так, у горожан с денежным доходом от 501 до 1500 руб. и выше 3500 руб. на одного человека в месяц значимая связь ценности патриотизма с остальными ценностями отсутствует. Однако существует слабая взаимосвязь данной ценности с ценностями отдыха и досуга (0,4), высоких запросов (0,4), образованности (0,4) и смелости (0,4) у респондентов с денежным доходом от 501 до 1500 руб., и с ценностями здоровья (0,4), семьи (0,4), детей (0,4), безопасности (0,4), высоких запросов (0,5) у респондентов с доходом выше 3500 руб. У групп респондентов с доходом до 500 руб., от 1501 до 2500 руб. и от 2501 до 3500 руб. ценность патриотизма показывает положительную связь на уровне 0,7 с такими ценностями как, высокие запросы, честность, любовь, отдых, досуг. Это говорит о том, что целенаправленное воздействие на вышеперечисленные ценности повлечёт за собой формирование и актуализацию у данных социальных групп ценности патриотизма.

Анализ взаимозависимостей предложенных для ранжирования ценностей среди горожан разных национальностей не показал серьёзных расхождений. Как у татар (0,4), так и у русских (0,5-0,6) патриотизм положительно коррелирует с предложенными для ранжирования ценностями. Выявление связей в зависимости от отношения респондентов к религии показал примерно аналогичный результат, то есть серьёзных расхождений между верующими и атеистами не наблюдается. Кроме чуть более сильной зависимости у верующих ценностей отдыха, досуга и патриотизма (0,7), чем у атеистов (0,4).

Уровень образования респондентов выделил в городском сообществе социальную группу с неполным высшим образованием, у которой ценность патриотизма не сочетается ни с какой другой ценностью, а с ценностью карьера, работа показывает обратную связь. К этой социальной группе относятся студенты последних курсов обучения.

В целом, при выявлении зависимостей в системе ценностных ориентаций городского сообщества корреляционный анализ выявил значимую связь между следующими ценностями:

1. Выраженная ориентация на работу, карьеру положительно связана с ориентациями на трудолюбие (0,9), материальное обеспечение (0,7), любовь (0,5), образованность (0,5), ответственность (0,5) и смелость (0,4).

2. Стремление к безопасности сочетается с материальным обеспечением (0,5), здоровьем (0,7), семьей (0,7), детьми (0,8) и честностью (0,6).

3. Ориентация на честность коррелирует с выраженными ориентациями на независимость (0,8), исполнительность (0,8), детей (0,7), семью (0,5).

4. Трудолюбие положительно связано с материальным обеспечением (0,6), карьерой (0,9), образованностью (0,7), ответственностью (0,8) и смелостью (0,6). При этом связь с такими ценностями, как здоровье (-0,1), исполнительность (-0,2), независимость (-0,3), терпимость (-0,4) обратная. То есть, чем важнее будет ценность трудолюбия, тем менее значимыми будут перечисленные ценности.

Таким образом, не все ценности из предложенного списка актуализировались у населения г. Нижнекамска. Кроме того, выделились ценности, которые имеют функцию интегрирования и дифференцирования городского сообщества. В целом исследование показало, что характеристика ценностных «портретов» различных социальных групп и городского сообщества зависит от таких социально - демографических признаков, как: пол, возраст, социальный статус, денежный доход, образование.

Приступая далее к анализу смысловых наполнений понятий, обозначающих ценности, необходимо заметить, что при интерпретации результатов следует исходить из того, что

ассоциации могут даваться как по смыслу, так и по сходству, смежности, контрасту. Поэтому полученные наборы ассоциаций отражают не только устойчивые смысловые связи, то есть ведущие для данной культуры смыслы, заложенные в данное понятие, но и просто устойчивые языковые шаблоны, смыслы которых лежат на периферии семантического поля данного понятия.

Итак, частотное распределение ассоциаций на понятие «карьера, работа» позволяет выдвинуть предположение, что население г. Нижнекамска понимает его, прежде всего, как «деньги» (223 упоминаний), «достаток» (126 упоминаний) или «зарплата» (102 упоминания). Таким образом, смысл данного понятия выражен в основном материальными маркерами достатка. Хотя в ассоциативном ряду упоминаются не только те блага, которые приносит работа, но и непосредственные атрибуты трудовой деятельности: уважение, профессионализм, трудолюбие. Кроме того, специфика монопромышленного города поставила в ассоциативный ряд названия градообразующих предприятий, что доказывает выдвинутый ранее тезис о прикреплении населения к территории, как к месту приложения своего труда.

В частотном распределении ассоциации «материальное обеспечение» наиболее упоминаемыми оказались «деньги» (436 упоминаний), «богатство» (238 упоминаний) и «обеспеченность» (108 упоминаний). Также в ассоциативный ряд входят ассоциации, посвященные семейно-домашнему аспекту материального обеспечения: квартира, машина, отдых, пища. Кроме того, имеется блок ассоциаций, связанный с имущественными отношениями, регулируемые государством: власть, пенсия, образование.

Ценность здоровья ассоциируется у населения г. Нижнекамска, прежде всего, с нормальной экологической обстановкой. Поэтому в ассоциативном ряду наибольшее количество упоминаний насчитывает ассоциация «экология» (235 упоминаний), сюда же можно отнести и «экологически чистые продукты» (5 упоминаний). Благоприятную экологическую обстановку, а, соответственно, наличие здоровья население не связывает с городом, о чём свидетельствует наличие ассоциации «деревня» (5 упоминаний). Кроме того,

имеется целый блок ассоциаций, который свидетельствует о значительной роли государства в поддержании здоровья населения: «здравоохранение» (105 упоминаний), «бесплатная медицина» (98 упоминаний), «хорошие больницы» (87 упоминаний). Однако, настораживает некоторая безысходность, которую отражена в таких ассоциациях, как: «невозможно» (8 упоминаний), «судьба» (7 упоминаний), «карма» (6 упоминаний), «мечта» (5 упоминаний).

Частотное распределение ассоциаций на понятие «семья» свидетельствует о том, что население г. Нижнекамска связывает его с наличием детей (324 упоминания). Данное понимание реализуется в более высокой рождаемости в городе по сравнению с другими городами Татарстана. Ценность семьи ассоциируется у населения с такими понятиями, как «безопасность» (87 упоминаний), «надежность» (56 упоминаний), «стабильность» (45 упоминаний) и в то же время с «заботой» (34 упоминания), «ответственностью» (32 упоминания), «беспокойством» (29 упоминаний).

Наиболее часто упоминающаяся ассоциация на ценность «любовь» - это её определение как «чувство» (365 упоминаний). Далее любовь ассоциируется с семейными отношениями: «семья» (176 упоминаний), «дети» (106 упоминаний). Большой блок ассоциаций связывает ценность «любовь» с понятиями высшего порядка: «бог» (66 упоминаний), «мир» (49 упоминаний), «счастье» (28 упоминаний), «жизнь» (19 упоминаний), «смысл жизни» (14 упоминаний).

Частотное распределение ассоциаций на понятие «отдых - досуг» обыденное сознание, в первую очередь, понимает как «деньги» (289 упоминаний) и «достаток» (189 упоминаний). Ассоциативный ряд позволяет нам сделать предположение об очень небольшом выборе форм отдыха и досуга. Были названы только: «дискотека» (69 упоминаний), «на природе» (31 упоминание) и «на диване» (11 упоминаний). Огородно-сельское видение данного понятия подтверждает специфику г. Нижнекамска, которая заключается в большой доле бывших жителей села и ещё формирующейся городской культуре, которая выразилась в ассоциациях: «огород» (36 упоминаний), «хозяйство» (34 упоминания), «пенсия» (7 упоминаний), «нет» (6 упоминаний).

Как следует из частотного распределения ассоциаций, «патриотизм» понимается населением г. Нижнекамска как «Родина» (689 упоминаний), к этому блоку ассоциаций можно отнести «патриот» (324 упоминания), «любовь к Родине» (213 упоминаний). Обращает на себя внимание очень маленький набор ассоциаций и наличие ответа «не знаю» (23 упоминания). Также в ассоциативном ряду не оказалось понятия «город» как малая родина и место непосредственного проживания, преданность и любовь к которому не ассоциируется у нижекамцев с патриотизмом. Эти данные подтверждают вышеизложенные выводы о том, что ценность «патриотизм» не актуализировалась в обыденном сознании жителей г. Нижнекамска, а ценностное отношение к городу необходимо формировать.

Анализ частотного распределения ассоциаций показывает, что «дети» в г. Нижнекамске понимаются как «будущее» (423 упоминания). Весь ассоциативный ряд можно разделить на два смысловых блока - это, с одной стороны, «смысл жизни» (93 упоминания), «любовь» (69 упоминаний), «надежда» (32 упоминания), «благополучие» (8 упоминаний), «продолжение рода» (6 упоминаний). С другой стороны, выделяется блок, выражающий тревогу, обеспокоенность за будущее детей. В этот блок можно отнести ассоциации: «обеспокоенность» (51 упоминание), «ответственность» (47 упоминаний), «хулиганство» (11 упоминаний), «страх» (9 упоминаний), «здоровье детей» (7 упоминаний). Нужно отметить, что функцию по воспитанию детей нижекамцы отводят семье (267 упоминаний), в то время, как среди государственных воспитательных органов понятие «дети» ассоциируется только со «школой» (7 упоминаний).

Анализ смыслового наполнения понятия, обозначающего ценность «безопасность» позволяет нам предположить, что респонденты чаще всего его понимают как «спокойствие» (389 упоминаний), «уверенность» (276 упоминаний). Среди ассоциаций выделяется блок физической защищенности от противоправных элементов: «защита» (84 упоминания), «телохранитель» (13 упоминаний), «оружие» (11 упоминаний). Следует отметить, что массовое сознание связывает указанную функцию с властью: «государство» (36 упоминаний), «милиция»

(7 упоминаний), «закон» (7 упоминаний). Также имеется блок материальных средств обеспечения охраны: «замки» (9 упоминаний), «сигнализация» (8 упоминаний).

В результате проведенного исследования была реализована попытка описать семантическую структуру 9 понятий, обозначающих ценности. Таким образом, были выявлены основные смыслы, которыми обыденное сознание населения г. Нижнекамска наделяет данные понятия. Наиболее частотные ассоциации отражают определённую устойчивость и могут воспроизводиться от исследования к исследованию. Такая воспроизводимость - доказательство того, что они отражают главные, а не второстепенные смыслы каждой из данных ценностей.

Далее, приступая к качественному этапу исследования, использовалось нарративное интервью как метод сбора информации в этой исследовательской стратегии. На наш взгляд, именно нарративное интервью, когда информант сам выстраивает в рассказе последовательность событий своей жизни, оценивает их, дает исследователю возможность описать смыслы, которыми люди наделяют своё прошлое, настоящее и будущее, расставляет акценты на ценности, позволяет понять их приоритетность. Нарративное интервью дает возможность понять, какие именно черты индивидуального опыта представляют собой капиталы личности, способные выработать те или иные ценностные ориентации.

В нашем исследовании методом нарративного интервью было опрошено 30 человек. По 3 человека из каждой социальной группы (10 групп), выделенной в социальной структуре г. Нижнекамска. Анализ текстов показал, что вся совокупность делится на неравные по численности группы тех, кто успешно адаптировался в городской среде, сюда вошли в основном работники градообразующих предприятий, и полярную группу, куда вошли, прежде всего, пенсионеры, работники социальной сферы и безработные.

Анализ выделенных транскриптов показал, что значимым элементом в характере ценностных ориентаций оказались материальные маркеры, как деньги, материальное благополучие, что подтверждает полученные на количественном этапе результаты о значимости материальных ценностей. Хотя

имеются и некоторые различия в смысловом наполнении данной ценности у информантов, которые успешно адаптировались в городской среде и в полярной группе. Для первой группы деньги, материальный достаток выступают важной жизненной целью, определяют выбор жизненной стратегии. Деньги - это средство постоянно растущих потребительских запросов. Кроме того, материальный достаток ими рассматривается как средство самоутверждения, как мера жизненного успеха, как средство обеспечения общественного статуса и уважения окружающих. В сознании этой группы существует также связь между собственными усилиями и вознаграждением за труд. Таким образом, ценность труда ассоциируется у представителей этой группы с материальным достатком, что также подтверждает вывод, сделанный на количественном этапе исследования. Деньги здесь - важнейшее условие самостоятельности, уверенности в себе.

В полярной группе тех, кому не удалось успешно адаптироваться, деньги не наделяются столькими смыслами. Здесь материальный достаток - лишь средство выживания, способ обеспечить себе сносный уровень жизни. В первой группе высока ценность работы, карьеры. Работа, карьера является важнейшей сферой человеческого существования. Она даёт не только средства к существованию, но возможность общения, самовыражения, самоутверждения.

Таким образом, анализ показал, что характер ценностных ориентаций зависит от социальных и индивидуально-личностных характеристик, которые формируются в детстве, юности, во взрослой (дореформенной) жизни. В эпоху перемен эти качества оказались востребованными, нашли применение в социально-экономической сфере. Такие индивидуальные качества, как готовность к риску, высокая планка притязаний, сочетающиеся с работой как важнейшей ценностью реализуются в благоприятной личностной почве, которая позволяет более успешно «вписаться» в меняющуюся социально-экономическую реальность. Другие же жизненно важные ценности, как здоровье, семья, дети, если не сочетаются с такими ценностями, как трудолюбие, смелость, высокие запросы, как правило, не приводят к экономическому успеху,

что, соответственно, не способствует успешной включенности в адаптационный процесс.

Полученные результаты определяют задачи городского управления, которые могут быть положены в основу стратегического плана развития г. Нижнекамска.

1) Исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи показало, что их учет позволит более эффективно работать с молодежью, так как именно молодое поколение, более оптимистично смотрит в будущее, является той частью городского сообщества, которая способна к активным социальным преобразованиям. Однако работа с данной социальной группой требует очень грамотного и продуманного подхода со стороны городских властей, в силу того, что ценностные ориентации молодого поколения претерпевают значительные изменения в зависимости от возраста, образования, денежного дохода.

2) Отдельной управленческой задачей для городских властей, на наш взгляд, является работа по актуализации ценности патриотизма у городского сообщества. Так как данная, очень важная, в современных условиях ценность, была определена в ходе исследования как «периферическая». При этом отношение к патриотизму поделило городское сообщество на две возрастные группы. Первая возрастная группа от 30 лет и старше патриотизм не считает важной ценностью, однако, данная ценность в этой социальной группе положительно коррелирует со всеми остальными ценностями, предложенными для ранжирования. Это означает, что у городских властей имеется несколько каналов воздействия в зависимости от ценностных приоритетов данной части городского сообщества. Вторая возрастная группа до 30 лет дифференцируется относительно данной ценности более сложно. В ходе исследования был выявлен гендерный аспект, который показал, что данная ценность вносит дисбаланс в систему ценностных ориентаций женщин. У респондентов с неполным высшим образованием, анализ результатов исследования показал, что чем выше будет значимость ценностей карьеры и работы, тем ниже будет оцениваться ценность патриотизма. Учет этих особенностей системы ценностных ориентаций городского

сообщества будет являться, на наш взгляд, залогом большей эффективности городского управления.

3) Имеется необходимость работы по корректировке ценностных ориентаций муниципальных служащих. Так как в ходе анализа ценностных ориентаций социальных групп технической интеллигенции, пенсионеров и муниципальных служащих была выявлена важная проблема. Муниципальные служащие низко оценили степень важности ценностей, которые определяют успех в их работе. Это ценности трудолюбия, образованности, ответственности, смелости. На наш взгляд, низкая значимость в системе ценностных ориентаций данной социальной группы перечисленных ценностей значительно снижает эффективность реализации муниципальной реформы в г. Нижнекамске.

4) Следующей управленческой задачей, выявленной в ходе исследования, является низкая информированность городского сообщества о структуре власти и компетенции её различных ветвей, о выборах в местные органы власти и кандидатах. Результаты исследования демонстрируют, с одной стороны, факт полной отстраненности и отчужденности основной массы жителей г. Нижнекамска от процесса принятия и реализации управленческих решений, а с другой стороны, - весьма слабое стремление к привлечению населения к управлению со стороны руководителей. Таким образом, в г. Нижнекамске наблюдается ситуация, когда население доверяет и готово поддержать местные власти в решении насущных социально-экономических проблем. Однако отношение местных руководителей к демократическим ценностям недоверчиво. Меры для реализации возможности политического равенства и участия граждан в управлении практически не принимаются. Информированность граждан о принимаемых городскими властями мерах по решению социально-экономических проблем и стратегическом плане развития города низкая.

5) Характеристика городской среды обитания, данная через призму ценностного отношения, позволяет выделить приоритеты в принятии решений местными органами власти относительно её оптимизации. Так, наиболее сильную обеспокоенность вызывает проблема здоровья и связанная с этим экологическая ситуация в городе. Это указывает на

необходимость принятия эффективных управленческих решений именно в этом направлении во избежание роста социальной напряженности. Также анализ результатов исследования показал, что одной из главных жизненных ориентаций становится материально-обеспеченная жизнь и соответственно экономическая политика, и социально-экономическая характеристика города, а это - экономическое положение ведущих предприятий города, предпринимательский климат, развитость мелкого и среднего бизнеса, увеличение показателей среднемесячных зарплат, динамика сокращения безработицы.

Таким образом, необходимо:

1. выявлять и изучать системы ценностных ориентаций населения, выполняющих в определённых социальных условиях регулятивную и прогностическую функцию;

2. формировать новые подходы утверждения патриотического и гражданского сознания, соответствующих нынешним реалиям;

3. обращать внимание на ценностное воспитание и выстраивание системы идеалов и ценностей с целью возврата человека к родовым и культурным связям;

4. ориентировать молодежные средства массовой информации на решение задач по эстетическому, культурному, духовному воспитанию подрастающего поколения;

5. формировать управленческие кадры, владеющие технологиями управления, являющимися профессионалами с ясно осознаваемыми ценностями и идеалами;

6. наряду с улучшением экологической ситуации, повышением социально-экономического уровня жизни населения, совершенствованием системы здравоохранения, необходимо формировать ценностное отношение к городу.

Список литературы

1. Алексеева, В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В.Г. Алексеева // Психологический журнал, 1984. - Т.5. - №5.- С. 63-70.
2. Бобнева, М.И. На подступах к построению нормативно-ценностной типологии // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. – М. 1990. – С.36-43.

3. Водзинская, В.В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании / В.В. Водзинская // Науч. докл. высш. школы Философ. Науки. – М., 1968. - №2. - С.48-54.
4. Возжова, Н.П. Роль субъективного фактора в становлении и развитии местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Н.П. Возжова, И.В. Задорин - Режим доступа : http://locgov.mpsf.org/bible_attachments/html.
5. Гаврилюк, В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социологические исследования - 2002. - №1. - С.96-105;
6. Головатых, Р.Я. Ценностные ориентации и перестройка общественного сознания / Р.Я. Головатых // Философские науки. 1989. №6. С.85-89.
7. Горяинов, В.П. Опыт проведения вторичного исследования по классификации жизненных ценностей / В.П. Горяинов // Социология: 4М, 1997. - №9. – С.14-23.
8. Грошев, И.В. Экономические реформы России через призму русской ментальности / И.В. Грошев// Социально-гуманитарные знания - 2000. - №6. - С. 25-46;
9. Жуков, Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решений / Ю.М. Жуков // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. Отв. Ред. Е.В. Шорохова, М.Т. Бобнева. – М.: Наука, 1976. - С. 254-277.
10. Заборова, Е.Н. Участие граждан в управлении городов [Электронный ресурс] / Е.Н. Заборова – Режим доступа : <http://www.usts.ru/library/bulbec.html>.
11. Заборова, Е.Н. Философия городских реформ: система ценностей и образ жизни [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://www.usts.ru/library/bulbec.html>.
12. Здравомыслов, А.Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов // Социология в СССР. – М., 1965. - Т.2.
13. Зотова, О.И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения / О.И. Зотова, М.И. Бобнева // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. - С. 241-255.
14. Караханова, Т.М. Нравственная составляющая образа жизни горожан / Т.М. Караханова // Образ жизни горожан в объективных и субъективных показателях / Отв. ред. Т.М. Караханова. М., 2002. – С. 35,37.
15. Мазаев, Ю.Н. Ценностные ориентации массового сознания на рубеже XXI века / Ю.Н. Мазаев // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и

- социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. – М.: Альфа-М, 2003. – Т.1. – С.573-575.
16. Матулионис, А.В. Изменения ценностных ориентаций в сфере демократии у руководителей местного самоуправления / А.В. Матулионис, С. Микене, Р. Рауляскис // Социологические исследования. - 2004. - №5(241). - С.35-46;
17. Михалева, Е.А. Роль социума в процессе формирования ценностных установок личности / Е.А. Михалева // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. – М.: Альфа-М, 2003. – Т.1. – С. 580-581.
18. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н.Ф. Наумова. М.: Наука, 1988.
19. Семёнова, В.В. Качественные методы / В.В. Семёнова - М. Добросвет, 1998. – С.196.
20. Толстова, Ю.Н. Качественная и количественная стратегии: эмпирическое исследование как измерение в широком смысле / Ю.Н. Толстова, Е.В. Масленникова // Социологические исследования. – 2000. - №10. – С.101-109.
21. Хащенко, В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях форм собственности В.А. Хащенко // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Ред. Журавлев А.Л., Шорохова Е.В. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. - С.107-122.
22. Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Глава 5 ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Информационные взаимодействия в системе муниципального управления

Проблема информационного обеспечения управленческой деятельности многогранна, и в зависимости от того, какой аспект проблемы находится в центре внимания исследования, ученые оперируют различными понятиями. В целом работы, посвященные социологическому анализу проблемы информационного обеспечения управления, условно можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это исследования, касающиеся информационного обеспечения органов государственного управления. В частности, А.А. Горбунов рассматривает информацию как одно из условий повышения качества государственного управления, подчеркивая, что «информация должна отвечать целям управленческой структуры и средствам, которыми она намерена их добиваться» [3, с.17], вместе с тем, термин «информационное обеспечение» предполагает верховенство субъекта управления над объектом управления и помогает субъекту управления определять «реальные и точные цели управленческих воздействий» [3, с.17].

Второе направление исследований также оперирует термином «информационное обеспечение», но при этом касается роли информационного обеспечения в формировании позитивного имиджа органов власти. К примеру, А.В. Пименов [20] на основе анализа результатов теоретического и эмпирического исследования предлагает принципы и модель целенаправленного формирования позитивного образа государственного служащего средствами государственных PR регионального уровня. Анализ технологий построения имиджа местных органов власти в Республике Татарстан был осуществлен в диссертационной работе Н.В. Натаповой. В рамках данного исследования было отмечено, что СМИ создают положительный имидж глав администрации и местной власти, а объем отрицательного и негативного материала, который преподносят газеты, мал и несравним по тиражу [18, с.132]. Как

мы видим, и в данной группе работ термин «информационное обеспечение» рассматривается как инструмент воздействия (а не взаимодействия) на объект управления.

Возрастающая роль информации в современном обществе повышает актуальность проблем формирования информационного общества. Данному аспекту посвящена третья группа работ, изучающих распространение современных информационных технологий и влияние этого процесса на общество [8; 16], среди прочих изучается Интернет [7] как фактор формирования информационного общества, признается, что «Интернет выполняет функцию интеграции человечества через вытеснение непосредственного человеческого общения искусственными формами социальной коммуникации, приводящими к изменению повседневного социального взаимодействия индивидов и социальных групп, опосредованное общение которых осуществляется посредством сети Интернет» [23]. Информационное общество – это новый этап развития человеческой цивилизации, характеризующейся в первую очередь высокой скоростью коммуникационных процессов. Термином «информационное общество» можно охарактеризовать современные условия, в которых осуществляются процессы управления и протекают информационные потоки.

Функционирование органов управления в условиях формирующегося информационного общества накладывает свой отпечаток на их деятельность и диктует необходимость разработки новой информационной политики, информационного пространства. Проблемам формирования информационной политики посвящена четвертая группа работ, изучающих проблемы формирования информационного пространства [4; 6; 13], а также информационную политику как на уровне государственного управления [21; 24; 27; 31], так и на уровне регионального управления [17; 22; 25]. Для нас наибольший интерес представляют работы, касающиеся информационной политики муниципальных образований, под которой понимается «управленческий процесс, суть которого заключается в направлении имеющихся информационных потоков и ресурсов на реализацию реальных и декларируемых информационных позиций, как органов местного

самоуправления, так и иных общественных сил, действующих на территории муниципального образования, в рамках обозначенных им границ информационного пространства» [30]. Исключительно важно, что в центре внимания муниципальной информационной политики стоит информационное взаимодействие органов местного самоуправления и населения, вместе с тем информационная политика ассоциируется, прежде всего, со средствами массовой информации [12], и основное внимание в рамках термина «информационная политика» уделяется взаимодействию органов местного самоуправления со СМИ, население территории (объект управления) тем самым рассматривается как объект воздействия посредством СМИ.

Итак, можно сделать вывод, что понятия, которыми оперируют различные исследователи: информационная политика, информационное обеспечение, информатизация – отвечают требованиям одностороннего воздействия субъекта управления на объект управления, вместе с тем управление в современных условиях должно рассматриваться как взаимодействие субъекта и объекта управления. В связи с этим значительный интерес для нас представляет пятая группа работ, посвященных изучению проблемы информационного взаимодействия населения и органов власти. В частности, Ю.Л. Воробьев [1] обосновывает целесообразность и неизбежность закрепления в современной российской практике новых условий и форм социального взаимодействия. В управленческом аспекте это означает снятие сохраняющихся коммуникативных барьеров между структурами власти и обществом. Данным автором подтверждена перспективность и принципиальная важность создания коммуникации управленческого партнерства в рамках коммуникативного диалога общества и власти. Ю.Л. Воробьев основное внимание уделяет уровню государственного управления, тогда как на наш взгляд, налаживание коммуникативного диалога является более актуальным для муниципального уровня управления – уровня, непосредственно связанного с населением.

Проанализировав терминологию, которой оперируют исследователи проблем информации в современном обществе, приходим к выводу, что исследователи в основном изучают воздействия субъекта управления на объект. Однако

эффективное управление, в том числе и на муниципальном уровне, немисливо без равностороннего информационного взаимодействия субъекта и объекта управления. Для подтверждения этого тезиса обратимся к социологическим теориям коммуникации и, прежде всего, к системной модели коммуникации Н. Лумана.

Н. Луман писал, что каждая коммуникация, происходящая в мире, принадлежит обществу, и общество *определяется* именно через коммуникацию: *вне* коммуникации общества не существует. Подтверждением родовых свойств коммуникации для общества служит заимствование Луманом у известного нейробиолога Хумберто Матураны термина «аутопойезис» («самовоспроизводство») для описания социальных систем. Содержательно аутопойезис означает, что система способна производить и воспроизводить все свои части из себя самой. Поэтому Н. Луман предлагает рассматривать коммуникацию в качестве элементарной операции, отвечающей за воспроизводство общества.

Луман обосновывал, в частности, что социальная система и среда различаются соответственно как «внутренняя» и «внешняя» стороны коммуникации [14, с.29]. Коммуникация предстает у него не как послушный объект управленческих воздействий, а как активная самоорганизующаяся среда. Последнее положение получает новое звучание, если применить его к муниципальному управлению, поскольку на этом уровне управления в большей степени должна реализовываться самоорганизация населения. Таким образом, исходя из положений теории Н. Лумана и принципов системного подхода, самоорганизация невозможна без информационного взаимодействия.

Простейшие интеракции формируются через взаимное согласование действий и переживаний присутствующих участников общения. Общество же охватывает все действия, достижимые для соотнесения друг с другом в коммуникации. Само действие понимается как подлинный элемент социальной системы; оно производится и воспроизводится в ней в соотнесении с иными действиями-событиями. Такое рассмотрение природы коммуникации выводит ее на новый уровень и придает ей социетальную роль [32, с.56].

Одна из основных особенностей интерпретации коммуникации Н. Луманом – это рассмотрение процесса коммуникации как избирательного процесса. При описании процесса коммуникации Н. Луман использует понятия «Alter» и «Ego», и этими понятиями он оперирует при объяснении, почему процесс отбора нужно рассматривать не как двухзвенный, а как трехзвенный: «Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса, потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание» [15, с.196]. В этом смысле информация понимается Н. Луманом как отбор из репертуара возможностей (известного и неизвестного). «Без данной избирательности информации не шел бы какой-либо коммуникативный процесс (сколь бы малой ни была новизна обмена сообщениями притом, что коммуникация ведется лишь ради нее самой, ради голого заполнения пустот общего бытия). Кроме того, кто-то должен выбирать поведение, которым сообщается эта информация. Это может происходить либо преднамеренно, либо непреднамеренно. Решающее значение имеет возможность опоры третьего отбора на различие информации и ее сообщения. Так как это имеет решающее значение, а информация может быть понята лишь отсюда, мы (несколько неестественно) обозначаем адресата "Ego", а сообщающих – "Alter"» [15, с.197].

Характеризуя понятие коммуникации, Н. Луман подчеркивает важность осуществления выбора участниками коммуникации. «Метафора переноса смещает суть коммуникации в акт переноса, в сообщение. Она направляет внимание к сообщающему и требует его умений. Однако сообщение есть не что иное, как предложение сделать выбор, есть побуждение. Лишь благодаря тому, что это побуждение подхватывается, возникает возбуждение, происходит коммуникация» [15, с.195]. Коммуникация понимается Н. Луманом как «трехзвенный процесс отбора. Всякий раз речь идет не только об отправлении и получении при избирательном внимании; в гораздо большей степени избирательность информации сама есть момент коммуникативного процесса,

потому что лишь с ее учетом можно активизировать избирательное внимание» [15, с.195].

Кроме того, коммуникация рассматривается Н. Луманом как «самостоятельный, автономный, самореферентно закрытый процесс осуществления актов отбора» и как «процесс непрерывного изменения формы смысловых материалов, преобразования свободы в свободу в меняющейся обусловленности» [15, с.207].

Традиционное понимание коммуникации редуцирует это понятие к восприятию какой-либо информации. Вслед за Н. Луманом мы можем утверждать, что коммуникация в общем случае – это не передача информации. Коммуникация – это механизм настройки, согласованности, соединяющий, создающий общность, согласованность между теми, кто общается. С этой точки зрения, понимание как результат коммуникации или, говоря шире, знание – есть адекватность – устойчивая и воспроизводимая согласованность познающего и познаваемого как в разовых коммуникативных операциях, так и в кооперативных коммуникативных взаимодействиях. Тот, кто высказывает суждение, уже ожидает, что его поймут, то есть, будут вести себя адекватно – согласятся или не согласятся, вступят в согласованность, в коммуникацию [28].

Коммуникация – единственная общественная структурообразующая единица, согласно Н. Луману, обладает и внутренней структурой, а именно, конституирована тремя элементами: сообщением, информацией и пониманием. Впрочем, эти элементы не следует рассматривать как самостоятельные данности, существующие сами по себе (вне, до или после коммуникации) [19]. Правильнее было бы сказать, что только при наличии этих элементов возможна коммуникация.

Согласно Н. Луману, субъекты и их действия не являются частью коммуникативных систем, но рассматриваются им как структурно состыкованные, так как коммуникации могут проявляться только в действиях [2].

Итак, механизм коммуникации по Н. Луману можно описать следующим образом:

1. осуществляется различение информации и сообщения, возникает понимание как осознание этого различения;
2. понимание превращается в мотив к действию;

3. если действие не совершается (мотив не значим), данная коммуникация дезинтегрируется (социальное отношение не состоялось);

4. если действие совершается, социальное отношение состоялось. Произведенный отправителем знак начинает сам себя наблюдать [10].

Таким образом, в структуре коммуникации обязательно наличие отправителя, получателя информации, сообщения и реакции получателя на сообщение. Ведь суть коммуникации сводится к следующему: «общение, передача информации от человека к человеку; тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен» [29]. Однако не всегда переданное отправителем сообщение вызывает ответную реакцию получателя, в этом случае, по Луману, коммуникация не состоялась. Но и при рождении мотива, и при его отсутствии между отправителем и получателем фигурирует некий объем информации. Обозначим это понятие термином «информационный поток».

Под информационным потоком в работе понимается направленная информация, предполагающая установление взаимодействия между отправителем и получателем. Исходя из этого, *коммуникация* рассматривается как совокупность двух информационных потоков – прямого и обратного. Прямой поток информации направлен от отправителя к получателю, а обратный информационный поток – это ответная реакция на полученное сообщение в виде мотива к действию. Таким образом, если нет реакции на сообщение, выданное отправителем, то имеет место не коммуникация, а только лишь информационный поток.

Так как нас интересуют особенности информационных взаимодействий осуществляющихся на муниципальном уровне, то рассмотрим, что собой представляет муниципальное управление.

Муниципальное управление – это целенаправленное воздействие, согласующее и мобилизующее деятельность населения местного сообщества, органов государственной власти, муниципального менеджмента в целях устойчивого развития территории и создания благоприятных условий жизнедеятельности [9, с.557]. Муниципальное управление – это

особого рода социальная деятельность по целенаправленному использованию на основе закона и иных правовых актов публичной власти особой группой людей (органов, должностных лиц), осуществляемая на профессиональных началах. Исходя из представленных определений, можно сказать, что *муниципальное управление* – это составная часть [местного самоуправления](#), связанная с упорядочивающим воздействием органов местного самоуправления на [муниципальное образование](#) и взаимодействием с его субъектами с целью повышения уровня и качества жизни населения муниципалитета.

Выделение в муниципальном управлении элементов и подсистем, а также взаимосвязей между ними позволяет нам говорить о системе муниципального управления. Муниципальное управление обладает всеми признаками и свойствами системы [33] – отдельные подсистемы муниципального управления функционируют совместно, составляя в совокупности процесс функционирования системы; каждый элемент муниципального управления может рассматриваться только в его связи с другими его элементами, но в свою очередь функционирование системы муниципального управления не может быть сведено к функционированию отдельных его элементов; совместное функционирование разнородных взаимосвязанных элементов муниципального образования порождает новое его функциональное свойство; кроме того муниципальное управление можно выделить из более общих систем – государство, субъект федерации. Особенности системы муниципального управления заключаются в том, что она:

1. *вероятностная и трудно прогнозируемая*, в каждый момент времени ее состояние можно предсказать лишь с определенной долей вероятности, управленческие решения принимаются при нечетких условиях, что необходимо учитывать при планировании и разработке сценариев развития муниципального образования;

2. *динамическая*, изменяющаяся во времени;

3. *большая*, включающая разнородные элементы и подсистемы, имеющие собственное целевое назначение с элементами самоорганизации;

4. *открытая*, с активной связью и взаимовлиянием субъекта управления (местной администрации) с объектом, то есть различными подсистемами, и внешней средой.

Системная методология исследования позволяет нам в последующем изложении руководствоваться ещё одной принципиальной особенностью системы муниципального управления, а именно информационностью происходящих в ней процессов.

При реализации муниципальное управление может опираться на три составляющие: практический опыт, житейский опыт и научную основу. Источником практического опыта выступают органы местного самоуправления и хозяйствующие субъекты территории, источником житейского опыта – население муниципалитета, научную основу составляет научный потенциал территории и, прежде всего, образовательные учреждения, ведущие помимо образовательной еще и научную деятельность.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что процесс муниципального управления питают три информационных потока – практический, научный и общественный. Данную триаду можно дополнить четвертым – медийным информационным потоком. Это особый тип информационного потока, так как источником его являются средства массовой информации. При этом в зависимости от целей и состава групп, чьи интересы представляют СМИ, медийный информационный поток может рассматриваться или как составная часть других информационных потоков (практического, научного и общественного), или как самостоятельный информационный поток.

Говоря о «научном» информационном потоке в муниципальном управлении, особо подчеркнем роль социологии. Миссию социологии в этом процессе реализуется через:

1. постоянное напоминание, внедрение в стратегию управления идеи антропологического, человеко-ориентированного подхода в противовес экономико-технического и технологического подходов;

2. предоставление объективной, научной информации о современном состоянии городского социума, его проблемах и

интересах посредством использования всего спектра социологического инструментария. Такую информацию социология может представлять по всем направлениям жизнедеятельности населения, поскольку в любой сфере присутствует человек, групповой социальный субъект, чьи интересы и потребности, деятельность и энергия должны учитываться в управленческом процессе;

3. выработка и доведение до субъекта управления социальных приоритетов, отражающих современные тенденции развития муниципальной среды. Современные тенденции должны «улавливаться» социологами и предлагаться к рассмотрению с точки зрения их важности;

4. предложение методологии мониторинга реализации управленческих решений, критериев оценки их социальной эффективности [5].

Постоянная вовлеченность в процесс разработки и принятия управленческих решений повышает социальную ответственность социологов, отношения между социологией и властью становятся системными, решения власти – научно обоснованными. Всё это в целом обеспечивает реализацию принципа социального партнерства и улучшает качество осуществляемых коммуникаций.

Самым невостребованным информационным потоком при разработке направлений муниципальной политики остается «общественный», источником которого выступают население и общественные организации. Вместе с тем, поток «общественной» информации несколько не уступает по значимости ни «научной», ни «практической», так как основная цель муниципального управления заключается в удовлетворении потребностей населения.

Обобщая можно сказать, что информационные потоки играют ключевую роль в реализации принципов муниципального управления, как на стадии выработки целей, так и на стадии их достижения. Без информации, которую несут в себе информационные потоки, не представляется возможным выработать оптимальное управленческое решение, а, следовательно, осуществить требуемое действие, направленное на достижение конечной цели управления [11]. Применительно к муниципальному управлению можно перефразировать – без

рациональной организации информационных потоков в муниципальном управлении невозможно корректно сформулировать цели социально-экономического развития (соответствующие интересам и потребностям населения муниципального образования), выработать конкретные мероприятия по их достижению и соответственно достичь этих целей, иными словами отсутствие информационной поддержки муниципального управления ставит под сомнение возможность его реализации.

Таким образом, можно утверждать, что система муниципального управления представляет собой систему, объединяющую на основе равностороннего информационного взаимодействия субъект управления (органы местного самоуправления) и объект управления (прежде всего, население муниципального образования), и направленную на выработку согласованных целей муниципального развития. Система муниципального управления, как и любая другая управленческая система, представляет собой разновидность информационной системы, перерабатывающей информацию. При этом выделяются следующие виды информации: а) о воздействии среды на управляемую подсистему; б) о воздействии управляющей подсистемы на среду; в) управляющая информация субъекта на объект; г) о состояниях управляющей подсистемы; д) о воздействии на управляемую систему. В системе управления реализуются такие этапы информационного процесса: получение информации, ее переработка и передача [26, с.228].

Процесс муниципального управления сопровождается целая серия информационных потоков:

1. информация о проблемах, потребностях, заданиях и т.п. поступает в орган местного самоуправления от населения, научной общественности, организаций и учреждений и из вышестоящих органов власти;

2. поступившая информация объединяется с внутренними потоками информации органов местного самоуправления и становится основой для формулировки целей муниципального развития;

3. цели муниципального развития отражаются в муниципальных целевых программах и стратегическом плане,

информация о которых доводится до населения и организаций (информирование общественности является условием участие в достижении целей), далее следуют действия по достижению цели;

4. информация о результатах доводится до органа местного самоуправления, населения, научной общественности, организаций и цикл целевого управления начинается заново.

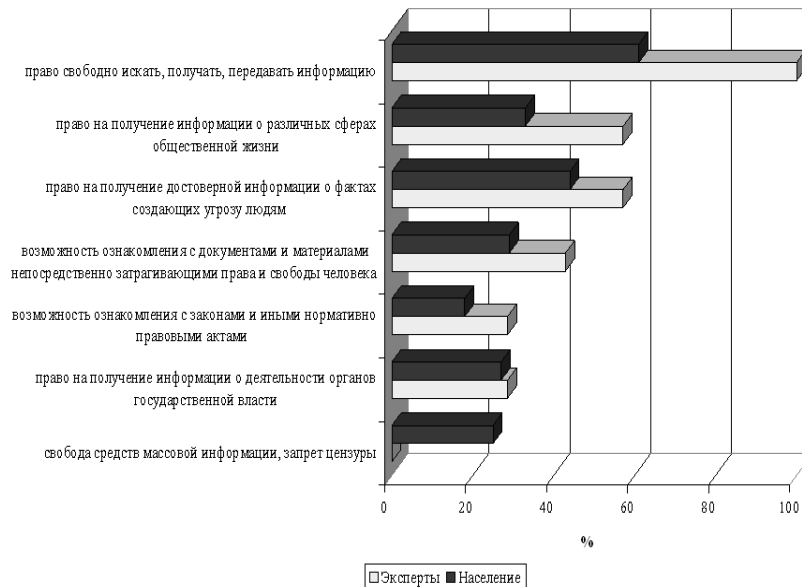
Информационный поток «власть – население», значение и роль которого в реализации муниципального управления нередко недооценивается, в предложенной модели является ключевым, так как без него муниципальное управление теряет свой смысл.

Так как понимание намерений власти и их поддержка населением — главное условие эффективной реализации муниципальной политики, то при анализе роли информационных потоков в муниципальном управлении основное внимание будет уделено именно «общественному» информационному потоку. При этом коммуникации между органами местного самоуправления и населения муниципального образования будут рассматриваться как в направлении власть — население, так и в направлении «население — власть» («общественный» информационный поток).

Исследование проблем удовлетворения информационных потребностей населения г. Нижнекамска

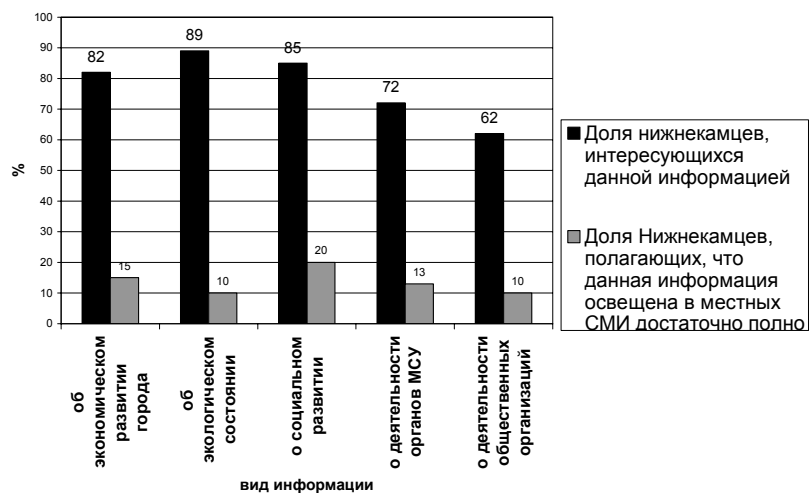
Права граждан на получение информации, обязанности государства по обеспечению этих прав закреплены в Конституции РФ. Для обеспечения информационных прав граждан органы государственной власти, согласно Конституции РФ, обязаны: публиковать законы и иные нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека. Обязанности по информированию конкретизируются в ряде законов: «О чрезвычайном положении», «О безопасности», «О занятости населения» и других.

Рисунок 5.1- Содержание права на информацию

Определимся, что же вкладывают в понятие «право на информацию» жители г. Нижнекамска. По их мнению, право на информацию представляет собой, в первую очередь, право свободно искать, получать, передавать информацию (61%) и право на получение достоверной информации о фактах, создающих угрозу людям (44%), кроме того, весьма актуальным для горожан является право на получение информации о различных сферах общественной жизни (33%) и возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека (29%). Отметим, что понимание содержания права на информацию населением города Нижнекамска и опрошенными экспертами в основном совпадает (рисунок 5.1).

Рисунок 5.2 - Степень освещения местными средствами массовой информации интересующих горожан тем

Перейдем непосредственно к исследованию информационных потребностей жителей города Нижнекамска. Опрос показал, что нижекамцы в основном интересуются информацией об экономическом развитии города, об экологическом состоянии, о социальном развитии, о деятельности органов местного самоуправления, и в меньшей степени о деятельности общественных организаций. При этом респонденты полагают, что интересующая их информация местными средствами массовой информации либо представлена частично, либо вообще не представлена (рисунок 5.2).

Можно сделать предварительный вывод о том, что население города Нижнекамска недовольно тем, как удовлетворяются их информационные потребности. О чем может свидетельствовать пример.

Рисунок 5.3 - Информированность горожан о деятельности местных органов власти (в баллах по 5-балльной шкале)

Рассмотрим, как горожане оценивают свою информированность о деятельности местных органов власти. Как видно из рисунка 3, нижекамцы в большей степени заинтересованы в информации о деятельности главы Нижнекамского муниципального района (3,2 балла по 5-балльной шкале), на втором месте среди актуальных информационных потребностей находится информация о деятельности Исполнительного комитета Нижнекамского муниципального района (2,9 балла) и на третьем месте – информация о деятельности депутатов Совета Нижнекамского муниципального района (2,6 балла).

Горожане имеют достаточно низкую удовлетворенность сообщениями о деятельности местных органов власти. Степень информированности нижекамцев о деятельности органов местного самоуправления в 1,5-2 раза ниже потребности в данной информации.

Органы местного самоуправления обязаны предоставлять информацию не только о своей деятельности, но и о жизнедеятельности муниципального образования в целом. Рассмотрим структуру информационных потребностей нижекамцев (рисунок 5.4).

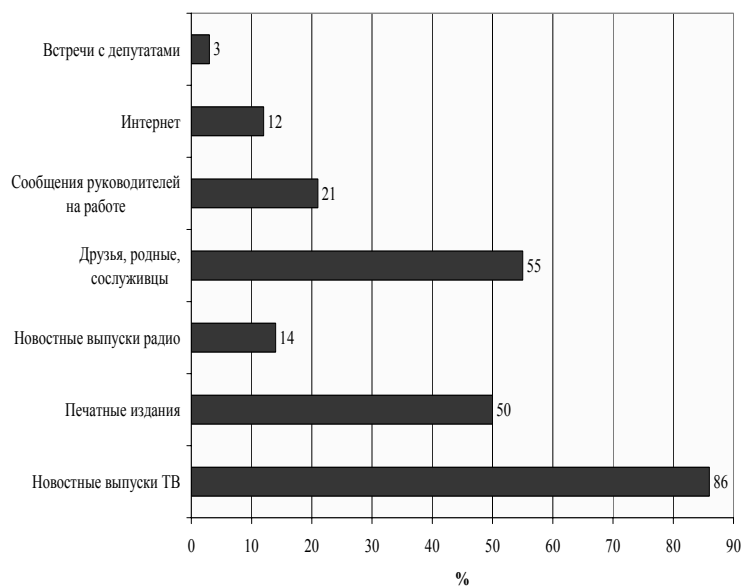
Как видно, у респондентов достаточно широкий спектр интересов о различных сферах жизнедеятельности города.

Рисунок 5.4 - Структура информационных потребностей нижекамцев о жизнедеятельности города

На рисунке 5.5 видно, из каких источников горожане привыкли получать информацию.

Поскольку значительная доля горожан получает информацию из местных средств массовой информации (телевидение и печатные издания), то для того чтобы определить степень удовлетворенности информационных потребностей нижекамцев, проведен контент-анализ местных средств массовой информации.

Рисунок 5.5 - Каналы, по которым нижекамцы получают информацию о процессах, протекающих в городе

Количество публикаций по исследуемым проблемам городского развития представлено в таблице 5.1.

Как видим, наибольший интерес у прессы вызывают проблемы организации физкультуры и спорта, общественной и личной безопасности, работы правоохранительных органов. Причем корреляционный анализ показывает, что рейтинг тем публикаций, касающихся г. Нижнекамска, аналогичен рейтингу тем публикаций про любой другой город России (коэффициент корреляции 0,74, что свидетельствует о высокой взаимосвязи). Названная проблемы не совпадают с теми, которые обозначили в качестве значимых нижекамцы.

Таблица 5.1 – Публикации по проблемам городского развития в местных, республиканских и федеральных СМИ (за период 2004-2009 годы)

Наименование проблемы	Количество публикаций				
	Города России	г. Нижнекамск			
		Всего	Нижнекамские издания	Республиканские издания	Российские издания
Загрязнение окружающей среды	1069	170	125	32	13
Обеспеченность жильем	264	57	50	5	2
Состояние дорог	674	32	25	7	0
Социальная помощь пенсионерам, инвалидам	448	119	107	12	0
Медицинское обслуживание	1688	118	92	22	4
Работа жилищно-коммунальной сферы	2013	167	152	11	4
Работа правоохранительных органов	3660	271	270	1	0
Труд и все, что с ним связано	2374	112	85	22	5
Работа с молодежью	1392	118	110	7	1
Функционирование системы образования	850	114	106	7	1
Общественная и личная безопасность	5043	387	261	97	29
Состояние межличностных отношений	527	71	69	2	0
Развитие предпринимательства	2269	28	12	12	4
Профессионализм, компетентность и доступность местной власти	67	41	35	5	1
Организация досуга и отдыха	2653	186	134	43	9
Работа транспорта	2054	52	36	13	3
Благоустройство и озеленение	3454	116	63	45	8
Организация физкультуры и спорта	3937	567	368	169	30
Организация торговли и общественного питания	3237	151	52	67	32
Межнациональные отношения	1273	31	22	3	6

По результатам опроса населения проблемы общественной и личной безопасности занимают 7-е место, работа правоохранительных органов – 10-е место, а проблемы организации физкультуры и спорта – 14-е место.

Более подробный анализ приоритетности проблем проведем по публикациям в местных печатных СМИ, поскольку, как показывает опрос, это один из самых популярных источников получения информации о жизнедеятельности города. Выяснилось, что статьи, описывающие работу правоохранительных органов, а также проблемы общественной и личной безопасности, в основной своей массе содержат информацию о происшествиях и преступлениях, которые случаются в городе (пожары, ДТП, преступления, правонарушения и т.п.). Количество же статей, касающихся непосредственно организации работы правоохранительных органов, составляет всего 46 публикаций из 270 (17%). Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и по теме общественной и личной безопасности – 96 публикаций из 261 (36%). Публикации по теме «физкультура и спорт» в основном содержат информацию об итогах и достижениях спортсменов и спортивных коллективов города. Статей, касающихся организации системы физкультуры и спорта в городе - 61 из 368 (16%).

Вышеуказанные замечания позволяют выделить тематические лидеры, которые находятся в фокусе внимания газет «Нижекамское Время» и «Нижекамская Правда», к ним следует отнести:

- 1 место – работа жилищно-коммунальной сферы и организация досуга и отдыха населения;
- 2 место – загрязнение окружающей среды;
- 3 место – социальная помощь и работа с молодежью.

Следует отметить, что существенных различий в тематике публикаций между газетами «Нижекамское Время» и «Нижекамская Правда» нет.

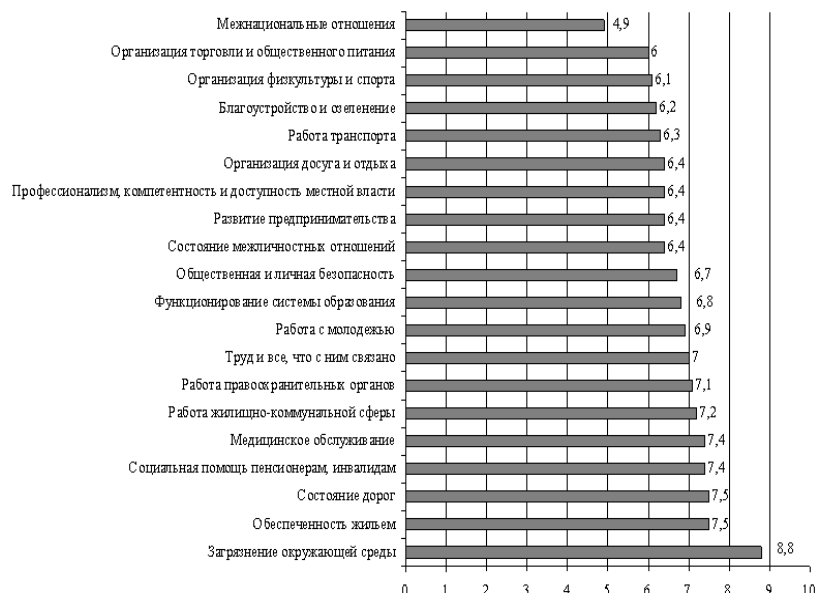

Рисунок 5.6 - Рейтинг информационных потребностей нижекамцев о жизнедеятельности города

Для изучения степени удовлетворения информационных потребностей населения, необходимо сравнить структуру информации, предоставляемую СМИ, со структурой информационных потребностей. Эта задача решалась в рамках социологического опроса 2007 года⁸, который позволил выявить существенные различия между информационными потребностями населения г.Нижнекамска и структурой новостных выпусков местного телеканала.

Население г.Нижнекамска в большей степени заинтересовано в информации о состоянии экологической обстановки в городе, о ходе реализации жилищной политики, об уровне развития инфраструктуры, реализации социальной

⁸ Анкетный опрос проводился в ноябре 2007 года кафедрой Государственного управления и социологии Нижнекамского химико-технологического института под руководством заведующей кафедрой д.с.н., проф. Губиной Н.В. Выборочная совокупность исследования составила 500 репрезентативных единиц.

политики и работе жилищно-коммунальных служб (рисунок 5.6).

Полученные данные подтверждают вывод о том, что для изучения влияния информационных потоков на эффективность муниципального управления необходимо изучать информационные потоки, циркулирующие между органами муниципального управления и населением, поскольку без этого невозможно достижение главной цели муниципального управления - повышения уровня и качества жизни населения.

Список литературы

1. Воробьев, Ю.Л. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти как управленческий процесс : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. социолог. наук / Ю.Л. Воробьев. – М., 2008. – 36 с.
2. Гладкова, Е.П. Роль коммуникации в конструировании событийной линии социальной реальности / Е.П. Гладкова // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс] — М. : Издательство МГУ; СП МЫСЛЬ, 2008. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
3. Горбунов, А.А. Информационное обеспечение как условие повышения эффективности деятельности органов государственного управления: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социолог. наук / А. А. Горбунов. – Волгоград, 2005. – 26 с.
4. Дзялошинский, И.М. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции / И. М. Дзялошинский. – М. : Московский центр Карнеги, 2001. – 30 с.
5. Заборова, Е.Н. Социологический анализ теоретико-технологических основ разработки стратегического плана города (на примере г. Екатеринбург) [Электронный ресурс] / Е.Н. Заборова // Материалы межотраслевого семинара «Социальное обоснование стратегий развития: территориальных схем, генеральных планов, концепций социально-экономического развития, стратегий городов» 29 мая 2009 года. – Режим доступа : http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Mezhotraslevoy_seminar_Zaborgova.pdf, свободный.
6. Закупень, Т.В. Правовые и организационные аспекты формирования информационного пространства государств-участников СНГ / Т. В. Закупень. – М. : Молодая гвардия, 1998. – 238 с.
7. Засурский, Я. Н. Информационное общество, Интернет и новые средства массовой информации / Я. Н. Засурский. – М., 2001. – 234 с.

8. Зотов, В.В. Информационно-коммуникативные основы институциональных изменений современного российского общества : автореф. дис. ... докт. социолог. наук / В. В. Зотов. – М., 2009. – 48 с.
9. Иванов, В.Н. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / под ред. Иванова В. Н., Патрушева В.И.; Академия наук социальных технологий и местного самоуправления. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Муниципальный мир, 2004. – 672 с.
10. Катеков, М.И. Проблема методологии социального познания в творчестве Никласа Лумана [Электронный ресурс] / М.И. Катеков. – Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/k/kategow_m_i/luhmann.shtml, свободный.
11. Киселев, А.Г. Управленческая информация в системе государственного регионального управления: Социологический аспект : дис. ... д-ра социол. наук / А. Г. Киселев. – М. : РГБ, 2005. – 432 с.
12. Комиссаров, С.С. Государственная информационная политика в условиях реформирования российского общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1998. – 21 с.
13. Концептуальные подходы к формированию регионального информационного пространства / Реферативно-аналитический обзор. Исследовательская группа «Циркон». – М., 2001. – 29 с.
14. Луман, Н. Почему необходима «системная теория»? / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии / под. ред. А. О. Бороноева. – СПб., 1994. – С. 25–42.
15. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 644 с.
16. Мелюхин, И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И. С. Мелюхин. - М. : Изд-во МГУ, 1999. – 208 с.
17. Мирзанурова, А.Ф. Технологии формирования единого информационного пространства в регионе Российской Федерации (на примере Республики Татарстан) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. ... канд. социол. наук / А. Ф. Мирзанурова. – Казань, 2007. – 22 с.
18. Натапова, Н. В. Конструирование имиджа Главы местной администрации татарстанскими СМИ (по результатам контент-анализа) / Н.В. Натапова // Социальное управление и регулирование в трансформирующемся обществе : сб. науч. статей и сообщений / Казан. гос. технол. ун-т. – Казань : КГТУ, 2003. – С. 129–133.
19. Никлас Луман – теория систем как методология конструктивизма [Электронный ресурс] // Альманах «Восток». – 2005. – № 100. – Режим доступа : http://www.situation.ru/app/j_art_1061.htm, свободный.
20. Пименов, А.В. Формирование позитивного образа государственного служащего как фактора повышения эффективности государственного управления в субъекте Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. социолог. наук / А.В. Пименов. – Н. Новгород, 2004. – 26 с.

21. Попов, В. Д. Информационная политика / В. Д. Попов. – М., 2003. – 305 с.
22. Прохоров Е.П. Региональная пресса в информационном пространстве России [Электронный ресурс] / Е.П. Прохоров. – Режим доступа : <http://www.inguk.ru/RegionProch.htm>, свободный
23. Путилова, Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социолог. наук / Е.А. Путилова. – Тюмень, 2004. – 27 с.
24. Райков А.Н. Единое Единство правового и информационного пространства / А.Н. Райко // НТИ. Серия 1, Организация и методика информационной работы. – М., 1997. – № 7. – С. 1–8.
25. Средства Массовой информации в региональном информационном пространстве : монография / под ред. А.В. Стожарова. – Салехард : Чароид, 2001. – 156 с.
26. Сурмин, С.П. Теория систем и системный анализ / Ю. П. Сурмин. – Киев : МАУП, 2003. – 368 с.
27. Тавокин, Е.П. Системные основы государственной информационной политики / Е.П. Тавокин // Массовые информационные процесс в современной России / отв. ред. А.В. Шевченко. – М., 2002. – С.31–42.
28. Тарасенко, В. «Что такое организация?» – подходы Никласа Лумана и аутопойезиса [[Электронный ресурс](http://fspi.narod.ru/b1.html)] / В. Тарасенко. – Режим доступа : <http://fspi.narod.ru/b1.html>, свободный.
29. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер ; пер. с англ. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003 – 669 с.
30. Хайруллина, Л.И. Формирование информационной политики муниципальных образований (на материале Республики Татарстан) : автореф. дисс. ... канд. социолог. наук / Л.И. Хайруллина. – Казань, 2006. – 23 с
31. Хлыстунов, С.Ю. Средства массовой информации российского общества в условиях идеологической глобализации: социологический подход : автореф. дисс. ... док. социолог. наук / С.Ю. Хлыстунов. – Саратов, 2007. – 43 с.
32. Шарков, Ф. И. Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации / Ф.И. Шарков // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 52–61.
33. Шмельков, А.В. Социальный механизм экономического развития города: опыт социологического анализа : автореф. дис. ... канд. социолог. наук / А.В. Шмельков. – Волгоград, 2005. – 24 с.

Глава 6 ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МОНОПРОФИЛЬНОМ ГОРОДЕ: РЕТРОСПЕКТИВА

Теоретические аспекты изучения общественного мнения

Социологи сходятся на том, что *общественное мнение* – это исторически обусловленное и изменяющееся состояние общественного сознания групп людей, выражаемое публично по проблемам, важным для общества или его элементов

Субъектом общественного мнения выступают большие группы людей, объединенные каким-либо общим признаком. Например, проживание в данной стране, городе или занятие одним видом деятельности.

Общественное мнение имеет *сложную структуру*, которая включает когнитивный элемент – знания; эмоциональный элемент – чувства, эмоции, настроения; аксеологический элемент – оценки и поведенческий – готовность действовать определенным образом [2, с.574].

В аспекте деятельностного подхода общественное мнение можно интерпретировать как совместную заинтересованно-ценностную и практическую деятельность общественных субъектов, а в основе формирования мнения всегда присутствует социальный интерес [1, с.28].

Выступая в двух ипостасях – как элемент социальной ситуации и как составной элемент политической системы – общественное мнение выполняет важную функцию стабилизации социума. С одной стороны, оно является той питательной средой, через которую и в которой существует и реализуется политико-экономическая деятельность институтов власти и управления. Данный аспект включения общественного мнения в социально-политическую сферу можно назвать внешним. Через определенные каналы взаимодействия со структурными элементами политической системы общественное мнение способствует или, наоборот, препятствует функционированию властных институтов, одобряя или осуждая принятые властными структурами решения, претворяя их в жизнь или активно противодействуя им.

Именно эта форма взаимодействия с институтами политической системы, своеобразный обмен деятельностью и придает общественному мнению качество социального института.

С другой стороны, через процедуру объективации общественное мнение зачастую само способно выступать в качестве элемента политической системы. Обособившись от своего носителя, оно способно переходить в сферу отношений власти и управления. Социальная практика выработала достаточно много форм указанного обособления. Среди них выборы в представительные органы власти, референдумы, запросы, петиции, законопроекты, поправки к правовым актам, результаты опросов общественного мнения, массовые одобрения или осуждения, оторванные средствами массовой коммуникации от их носителей и начавшие самостоятельно функционировать в виде оценок, норм и стереотипов [1, с.33-34].

Выступая в качестве полноправного субъекта политического и социально-экономического процессов, реализуя свои социологические функции (социорегуляция, адаптация, культурное наследование), общественное мнение оказывает практическое воздействие на развитие социума. К числу подобных результатов воздействия можно отнести: возникновение и исчезновение с политической арены партий и движений; рост или падение популярности политических лидеров; изменение политического и экономического курсов развития; смена направлений и целей, в целом стратегии развития государства или его институтов; изменение государственно-правового статуса территории и т.п. [1, с.37].

В данной книге рассмотрено общественное мнение по поводу межнациональных отношений на конкретной территории. Высокая практическая значимость общественного мнения для жизнедеятельности социума приводит к тому, что общественным мнением постоянно манипулируют различные политические субъекты. Желая добиться своих целей, они выдают свои узкокорпоративные и социальные интересы за интересы широких масс населения, используя для этого «казачные» опросы общественного мнения. Манипуляция общественным мнением способна резко снизить либо резко повысить социальную напряженность до негативного уровня.

Поэтому необходимо проведение независимых мониторинговых исследований общественного мнения.

В следующем параграфе будут представлены результаты исследований, проведенных в 90-х годах в г. Нижнекамске. Опросы проводились по самым разнообразным проблемам, которые, с одной стороны волновали горожан, а с другой – вызывали затруднения при принятии управленческих решений у представителей республиканской и местной исполнительной власти, а также у депутатского корпуса.

Межнациональные отношения как показатель социальной напряженности

Социум порой со значительным опозданием реагирует на изменение социально-экономической и политической ситуации (в этом находит свое проявление такое свойство общественного сознания, как его инерционность). Реакции людей на внешние раздражители находятся под воздействием сложного комплекса факторов, что не позволяет исследователям точно определить, когда высокая социальная напряженность разразится конкретными массовыми действиями, но уровень самой напряженности в таких ситуациях зафиксировать можно.

Экономические реформы, преломляясь в сознании населения, формировали у него определенные установки и настроения. Процесс этот очень мучительный и болезненный, он может приводить то к периодическим резким спадам, то к резким обострениям социальной напряженности.

Особой болевой точкой социальной напряженности для России стали межнациональные отношения. Татарстан – многонациональная республика, но по сравнению с другими регионами Российской Федерации в ней сохранились достаточно гармоничные межнациональные отношения. Это связано и с продуманной и взвешенной национальной политикой руководства Татарстана, и с состоянием общественного мнения многонациональной республики, не желающего воспринимать агрессивные установки экстремистски настроенных национальных групп.

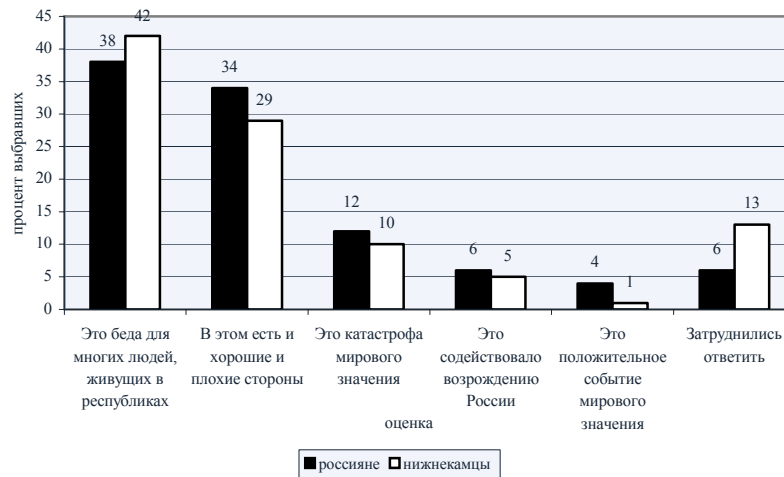

Рисунок 6.1 - Оценка респондентами распада СССР, %

Толчком к негативному усилению национальной напряженности послужил развал Советского Союза. На рисунке 6.1 представлены мнения респондентов о распаде СССР по результатам исследования в г. Нижнекамске в феврале 1997 года и по результатам исследования, проведенного в России [3, с.231].

При изучении оценок, данных этому событию различными национальными группами респондентов, было выяснено, что наиболее пессимистичная оценка оказалась у лиц *других* (после татар и русских) *национальностей*: 47% из них назвали это событие бедой для многих людей, живущих в республиках, 26% – катастрофой мирового масштаба, и только 11% увидели в нем и плохие, и хорошие стороны. У *русских* эти ответы распределились так: 46%, 10% и 27%, а у *татар* – 39%, 8% и 32% соответственно. Таким образом, интегральная негативная оценка, данная респондентами-татарами, равна 47, русскими – 56 и другими национальностями – 73. По российским исследованиям, 33,9% респондентов отметили, что «вместе с крахом СССР в них было разрушено все, во что они когда-то верили». Это ощущение характерно в основном для старшего

поколения и, по-видимому, не потеряет актуальность ещё в течение долгого времени.

Еще одним источником роста межнациональной напряженности для Татарстана стала Чечня. Трагедия чеченского народа близко к сердцу была воспринята и в г. Нижнекамске. Об этом свидетельствуют представленные в таблице 6.1 ответы на вопрос: «*Что вы думаете о выходе Чечни из состава Российской Федерации?*».

Таблица 6.1 - Отношение респондентов к выходу Чечни из состава РФ (февраль 1997 г.), %

Варианты ответов	Татары	Русские	Другие
Чечня – субъект РФ, о выходе не может быть и речи	9	17	26
Вопрос должен решаться по законам РФ с учетом мнения всех сторон	33	45	26
Вопрос должны решать народ и руководство Чечни	41	23	37
Затрудняюсь ответить	17	15	11

По заключению информационно-аналитической службы Кабинета Министров РТ, ситуация с демократизацией в субъектах федерации во многом определялась процессами, происходящими в Центре. Если нет продвижения к реальному федерализму и понимания интересов республик, то это рождает ответное недоверие и обостряет противоречия. Как показал опыт Чеченской республики, враждебность, доведенная до непримиримости, приводит к милитаризованным способам решения проблем, а значит, милитаризации России в целом, когда ни о какой свободе говорить не приходится. Диалектика в том, что крайний национализм республик способен сковывать демократию в Центре, а милитаризованный национализм Центра губит ростки демократии в республиках.

Для ситуации конца 90-х годов в целом по Российской Федерации была характерна парадоксальная связь между культивируемым веками авторитетом власти и пассивной созерцательностью, даже равнодушием к проблемам государственного устройства, общественно-политического строя.

Это обстоятельство отразилось и на национальной идее – сильной своей этничностью и противоречивой, непоследовательной в политических аспектах. Нашло оно свое конкретное выражение и в состоянии общественного мнения по национальным (межнациональным) проблемам.

Исследования, проведенные в 1997 году в Татарстане, показали, что проблемы межнациональных отношений (их состояние) для основной массы опрошенных не являются объектом пристального внимания. Основная масса опрошенных не отнесла их состояние к числу неотложных и первоочередных [1, с.135].

Среди комплекса факторов, регулирующих напряженность межнациональных отношений, важнейшее значение принадлежит *информированности* – совокупной характеристике уровня знаний и представлений, сведений и данных об этой области социальной действительности. Отсутствие или ограниченность информированности порождает проблемы национальных взаимоотношений, столкновение личностных и групповых установок межэтнического поведения и приводит к деформации национального самосознания.

Следует согласиться с Г.А. Исаевым, который отмечал исключительно важную проблему адекватности социальной информации, отражающей национальные проблемы и отношения к ним различных социально-демографических и социально-профессиональных групп [1, с.136].

Проблема информированности населения РТ в целом и г. Нижнекамска в частности по вопросам состояния межнациональных отношений в 1997 году стояла достаточно остро.

Данные таблицы 6.2 показывают, что население г. Нижнекамска в большей степени ощущало недостаток информации в области межнациональных проблем, чем население всего Татарстана и население других его городов.

Таблица 6.2 - Степень информированности респондентов о состоянии межнациональных отношений в РТ (1997 г.)

Варианты ответов	По [1, с.137]		г.Нижнекамск
	РТ	Города РТ	
Да, информирован хорошо	32	43	24
Считаю, что информирован недостаточно	41	31	49
Информирован плохо	16	16	16
Затрудняюсь ответить	11	10	11

Уровень межнациональной напряженности в республике в данном исследовании измерялся вопросом: «*Как вы оцениваете состояние межнациональных отношений в РТ?*».

Таблица 6.3 - Оценка состояния межнациональных отношений в РТ (1997 г.)

Варианты ответов	По [1, с.142]		г.Нижнекамск
	РТ	Города РТ	
Межнациональные отношения отличаются стабильностью	33	39	31
Внешне все спокойно, но напряженность ощущается	38	37	47
Считаю, что отношения являются очень напряженными	6	8	7
Затрудняюсь ответить	16	16	15

Из данных таблицы 6.3 можно увидеть, что в Нижнекамске в большей степени респонденты склонны ощущать негативную напряженность межнациональных отношений, чем в республике в целом. Причем эта проблема более волнует респондентов русской и других национальностей (рисунок 6.2).

Рисунок 6.2 - Оценка состояния межэтнических отношений в РТ национальными группами (сравнение с [1, с.144] 1997 г.)

Озабоченность населения г.Нижнекамска межэтническими отношениями связана с конкретными проблемами их повседневной жизни, о которых они высказались в ответе на вопросы: «Приходилось ли вам в своей жизни сталкиваться с какими-либо отрицательными явлениями в сфере межэтнических отношений?» и «Если приходилось, то с какими чаще всего?».

Согласимся с выводом, сделанным татарстанскими исследователями, что состояние межэтнического взаимодействия в регионах республики в 1997 году оставалось стабильным, так как только треть респондентов считали, что сталкивались в своей жизни с отдельными проблемами на национальной почве (таблица 6.4).

Таблица 6.4 - Доля респондентов, столкнувшихся с отрицательными явлениями в сфере межэтнических отношений в РТ

Варианты ответов	По [1, с.155]		г.Нижнекамск
	РТ	Города РТ	
Да, сталкивался	30	38	29
Нет, не приходилось	60	54	58
Затрудняюсь ответить	8	6	13

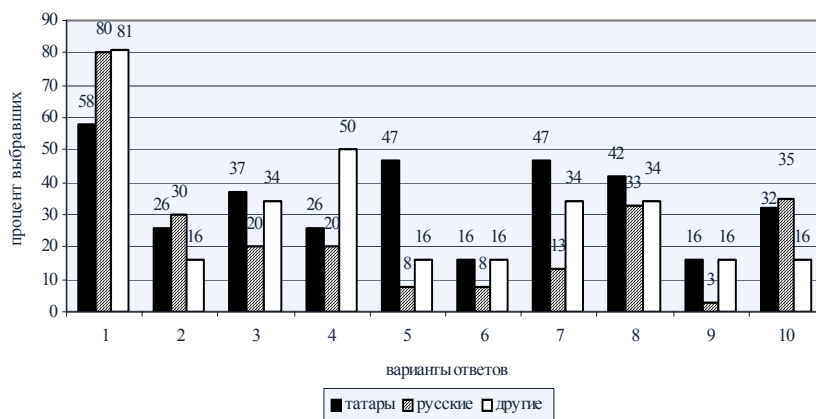
Наибольший удельный вес респондентов, указавших, что такие проблемы для них существуют, выявлен в городах республики – 38%. Реакция представителей национальных групп на состояние данной проблемы представлена в таблице 6.5.

Таблица 6.5 - Распределение ответов об отрицательных явлениях в сфере межнациональных отношений в РТ (1997 г.) сравнение данных по РТ и по г. Нижнекамску

Варианты ответов	По [1, с.155]		
	Татары РТ	Русские РТ	Другие РТ
Да, сталкивался	25	33	20
Нет, не приходилось	65	54	69
Затрудняюсь ответить	8	9	8
	Татары Н-к	Русские Н-к	Другие Н-к
Да, сталкивался	19	40	32
Нет, не приходилось	67	46	58
Затрудняюсь ответить	13	13	10

При анализе отличия в оценках состояния межэтнического взаимодействия с позиций разных национальных групп было выявлено, что татары более оптимистичны и терпимы в оценке ситуаций межнациональных отношений. Русские же респонденты более болезненно воспринимают любые отклонения в этих взаимоотношениях и считают эти отклонения негативными.

Результаты исследования, проведенного в Нижнекамске, свидетельствуют о том, что татары, русские и представители других национальностей, участвовавшие в опросе, по-разному оценили частоту проявления негативных явлений, с которыми им (по их мнению) приходится сталкиваться. На рисунке 6.3 представлено количественное сравнение факторов, которые отмечены респондентами в качестве вызывающих у них наибольшее негодование в области межнациональных отношений.

1	Назначение на руководящую должность по нац. признаку	6	Оскорбительные для моей национальности публикации в прессе, передачи на радио, ТВ
2	Отсутствие или недостаточное участие в органах власти представителей моей национальности	7	Неуважение к обычаям, традициям, языку моей нации
3	Отрицательное отношение к людям моей национальности	8	Неприязненные высказывания о людях моей национальности
4	Семейные конфликты на национальной основе	9	Недостаточное внимание к культурным запросам моего народа
5	Нежелание изучать и использовать в общении мой родной язык	10	Межнац. конфликты, противоречия в быту, торговле, сфере обслуживания

Рисунок 6.3 - Распределение мнений респондентов различных национальных групп г. Нижнекамска при оценке негативных явлений в межнациональных отношениях (1997 г.), в % к числу столкнувшихся с фактом

Оценивая перспективы развития межнациональных отношений в Татарстане, нижекамцы высказали следующие мнения: «думаю, они будут улучшаться» – 38%, «состояние этих отношений не изменится» – 41%, «они будут ухудшаться» – 7% и затруднились с ответом – 13%. Наиболее оптимистичным был прогноз респондентов-татар: «они будут улучшаться» – 44%, «состояние этих отношений не изменится» – 37%, «они будут ухудшаться» – 7%. В оценках русских и представителей других национальностей прогноз оказался более сдержанным: «они

будут улучшаться» – 32% (32%), «состояние этих отношений не изменится» – 46% (47%), «они будут ухудшаться» – 8% (5%).

Полученные в ходе исследования данные о перспективах развития сферы межнационального общения убедительно подтверждают сделанный ранее вывод о стабильности общественно-политической ситуации в Татарстане, который распространяется и на характер межнациональной напряженности в г. Нижнекамске.

Список литературы

1. Мухаметшин, Ф.Х. Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. (90-е годы. Социолого-экономический аспект) / Ф.Х. Мухаметшин, Г.А. Исаев. – Казань : Изд-во КМ РТ, 1998. – 338 с.
2. Социология в России / под ред. В.А Ядова. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998. – 606 с.
3. Шереги, Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования / Ф.Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 688 с.

Глава 7

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ: ДИАГНОСТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Методология и методика этносоциологического исследования

Существуют некоторые методические особенности этносоциологического исследования, связанные с объектом и предметом изучения, в частности, наличием такой важной их составляющей, как межэтнические отношения. Кратко остановимся на этом.

Этносоциология — междисциплинарное научное направление, и это усложняет методологию этносоциологических исследований. Согласно культурологическому подходу, поведение людей рассматривается и объясняется через господствующие в той или иной культуре ценности и правила поведения. С внутрigrупповой точки зрения, идентичность группы основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от всех других групп, даже если они в культурном отношении очень близки. Другой подход — рассмотрение фактов через совместную социальную деятельность людей, в ходе которой возникают особые коммуникативные связи и взаимоотношения. И, наконец, психологический подход объясняет поведение людей как личностей, включенных в этническую группу в том смысле, что в их представлениях или поведении присутствует в той или иной мере этничность.

В этносоциологических исследованиях могут быть использованы практически все методы конкретно-социологических исследований. Наиболее распространенными являются методы интервью, формализованного опроса, использование автобиографического метода, наблюдения и контент-анализа документов. При этом необходимо учитывать этнокультурный контекст при составлении этносоциологических опросников. Характеристиками контекста можно считать: моно- или полиэтничность региона, где проводится

исследование, выбор языка исследования, взаимодействие с представительными органами различных этнических групп.

Как отмечает Ю.В. Арутюнян [2, с.263], практика этносоциологических исследований доказывает, что культурная дистанция - это в абсолютном большинстве случаев объективная реальность. Нарушение правил общения, демонстрация в процессе общения образцов поведения, не принятых в изучаемой этнической культуре, может привести и обычно приводит к тому, что респондент либо вообще отказывается сотрудничать с исследователем, либо «выдает» ему те ответы, которые, как он считает, от него ожидаются.

Проблема преодоления культурной дистанции важна как в анкетных опросах, так и при интервьюировании. Ясно, однако, что проведение интервью требует гораздо более тщательной культурологической подготовки исследователя и интервьюера.

Специфика формирования выборочной совокупности заключается в том, что признаком отбора респондентов является, прежде всего, их этническая принадлежность. Однако, поскольку определение этого фактора происходит субъективно, т.е. на основе самоидентификации респондента, то в выборку могут попасть опрашиваемые, которые фактически не принадлежат исследуемой совокупности, и наоборот. Поэтому на практике используется несколько разных методов отбора респондентов определенной национальности.

1. *Метод «фильтра»*. Суть данного метода состоит в том, что по стандартной методике опрашивается более широкий массив респондентов, чем требуется для решения основной задачи исследования, однако часть вопросов анкеты (интервью) задается лишь представителям этноса, выступающего объектом в данном исследовании. В качестве «фильтра» при этом служит вопрос о национальной принадлежности респондента. Окончательно выборка формируется не до, как в классической схеме, а после проведения опроса. Метод «фильтра» применим в основном тогда, когда изучаемая этническая группа достаточно многочисленна и компактно расселена в пределах города (сельского района).

2. *Метод «снежного кома» («snowball»)*. Формирование выборки по методу «снежного кома» начинается с выбора нескольких «стартовых точек», т.е. индивидов, заведомо

принадлежащих к данной национальности. Каждый из опрашиваемых называет несколько человек, которые, по его мнению, принадлежат к данному этносу и также могут быть опрошены. Такой отбор носит случайный характер, но не в статистическом, а в обыденном смысле.

3. *Метод отбора по косвенным признакам.* Одним из методов целенаправленного отбора в этносоциологическом исследовании является выбор по признакам, хотя и косвенно, но достаточно тесно связанным с национальной принадлежностью. К числу таких признаков относится, например, фамилия. При отборе по фамилии обычно используются поименные, списки постоянно или временно прописанного населения, специально подготовленные для исследования [2, с.262].

Для изучения "жизненных миров" социальных общностей и их социального опыта в этносоциологии используется метод *включенного наблюдения*. В случае включенного наблюдения в кризисной ситуации межэтнического взаимодействия исследование способно помочь более объективно оценить настроение представителей сторон-участников конфликтной ситуации, изучить их мотивы, которые не были изложены в официальных заявлениях. В данном случае может возникнуть проблема восприятия исследователя как представителя какой-либо конкретной, может быть даже враждебной, национальности. Поэтому особенно важно тщательно оценить этническую принадлежность исследователя, которая должна вызывать как можно более нейтральное отношение исследуемых.

Метод контент-анализа может использоваться для решения довольно широкого круга этносоциологических задач. Например, рассмотрение этничности как субъективного явления, как самоидентификации представителей разных групп, можно обеспечить путем вычленения слов и смыслов, используемых в документах представителями группы по отношению к своей группе. Идентификацию одной этнической группы представителями другой возможно исследовать путем описания терминов, используемых в документах по отношению к какой-либо другой этнической группе. Ввиду недостаточно четко сформулированного терминологического аппарата

этносоциологии, контент-анализ выступает инструментом изучения самих этносоциологических терминов.

В этносоциологическом исследовании могут применяться также методы этнографии, культурологи, истории, географии, экономики и других смежных дисциплин. Это связано, в первую очередь, с тем, что наиболее эффективным подходом к изучению этнических групп является комплексный подход, который предполагает разностороннее рассмотрение феномена этничности.

Специальные этносоциологические исследования показывают, что для успешной межкультурной интеграции в иной этнокультурной и географической среде необходимым условием выступает этническая толерантность в сфере межкультурного взаимодействия, позитивное восприятие своей и соседствующей этнических групп. В 1995 году ООН приняла декларацию о толерантности, где одним из основных принципов толерантности названа готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, национальности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. В более широком понимании толерантность – это не только «терпимое отношение» к представителям других национальностей, но и сознательное принятие различий, особенностей, многообразия окружающего мира, признание универсальных прав и свобод человека. *Толерантность* – это готовность принять «других» такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия.

Как уже отмечалось, одной из задач этносоциологии выступает изучение межэтнических отношений. Межэтнические отношения в узком смысле понимаются как межличностные отношения людей разных национальностей, которые взаимодействуют в разных сферах общения – трудового, семейно-бытового, а также соседского, дружеского и других видах неформального общения. Исследования межэтнических отношений с позиций изучения их уровня толерантности в дальнейшем могут способствовать их гармонизации, предотвращению дискриминации, регулированию напряжений и конфликтов.

Особенно актуальной проблема толерантности и гармоничных межнациональных отношений выступает для региональных и местных органов власти территорий

традиционно заселённых многочисленными представителями различных национальностей. Республика Татарстан является одним из таких регионов, поэтому здесь большое внимание уделяется проведению этносоциологических исследований.

Современные исследования этнической идентичности нижнекамского местного сообщества

В 2006, 2008, 2009 годах в г. Нижнекамске, третьем по величине городе Татарстана, проводились этносоциологические исследования по проблемам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений (всего опрошенных — 1901 чел., выборка репрезентативная, квотная).

В ходе исследования диагностировалось восприятие и оценка населением состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в местном сообществе, тенденции их развития, факторы, влияющие на их состояние, реальное место и роль национальных обществ города в структуре этноконфессионального пространства.

Для выявления значимости этничности в самосознании личности в этнической психологии используется тест Куна и Макпартленда. Он заключается в том, что респондента просят пять раз ответить на вопрос: «Кто Я?». Ответы на этот вопрос в г. Нижнекамске показали, что упоминания национальности среди самоидентификаций встречалось у 6% респондентов в 2006 году, 8% в 2008 году и 7% респондентов в 2009 году. Это подтверждает вывод о том, что в спокойной ситуации межнациональных отношений или в моноэтнической среде этническое самосознание групп и конкретных людей чаще всего не актуализировано, «размыто».

Результаты массового интервьюирования по проекту «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации», проведенного в Татарстане, Саха (Якутии), Туве, Северной Осетии в 1994 и 1995 гг., когда достаточно остро стоял вопрос о самоопределении республик бывшего Советского Союза, позволяют сравнить полученные нами данные по Нижнекамску. Упоминание национальности среди самоидентификаций в то время встречалось более часто: у 12–13% респондентов [2, с.165]. Это позволяет сделать вывод, что в Республике

Татарстан произошло снижение значимости этничности в самосознании личности.

Очень важными для практики управления являются вопросы о том, как формируется этническое самосознание, какова его структура, каким может быть его содержательное наполнение, интенсивность и регулятивная способность. Ведь это играет существеннейшую роль в этнической мобилизации, консолидации, которые при социальном контроле и стремлении к партнерству могут ускорить развитие территории и живущих на ней национальностей, а при доминировании идей национализма приведут к эскалации межнациональной агрессии.

Таблица 7.1 - Распространенность и интенсивность этнической идентичности (в процентах от числа опрошенных)

Про кого Вы можете сказать, что «это – мы»?	2008 г.	2009 г.
Люди моего поколения	64,5	66,5
Люди моей национальности	22,0	23,9
Люди того же достатка, как и я	23,5	19,7
Люди той же профессии, что и я	11,4	12,8

О том, что интенсивность и распространенность этнической идентичности в г. Нижнекамске является низкой, а проблемы, связанные с межэтническими отношениями, не являются для горожан актуальными, свидетельствуют результаты ответов на вопрос: «Про кого Вы можете сказать, что «это – мы»?». Ответы фиксируют, что лишь небольшое количество горожан – 22% в 2008 году и 23,9% в 2009 году идентифицировали себя с людьми своей национальности (таблица 7.1).

Самой известным в социологии измерительным инструментом для фиксации «близости-дальности» межнациональных отношений является шкала Э. Богардуса. Модифицировав данную шкалу, автор измерил межэтнические установки нижекамцев и выяснил готовность горожан

«принять человека иной национальности, как: гражданина государства, делового партнера, коллеги по работе, соседа, друга, члена семьи».

Исследования показывают, что в 2006 году толерантные установки имели 82,9%, в 2008 году 83%, в 2009 году 86,4% горожан, так как они хотели бы иметь контакты с лицами другой национальности в качестве соседа и коллеги. Интолерантные установки проявились у 18,1% респондентов в 2006 году, у 17% в 2008 году и у 13,6% в 2009 году, так как они высказали нежелание работать и общаться с представителями другой национальности. Данные таблицы 7.2 говорят о тенденциях снижения интолерантности и росте толерантных установок в городском сообществе.

Таблица 7.2 - Хотят ли горожане иметь человека другой национальности в качестве соседа или коллеги по работе (в процентах от числа опрошенных)

Межэтнические установки горожан	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Да, хочу	63,5	65,5	60,6
Скорее да, чем нет	19,4	17,5	25,8
Скорее нет, чем да	9,6	10,0	8,3
Нет, не хочу	7,5	7,0	5,3

Наиболее чутким индикатором межэтнических отношений считаются межнациональные браки, когда не придается значения национальности и вероисповеданию человека при выборе брачного партнера. Например, если, скажем, русский (русская) готов принять татарку (татарина) в качестве члена семьи, то он (она) тем более готов (а) принять ее (его) как соседа или коллегу. При этом, чем больше межкультурного общения, тем больше межэтнических браков.

По исследованиям Л. Дробижевой [6, с.20] в Республике Татарстан почти половина представителей русской и татарской национальностей отдадут предпочтения внутринациональным бракам. Результаты, полученные в ходе исследований,

проведённых в г. Нижнекамске, особо не отличаются от общереспубликанских: против межнациональных браков высказалось 52% опрошенных в 2008 году и 51% - в 2009. Ответы 2009 года характеризуются меньшей категоричностью отрицания такого брака (таблица 7.3).

Таблица 7.3 — Результаты ответов на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что Вы сами или ваши дети вступят в брак с лицом другой национальности? (в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	2008 г.	2009 г.
Абсолютно согласен на такой брак	33,0	30,4
Скорее согласен, чем не согласен	15,0	18,6
Скорее не согласен, чем согласен	8,0	22,3
Нет, категорически не согласен	44,0	28,7

Ещё одним важным показателем качества межнациональных отношений выступает отношение местного населения к иммигрантам другой национальности. В связи с этим необходимо выяснять, как население реагирует на приток иммигрантов, какие установки оно формирует по отношению к новым группам населения, с которыми предстоит жить в едином пространстве, а значит – взаимодействовать во всех сферах жизнедеятельности?

В целом по Российской Федерации, как отмечает Е.М. Арутюнова по результатам исследований 2008 года, число сторонников свободного въезда иноэтничных мигрантов в страну на проживание невелико – 11,2%, тогда как за запрет на въезд высказалось 27,6% россиян, обнаружив тем самым изоляционистские установки [1, с.68].

Таблица 7.4 - Отношение горожан к людям, приехавшим работать и жить в Татарстан из других регионов России и зарубежья (в процентах от числа опрошенных)

Отношение горожан к иммигрантам	2006г.	2008 г.	2009 г.
Отрицательное, иммигранты повышают уровень преступности, создают конкуренцию на рынке труда	24,5	25,0	32,5
Положительное, иммиграция - это хорошо для развития экономики, восполняет нехватку рабочих рук, делает Татарстан более открытым к новым идеям и культурам;	38,5	41,0	19,6
Надо поддерживать въезд молодых и образованных людей, ограничивая въезд малообразованных с низкой квалификацией	16,3	15,6	13,8
Это неизбежность, от которой некуда деться	14,5	15,2	13,4
Затруднились с ответом	24,5	34,0	20,7

В г. Нижнекамск на строительство нового комплекса нефтеперерабатывающих заводов планировалось привлечь до 12000 работников из других регионов России и зарубежья. Проведенные исследования показали, что отношение респондентов к иммигрантам, которые будут строить и обслуживать новые производства, в 2009 году оказалось в целом положительным (46,8%). 19,6% респондентов отметили, что иммигранты – это ресурс развития экономики, они восполняют нехватку рабочих рук, делают Республику Татарстан более открытой к новым идеям и культурам; 13,8% высказались за ограничение въезда для тех, кто имеет низкий уровень образования и низкую квалификацию; 13,4% посчитали что поток иммигрантов это неизбежность, и от неё никуда нельзя деться. 32,5% респондентов высказали своё отрицательное отношение к иммиграции, отметив, что именно иммигранты

повышают уровень преступности, создают конкуренцию на рынке труда. 20,7% отвечающих затруднились с ответом (таблица 7.4).

В 2009 году количество сторонников свободного въезда мигрантов в г. Нижнекамске заметно снизилось по сравнению с предыдущими годами (на 22,5% по сравнению с 2006 г.). Такое отношение к въезжающим можно объяснить ухудшением экономического положения градообразующих предприятий в связи с глобальным экономическим кризисом 2008 года. Население города проявило озабоченность по поводу появления большого числа конкурирующей рабочей силы, состоящей из малоквалифицированных сельских жителей и жителей ближнего зарубежья, готовых работать за очень низкую зарплату. Так как даже самая низкая, по меркам нижекамцев, зарплата будет обеспечивать этим людям экономические преимущества по сравнению с оставшимися на их родине. Как отмечает, американский социолог И. Валлерстайн, должно пройти от двадцати до тридцати лет, чтобы такие работники изменили свои экономические представления, в полной мере осознали потенциальные возможности, предоставляемые им как квалифицированным рабочим, и начали предпринимать те или иные скоординированные действия, направленные на обеспечения более высокой заработной платы [3, с.110].

Проблема с избытком рабочей силы для Нижнекамска неизбежна не только в связи с экономическим кризисом, но и в связи с окончанием строительства нефтеперерабатывающего комплекса и высвобождением многочисленных рабочих, которые прежде были заняты на строительстве. Исследования показали, что при увольнении с работы к переобучению готовы 43% респондентов, 15% – согласны выполнять общественные работы, 65% – будут искать дополнительный приработок, 26% – готовы жить на пособие по безработице, пока не найдут подходящую работу. При этом – 14% респондентов указали, что имеют негативный опыт поиска дополнительной работ.

Таким образом, негативные установки по отношению к приезжающим в г. Нижнекамске в основном связаны с монопрофильностью города, с отсутствием достаточного количества рабочих мест и ограниченностью сфер приложения труда. В этих условиях большая ответственность ложится на

институты государственной и муниципальной власти по выработке четкой и эффективной миграционной политики, учитывающей интересы как принимающей стороны, так и приезжающих.

Межнациональные установки в сфере трудовой деятельности и в сфере неформального общения находятся под влиянием разных факторов. И если в трудовой сфере на них сильное влияние оказывает конкуренция, то в повседневной жизни – нормы культуры конкретного народа. Исследования, проведенные известным российским социологом Л. Дробижевой [6, с.20], показали, что доля людей в Республике Татарстан, готовых устанавливать дружеские связи с людьми другой национальности, составляет от 70 до 80 процентов населения. В Нижнекамске этот показатель в 2009 году составил 93%. При этом наибольшую готовность дружить с людьми другой национальности высказывает молодежь. В условиях, когда в России рост этнических предрассудков в молодежной среде вызывает особую озабоченность, в г. Нижнекамске эта проблема практически не ощущается. Молодёжное городское сообщество настроено достаточно дружелюбно к людям другой национальности. Более подробная информация по данному вопросу представлена в таблице 7.5.

Таблица 7.5 - Хотят ли горожане дружить с людьми другой национальности (в процентах от числа опрошенных)

Межэтнические установки горожан	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Да, хочу дружить	78,5	81,0	80,7
Скорее да, чем нет	6,7	5,3	12,3
Скорее нет, чем да	9,4	10,7	4,7
Нет, не хочу дружить	5,4	3,0	2,3

Долгие годы в России было принято употреблять понятие «нация» по отношению к отдельным группам граждан, которые выделялись по этническому признаку. По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, это

некорректно с научной точки зрения и небезопасно для сохранения социальной стабильности. Наиболее последовательной стратегией для государства, по мнению данного ученого, является использование термина «национальность» как синонима этнической принадлежности. Поэтому в процедуре переписи он рекомендовал для установления этнической принадлежности респондента употреблять вопрос: «Ваша национальность (этническая принадлежность)?». Впоследствии это должно способствовать вытеснению из общественного сознания этнических установок гражданскими представлениями о нации [7]. Данное предложение направлено на сглаживание межэтнических противостояний, на искоренение взаимных исторических обид и притязаний на исключительность того или иного этноса, достигшего статуса нации.

Основатель отечественной этносоциологии Ю.В. Арутюнян, сравнивая соотношения этнической и гражданской идентичности, сделал вывод о том, что русские наиболее глубоко привержены идентичности советского периода («советский народ») по сравнению с другими типами гражданской идентификации, в том числе и идентификации «россиянин» [7]. При этом многие исследователи отмечают, что с исчезновением социальной и этнической идентичности «советский народ», исчезла общенациональная солидарность, которую пытаются заменить такими идентичностями как «россиянин», «российская нация».

Долгий период времени для формирования единой российской идентичности не было условий, так как вначале этому мешал «парад суверенитетов», а затем пришедшая на смену ему приоритетная региональная гражданская идентичность. Формирование единой региональной гражданской идентичности в противовес этнической спасало многонациональные республики от межэтнических конфликтов. Однако в настоящее время в ряде случаев она препятствует ощущению российского гражданства, заменяя собой последнее. Так, например, в Чеченской республике, по данным социологических исследований, лишь 14% ощущают себя россиянами, тогда как гражданами Чечни — 48%. В Республике Саха (Якутия) наибольшее признание также получила

региональная идентичность (48%), тогда как российская востребована лишь в 17% [7]. А вот там, где нет национальных государственных образований, процент причисляющих себя к «россиянам» несравнимо больший. Так в Москве по данным разных социологических опросов гражданами России себя считают 88-90% жителей; в других регионах этот показатель варьируется от 61% до 90% [5]. В этих исследованиях было зафиксировано более лояльное отношение ко всем иноэтничным группам тех, кто чувствует себя прежде всего россиянами, по сравнению с теми, для кого собственная национальность более значима. Таким образом, в рамках Российской Федерации понятие «россияне» олицетворяет собой образ, выражающий национально-гражданское сознание, которое сказывается на установках и конкретном поведении людей.

Современное развитие межэтнических отношений делает всё более значимой государственно-гражданскую идентичность по сравнению с этнической и региональной, поэтому формированием этой идентичности сейчас озабочены как общественность, так ученые и политики. Эти процессы не обошли и Республику Татарстан: формирование в республике гражданского сознания направленного на общность со всеми гражданами России, должно стать действенным механизмом образования межэтнической солидарности.

Исследования, проведённые в г. Нижнекамске, показали, что в основном активное городское сообщество, независимо от национальности, разделяет установки гражданской, территориальной и поколенческой общности, однако для татар выявлена более высокая приобщённость к собственному «родному» этносу. Данная категория населения в большей мере ощущает свою этнонациональную принадлежность, чем «гражданственность». Эти данные были зафиксированы и в 2008 (36,5%), и в 2009 (37,5%) году. Русские проявили меньший уровень выраженности этнической идентичности (21% и соответственно 20,3%) и достаточно низкую озабоченность проблемами межэтнического взаимодействия (таблица 7.6).

Таблица 7.6 – Результаты ответов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» (в процентах от числа опрошенных)

Чувство этнической принадлежности	2008 г.	2009 г.
Россиянином	38,5	40,4
Татаринном	36,5	37,5
Русским	21,0	20,3
Украинцем	0,8	0,8
Чувашем	0,8	0,8
Представителем другой национальности	0,3	0,2

Из таблицы 7.6 видно, что в г. Нижнекамске чувствуют себя прежде всего россиянами 40,4% горожан.

Межнациональные проблемы очень тесно связаны с проблемами использования того или иного национального языка. Каковы же тенденции в использовании языков различных национальностей в г. Нижнекамске? В Татарстане русский язык является основным в делопроизводстве и в общении. По данным исследования, население города всех национальностей на бытовом уровне чаще всего пользуется русским языком – 59,6%, родным языком – 40,4%. Указали, что владеют вторым (татарским или русским) государственным языком на разговорном уровне 60,3% опрошенных, не владеют – 39,7%. Таблица 7.7 показывает распределение ответов респондентов (всех национальностей кроме русских) об использовании ими в быту приоритетного языка общения. По годам эти данные отличаются незначительно.

Таблица 7.7 — Язык, используемый в быту лицами всех национальностей кроме русских (в процентах от числа опрошенных)

Каким языком чаще всего пользуются в быту	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Русским языком	41,4	42,1	43,3
Родным языком	53,6	52,5	51,5
И русским, и родным языком	5,0	5,4	5,2

По сравнению с 2001 годом количество горожан, владеющих двумя государственными языками, выросло на 11%,

а владение татарским языком среди представителей других национальностей выросло на 4%. При этом проявилась тенденция сокращения функций «родных языков» в общественной и производственной сферах, в сфере образования и даже семейного общения.

В связи с этим 38,8% респондентов в 2009 году высказались о необходимости повышения уровня использования татарского языка на бытовом уровне, дома. 20% респондентов (против 27,5% в 2006 году) считают, что людям нужно доплачивать за знания татарского языка и использование его в трудовой сфере. Ряд респондентов высказал пожелание, чтобы большее количество государственных и муниципальных служащих обязательно говорило на татарском языке (таблица 7.8).

Таблица 7.8 - Что необходимо делать, чтобы повысить уровень использования татарского языка (в процентах от числа опрошенных)

Меры для повышения уровня использования татарского языка	2006 г.	2008 г.	2009 г.
В семье больше разговаривать на татарском языке	33,6	37,7	38,8
На государственном и муниципальном уровне повысить статус татарского языка	24,3	22,6	21,9
Доплачивать на рабочем месте за знание татарского языка, как в некоторых странах	27,5	21,5	20,0
Сделать вторым государственным языком в России	9,6	13,4	14,1
В школах сдавать ЕГЭ на родном языке	–	8,6	9,7
Изучать татарский язык в детских садах и школах, развивать программы преподавания татарского языка в школах, применять аудиоресурсы при изучении татарского языка	14,5	11,2	11,4

В условиях, когда все больше контактов устанавливается с зарубежными странами и г. Нижнекамск становится всё более открытым городом, в жизнедеятельности горожан повышается роль иностранных языков. В 2009 году респонденты указали, что 19,6% из них владеет английским языком, 3,3% – немецким языком, 1,1% – арабским языком, 1,5% – другими языками. По сравнению с 2006 годом, количество владеющих иностранными языками выросло. Знание иностранных языков на разговорном уровне повышает конкурентоспособность горожан на рынке труда, способствует общению и установлению толерантных отношений (таблица 7.9).

Таблица 7.9 - Владение иностранными языками на разговорном уровне (в процентах от числа опрошенных)

Уровень владения иностранными языками	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Не владею	80,6	76,3	74,5
Владею английским языком	15,3	18,2	19,6
Владею немецким языком	2,4	3,2	3,3
Владею арабским языком	0,8	1,0	1,1
Владею другими языками	0,9	1,3	1,5

В многонациональных территориальных и государственных образованиях с проблемами межнациональных отношений тесно коррелируют проблемы межконфессиональных взаимоотношений. Представления о конфессиональной структуре населения, направленности, характере и интенсивности деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую социальную среду способствуют раскрытию религиозной идентичности представителей различных национальностей.

Следует помнить, что религиозная идентичность достаточно противоречива и неоднозначна. Как отмечает Ж. Т. Тощенко, идентификация людей с определенной религией в любом обществе может меняться время от времени, порой даже на весьма коротком отрезке, под влиянием окружающей среды,

общественной атмосферы, жизненных обстоятельств, идеологического воздействия [10, с.50]. Вывод о религиозной идентичности осложняется тем, что число людей, заявляющих о своей конфессиональной принадлежности, оказывается существенно больше тех, кто относит себя к верующим. Иначе говоря, считающих себя мусульманами и православными больше, чем действительно верующих в Аллаха или Христа. Этот разрыв, по мнению Ж.Т. Тощенко, достигает 20% [10, с.50]. Очевидно, что в этом случае религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии. Поэтому религиозную идентичность следует определять через весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм интенсивности) – через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) – до неверия и атеизма.

Таблица 7.10 - Какую религию исповедуют горожане (в процентах от числа опрошенных)

Вероисповедание	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Мусульманство	38,9	38,6	38,4
Православие	35,2	34,9	34,7
В Бога верят, но никакую религию не исповедуют	14,3	12,1	13,5
Не верующие	5,4	6,1	6,0
Католичество	1,7	1,7	1,8
Другого вероисповедания	0,5	0,6	0,6
Затруднились с ответом	4,0	6,0	5,0

Исследования, проведённые в г. Нижнекамске в 2009 году, показали, что в опросе приняли участие 38,4% мусульман, 34,7% православных, 1,8% католиков, 0,6% лиц другого вероисповедания (это приблизительно соответствует национальному составу населения); 13,6% указали на то, что в Бога они верят, но не исповедуют никакую религию; 6% из числа опрошенных назвали себя неверующими. Более

подробные данные по исследованиям 2006, 2008 и в 2009 годов представлены в таблице 7.10.

При этом 7,8% респондентов указали на то, что регулярно ходили в течение всего 2009 года в культовые сооружения (мечети и церкви), 22,8% ходили туда только по праздникам, 38,4% совершают такие походы от случая к случаю. Отметим, что 20,7% представителей населения города никаких религиозных обрядов не исполняют. По сравнению с 2006 годом ответы в целом не изменились (таблица 7.11).

Таблица 7.11 - Каким образом горожане исполняют религиозные обряды (в процентах от числа опрошенных)

Исполнение религиозных обрядов горожанами	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Как придется (от случая к случаю)	39,5	40,0	38,4
Ходят в культовые сооружения (мечети, церкви) только по праздникам	22,0	21,6	22,8
Никаких религиозных обрядов не исполняют	21,5	22,0	20,7
Регулярно ходят в культовые сооружения	6,5	7,1	7,8
Затруднились с ответом	10,5	9,3	10,3

Люди, состоящие в межэтнических браках, отмечали в 2006 (2009) году, что соблюдают и отмечают религиозные обряды обоих супругов – 35% (34%); соблюдают религиозные обряды только одного из супругов – 13,5% (11,7%), не отмечают религиозных праздников – 15,5% (14,3%). Очень высокой оказалась доля респондентов, которые не смогли ответить на этот вопрос – 36% (40%). Это показывает, с одной стороны, на то, что этот вопрос является достаточно интимным, а с другой стороны, что об этом люди, состоящие в смешанном браке, мало задумываются и это положительно характеризует такие браки.

И в 2006, и в 2009 году (данные приведены в скобках) население города называли праздники, обычаи и обряды, которые для них являются значимыми, сохраняются в памяти и в которых они принимали участие. Альтернативы ответов распределились следующим образом: Сабантуй – 51,3% (50,1%), Курбан-Байрам –

26,5% (27,6%), Пасха – 24,5% (23,6%), Рождество – 13,3% (12,7%), Ураза-Байрам – 13,5% (12%), Масленица – 10% (9%), Венчание, Никах – 8,7% (9%), Навруз – 5% (6%), Троица – 3% (3%), Вербное воскресенье, Петров день, святки, Каз Өмәсе, Исем кушу, поминки – 2,3% (2%). .

Как отмечает Л. Дробижева, важным фактором, влияющим на уровень стабильности межэтнических отношений, выступают реальные и представляемые неравенства. Эти неравенства могут проявляться в двух видах: 1) неравное участие во власти, которое больше осознают русские в республиках; 2) ущемление этнонационального достоинства на бытовом уровне, чаще ощущаемое титульными национальностями [6, с.20]. Для того чтобы «раскрыть» степень неравенства, анализировались мнения людей различных национальностей не о их взаимоотношениях вообще, а о их взаимоотношениях в трудовом коллективе, в рамках их места проживания, то есть в обозримой локальности. Исследования 2009 года зафиксировали резкий рост (по сравнению с 2006 годом) считающих, что карьера в республике зависит от национальной принадлежности, с 11% до 42,7%. При этом только 26,5% респондентов твердо ответили, что национальность не играет никакой роли при продвижении по служебной лестнице. Сравнительные данные по годам представлены в таблице 7.12.

Таблица 7.12 — Ответы на вопрос: «Зависит ли продвижение по карьерной лестнице в республике от национальной принадлежности?» (в процентах от числа опрошенных)

Зависимость карьеры от национальной принадлежности	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Да, зависит	8,0	16,3	22,2
Скорее да, чем нет	3,0	11,6	20,5
Скорее нет, чем да	9,0	18,0	22,2
Нет, не зависит	30,0	25,4	26,5
Затруднились с ответом	50,0	28,7	8,6

Непропорциональность представительства русских и татар в органах государственной власти и управления отмечается как экспертами, так и населением республики. По данным исследования, проведенного Центром аналитических исследований

и разработок РТ, значительная часть студенческой молодежи республики отмечает практику назначения на руководящие и престижные должности на основе этнической принадлежности. Среди респондентов, относящих себя к русским, показатель лиц, часто сталкивающихся с подобным фактом этнической дискриминации, почти в два раза выше, чем среди тех, кто относит себя к татарам (43,7% и 23% соответственно) [8, с.272].

Ещё в ноябре 2007 года на Съезде народов Татарстана был одобрен Проект республиканской концепции государственной национальной политики. По мнению М. Столярова, Концепция, как политико-правовой акт, нацелена на обеспечение общей социальной, политической и экономической стабильности региона; на эффективное взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления; на развитие традиций межнационального согласия и гражданского мира, веротерпимости и национально-культурного взаимообогащения представителей проживающих в республике народов [9, с.13].

Депутаты Нижнекамского муниципального района поддержали Концепцию и утвердили пути её реализации в Нижнекамском муниципальном районе. В качестве основного направления обозначено создание органами местного самоуправления оптимальных условий и механизмов для эффективного решения этнокультурных задач, нравственных и иных условий для цивилизованного развития жизни и деятельности всех народов, проживающих на территории муниципального района [4, с.2-3]. Была принята также программа по сохранению, изучению и развитию языков и культур народов, проживающих в Нижнекамском муниципальном районе. Муниципальными органами власти поддерживается деятельность этнических общественных организаций кряшен, русских, татар, чувашей, башкир, украинцев, немцев и других национальностей.

Таблица 7.13 — Ответы на вопрос, что необходимо делать, чтобы улучшить деятельность местных органов власти по гармонизации межэтнических отношений (в процентах от числа опрошенных)

Меры по гармонизации межэтнических отношений	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Поддерживать национальные общества города	28,5	25,6	24,5
Обеспечивать равное участие людей разных национальностей во власти и бизнесе	28,0	32,3	34,0
Реализовывать принятую программу по сохранению, изучению и развитию языков и культур народов, проживающих в Нижнекамском муниципальном районе	–	25,5	27,3
Соблюдать пропорциональность строительства мечетей и церквей в городе	10,0	10,0	11,0

Для разработки более предметных рекомендаций в адрес органов муниципальной власти г. Нижнекамска по вопросам регулирования межнациональных отношений, респондентам задавался вопрос о их пожеланиях по гармонизации межэтнических отношений. Распределение ответов представлено в таблице 7.13.

Данные показывают, что наиболее выбираемой оказалась альтернатива об обеспечении равного участия лиц разных национальностей во власти и бизнесе. По сравнению с 2006 годом количество её выбравших увеличилось на 6%. На втором месте оказалась альтернатива о реализации программы по сохранению, изучению и развитию языков и культур народов, проживающих в Нижнекамском муниципальном районе (27,3%) и на третьем месте - поддержка национальных обществ города (24,5%). Некоторые респонденты отмечали также, что изучение татарского языка не должно быть насильственным, кроме того, следует расширить сферу применения татарского языка.

Таблица 7.14 - Оценка горожанами деятельности органов местного самоуправления г. Нижнекамска по реализации национальной и языковой политики РТ (в процентах от числа опрошенных)

Оценка деятельности органов местного самоуправления	2006 г.	2009 г.
Хорошо	18,6	20,6
Удовлетворительно	38,5	40,2
Неудовлетворительно	16,3	13,7
Затруднились с ответом	26,6	25,5

В целом горожане в 2006 и в 2009 годах положительно оценивали деятельность органов местного самоуправления г.Нижнекамска по реализации национальной и языковой политики – 57,1% и 60,8% соответственно. Однако то, что 26,6% (25,5%) отвечавших не смогло ответить на этот вопрос, свидетельствует о их низкой информированности о роли органов местного самоуправления по регулированию межнациональных отношений (таблица 7.14).

О том, что в Татарстане успешно функционирует система регулирования и взаимодействия в сфере этноконфессиональных отношений, в которой значительная роль отводится органам государственной и муниципальной власти, общественным этнокультурным объединениям, свидетельствуют и ответы на вопрос об оценке уровня напряженности в области межнациональных отношений, задаваемом в каждом третьем опросе, проводимых в 2006, 2008, 2009 годах.

Таблица 7.15 - Оценка горожанами межнациональных отношений в г. Нижнекамске (в процентах от числа опрошенных)

Оценка межнациональных отношений	2006 г.	2008 г.	2009 г.
Удовлетворительные	52,5	49,5	52,5
Хорошие	35,5	40,5	38,5
Напряженные	10,0	9,0	7,0
Конфликтные	2,0	1,0	2,0

Как видно из данных, представленных в таблице 7.15, абсолютное большинство респондентов оценивают состояние межэтнических отношений в городе как «удовлетворительное и

хорошее» от 88% до 91%. Следует также отметить снижение количества тех, кто оценивал их ранее как напряженные, с 10% до 7%.

Таким образом, исходя из данных мониторинговых исследований, межэтнические отношения в монопрофильном городе, где работают и живут люди разных национальностей, можно считать благоприятными и доброжелательными. Отсутствуют масштабные межэтнические конфликты, уровень напряженности в межнациональных взаимоотношениях достаточно низкий, этнические группы имеют общие цели, заинтересованно взаимодействуют друг с другом. Вместе с тем на межэтнические установки и стереотипы населения большое влияние оказывает состояние социально-экономических отношений в стране и складывающаяся под её воздействием миграционная ситуация. Кроме того, на состояние межэтнических отношений, влияют реальные и представляемые неравенства. Всё это многократно повышает уровень ответственности органов муниципального управления за принимаемые решения в области регулирования межэтнических отношений на территории муниципального района.

В своих решениях представители органов муниципальной власти должны опираться на ресурсы толерантности, которые имеются в муниципальном образовании. К таким ресурсам следует отнести: традиции дружбы народов, сложившиеся и заботливо культивируемые ещё со времени строительства первого градообразующего предприятия и города; наличие в местном сообществе значительных групп толерантно настроенных жителей; позитивный потенциал этнических сообществ, накопленный местной властью и общественными организациями; опыт организации межкультурного взаимодействия различных этнонациональных групп жителей.

Список литературы

1. Арутюнова, Е.М. Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ / Е.М. Арутюнова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. – №3. – С. 66 – 73.
2. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология. Учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. – М., 1998. – 271с.

3. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2004. – 368с.
4. Васильева, Г. Жизнь расширяет границы / Г. Васильева // Ленинская правда (Нижнекамск). – 2008. – №203-205. – С.2-3.
5. Дробижина, Л. М. Национально-гражданская идентичность в Центре и регионах России / Л. М. Дробижина // III Всероссийский социологический конгресс. – М., 2008.
6. Дробижина, Л. Понимаю, принимаю... Социальные и политические условия формирования толерантности в российском обществе / Л. Дробижина // Татарстан. – 2007. – №10. – С. 18-21.
7. Ерохина, Е. Этническое развитие народов России и перспективы становления российской нации: о предварительных итогах Всероссийской научной конференции «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (1-3 ноября 2010). – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=419.
8. Салагаев, А.Л. Межэтническая ситуация в Республике Татарстан: согласие, дискриминация и национализм (на материалах исследования студенческой молодежи) / А. Л. Салагаев, Р. Р. Сафин, И. Е. Туриянский // Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция / Под ред. М.Е. Поздняковой, А.Л. Салагаева. – М: Институт социологии РАН, 2005. – 306 с.
9. Столяров, М. Государственная национальная политика: десять лет застоя / М. Столяров // Татарстан. – 2008. – №5. – С.10-16.
10. Тощенко, Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия / Ж.Т. Тощенко // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах); Отв. ред. М. П. Мчедлов. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 415с.

Глава 8 ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В МОНОПРОФИЛЬНОМ ГОРОДЕ

Теоретические основы исследования самоорганизации молодёжи

В современном мире любое общество можно рассматривать как сложноорганизованную саморазвивающуюся открытую систему, которая обладает многими специфическими чертами: самодостаточностью, интегративностью, непредсказуемостью развития, разнообразием различных социальных структур и систем, а также исключительной динамичностью, незавершенностью и альтернативностью развития.

Понятие «самоорганизация» в широком смысле означает процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Ключевым словом в понимании этого термина является понятие организации. Проблематика организаций издавна присутствовала в научном знании.

С развитием биологии и психологии в начале XX века было показано, что объекты, существенно различные по составу, могут демонстрировать сходные свойства благодаря общности в способах организации. Российский ученый А.А. Малиновский, более известный под псевдонимом Александр Александрович Богданов, сделал первую попытку построить общее учение об организации, в вышедшем в 1912 году сочинении «Тектология. Всеобщая организационная наука». Исходным пунктом тектологии (греч. «учение о строительстве») является признание необходимости подхода к изучению любого явления с точки зрения его организации. Американский ученый, Уильям Эшби в 1947 году ввел понятие «самоорганизующиеся системы». В 60-70-х годах XX столетия получают бурное развитие ряд естественно-научных концепций, объединяемых под названием «концепции самоорганизации».

Бельгийский ученый русского происхождения, лауреат Нобелевской премии И. Пригожин предлагает модель самоорганизации системы, которая получила название «порядок через флуктуацию» — «ситуация, возникшая после воздействия

флуктуации на систему», «флуктуация определяет глобальный исход эволюции системы» [13, с.63].

В конце 60-х годов немецкий физик Г. Хакен, работавший в области теории лазера, выступил с проектом новой науки — синергетики, описывающей явления самоорганизации в сильно неравновесных системах. Синергетика, по словам Хакена, пытается дать ответ на вопрос, «каким образом взаимодействуют друг с другом отдельные элементы, составляющие данную структуру» [17, с.20].

Проблемы самоорганизации серьезно изучаются и отечественными учеными. Лидером в этой области является школа прикладной математики, основанная А.А. Самарским, в которой проблемы самоорганизации стали разрабатываться под руководством С.П. Курдюмова. Они пытались разрешить задачи физики плазмы, газовой динамики, в которых имели дело с ярко выраженными нелинейными системами, и «исходным для осмысления явлений самоорганизации было для них понятие автомодельного решения, которое при изменении преобразуется по правилу подобного, остается самоподобным» [8, с.41].

Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов определяют самоорганизацию «как процесс спонтанного упорядочивания (переход от хаоса к порядку), образование и эволюции структур в открытых нелинейных схемах» [7, с.33].

Синергетика как наука о сверхсложном не могла не проникнуть в социологию, поскольку человеческое общество является по своей сути открытой, нелинейной, самоорганизующейся системой. Синергетика как новая картина мира может объяснить различные процессы, проходящие в человеческом обществе.

Существенный вклад в разработку теоретических основ социальной самоорганизации внесли сотрудники кафедры организации социальных систем и организации антикризисного управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. В.С. Егоров, В.Л. Романов, В.С. Капустин, В.С. Карпичев [4; 15; 5; 6] в своих работах адаптировали многие естественно-научные синергетические законы для обществоведения, показали их состоятельность, доказали возможность их применения в социологии. В.С.

Карпичевым подготовлен основательный словарь справочник по социальной самоорганизации. Романов В.Л. в своей работе «Социальная самоорганизация и государственность» обосновывает антропный принцип социальной самоорганизации.

Одной из первых фундаментальных работ, в которых анализируется теория социальной самоорганизации, является «Порядок и хаос в развитии социальных систем» В.В. Васильковой [3]. В работе приводятся основные принципы синергетики — как универсальной теории самоорганизации, рассматриваются ее методологические проблемы.

Радикальные изменения в современном российском обществе особенно глубоко затронули молодежь, стал в последнее время общим местом в социологии и вряд ли нуждается в дополнительном обосновании. Однако характер уже свершившихся и продолжающихся осуществляться перемен в статусе этой социальной группы требует всестороннего анализа и интерпретации с учетом новейших эмпирических данных и концепций, разработанных в рамках западной и российской общественно-политической мысли, в том числе, и в рамках синергетики.

Эмпирические исследования, проведенные В.П. Бабинцевым и др. [1; 9], в 2007-2008 гг., дают основание утверждать, что самоорганизацию и "атомизацию" молодежи в настоящее время целесообразно рассматривать, прежде всего, как специфические формы саморефлексии, связанные с более или менее осознанными и успешными попытками уяснить свое место в обществе некалькулируемого риска. Этот вид рефлексии авторы называют *социокультурной рефлексией* и определяют ее как совокупность способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующуюся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенную в комплекс взглядов, образов, мифов и символов, которые используются *для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или для его модификации.*

Социальная самоорганизация существует в обществе на всех его уровнях, начиная с общества как целого и кончая первичными группами. Поэтому можно предположить, что

процесс самоорганизация молодежи – это преобразование молодого поколения в более качественное состояние. Соответственно, особую актуальность приобретает изучение процессов самоорганизации в современной молодежной среде.

Социальное развитие молодежи нельзя рассматривать в отрыве от системы образования, которая прошла процесс адаптации к социально-экономическим и социальным изменениям в обществе.

Многие полагают, что студенческое самоуправление (ССУ) - нечто новое для России, и обязано своему появлению благодаря переходу к рыночной экономике и демократизации в обществе. Но история ССУ уходит к 1755 году, именно в этом году в МГУ по инициативе студентов было создано первое студенческое общество. Затем формы ССУ претерпевали значительные модификации: общества, корпорации, конвенты, позже появляется институт старост, студенческая милиция, студенческий суд чести, студенческие «сходки». История развития ССУ имеет множество проблем, так как только в малой части университетов оно поддерживалось и признавалось администрацией.

С приходом советской власти все старые студенческие объединения были закрыты и строго преследовались. В 30-е годы в вузах создаются так называемые «вузкомы» - вузовские комитеты ВЛКСМ, действовавшие на основе выборности. Но нельзя говорить о «реабилитации» студенческого самоуправления: возрожденный принцип выборности действовал только в отношении тех студентов, которые вступали в комсомол, а не всего студенчества ВУЗа.

Комсомол, без всякого сомнения, был большой жизненной школой для большинства людей того поколения. Он дал большое количество подготовленных руководителей, получивших богатый опыт общественной деятельности, неформального лидерства, управленчества и умения работать с коллективами. К достоинствам комсомола можно отнести и то, что он явился хорошей школой для молодых управленцев и помогал решить проблему, которая на сегодня является довольно острой – нехватка качественных управленческих кадров.

Резкие экономические и политические изменения, произошедшие в нашей стране на рубеже 90-х годов, привели к тому, что комсомольская организация повсеместно прекратила свое существование.

Перед высшей школой в плане воспитательной работы возникла острая проблема, чем заменить вузовский комсомол, который по своей сути и деятельности и был студенческим самоуправлением с огромным творческим потенциалом, ресурсной базой, выстроенной структурой и кадровой политикой. Положительный опыт вузов, где студенческие инициативы поддерживаются, показывает, что ССУ – является неотъемлемой частью практической подготовки современного выпускника высшей школы. Сегодня молодежь является основным ресурсом государства, так как молодое поколение выполняет особые социальные функции: оно наследует достигнутый уровень развития общества и государства, обеспечивает его сохранение и обновление, выполняет функцию социального и демографического воссоздания.

Благодаря своему инновационному потенциалу молодежь является наиболее восприимчивой к трансформациям общественной категорией, поэтому социальные изменения, произошедшие в постсоветский период, наиболее сильно отразились на молодежи, в том числе на процессах самоорганизации.

Особенно большое значение такие характеристики молодежи имеют для неустойчивых в экономическом отношении систем, каковыми являются монопрофильные города.

Будем понимать под студенческой молодежью монопрофильного города – социально-демографическую группу молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет, в установленном порядке зачисленных и обучающихся в учебных заведениях системы высшего профессионального образования, жизненные стратегии которой связаны с территорией как местом приложения получаемых профессиональных знаний и определяются спецификой монопроизводства развитого в монопрофильном городе.

Ориентация молодежи на жизнь в системе рыночных экономических отношений - актуальнейшая задача

государственной власти и образования. Для формирования инновационного поведения молодежи в социальноэкономической сфере необходимо четко представлять себе модель социального воспитания, а также соответствующие современным требованиям формы и средства (механизмы) социализации.

Применительно к условиям трансформации российского общества некоторые авторы акцентируют внимание на его устойчивости, при которой активный человек, стремясь к равновесному состоянию, противопоставляет общему социальному хаосу целостность с другими людьми. Это способствует рождению нового коллективного порядка более высокого уровня, отвечающего насущным интересам и потребностям граждан [12]. По сути, целью регулирования процесса самоорганизации является развитие социально активного человека. Сформировать такую позицию можно только в подростковом или студенческом возрасте.

В нашем понимании, социальная самоорганизация означает инициативный, самостоятельный способ или результат упорядочения социальной жизни самими людьми без внешнего принуждения или побуждения, например, со стороны органов власти.

Понятию «самоорганизация» применительно к молодёжи больше соответствуют ее неформальные объединения, нежели общественные организации. Влияние государства на деятельность таких объединений значительно ниже. Более того, такие группы молодёжи чаще являются оппозиционными по отношению к государству, распространяющими альтернативный, нетрадиционный подход к различным сторонам общественной жизни. К ним представители власти нередко относятся снисходительно или вовсе безразлично, стараясь не замечать их существования, если они не нарушают действующее законодательство.

Монопрофильные города в большинстве своем имеют средние или малые размеры, найти единомышленников не составляет особого труда. Проблема же заключается в том, что молодежь не всегда может найти способ реализоваться в условиях малого города, и им приходится так или иначе задумываться о переезде в более крупный или развитый город. Поэтому задача городских властей заключается в том, чтобы

улучшить положение молодежи, создав условия для их самоорганизации и реализации.

Еще одна проблема монопрофильных городов, и малых городов в целом, состоит в том, что власти, как правило, «побаиваются» молодежных объединений, не состоящих под контролем какой-либо политической партии или городской организации, вследствие чего им не оказывается никакой поддержки, а иногда и вовсе власти стараются их разогнать.

Однако, как уже говорилось выше, молодежь - это ресурс развития гражданского общества, но на сегодняшний день он практически не используется. Потенциал самоорганизации молодежи, в основном, реализуется в форме асоциальных неформальных объединений или ориентированных на досугово-развлекательный характер детских и молодежных общественных организаций. В результате, коллективная деятельность становится для молодежи своеобразным развлечением, способом разрядить накопившуюся энергию, а не средством для достижения социально полезных результатов.

Применение социокультурного и социосинергетического подходов к исследованию самоорганизационного потенциала молодежи монопрофильного города дает возможность выявить глубину и направленность происходящих в социуме данного города процессов, которые и являются основой самоорганизации.

Важным вектором развития России на современном этапе является формирование гражданского общества. Условием функционирования гражданского общества является наличие людей, способных конструктивно взаимодействовать с другими силами общества во имя общих целей, интересов, ценностей, а также готовых подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах. «Вырастить» активного субъекта гражданского общества легче с возраста, когда формируется собственно личность. Начинать нужно с молодого поколения, которому завтра жить в государстве, формировать его политику и жизнедеятельность.

Для развития социально активного поведения молодых людей, для формирования кадрового ресурса государственного, а особенно муниципального управления, необходимо обеспечение их эффективного участия в молодежных общественных

объединениях. Это поможет воспитать новое поколение профессионалов-управленцев, которые будут работать на повышение конкурентоспособности страны.

Для подготовки управленцев предлагается использовать технику формирования обогащенного общественного мнения. Обогащенное мнение — это мнение выработанное в процессе совместного анализа и взвешивания. В социологии для этого используется термин «[deliberative](#)», т.е. мнение, несущее в себя итоги, следы обсуждения. Обогащенное общественное мнение определенной совокупности людей это множество суждений, оценок относительно тех или иных фрагментов реальности, выработанное этой совокупностью при наличии необходимой информации по соответствующим проблемам и в процессе широкого межличностного обсуждения.

Важнейшей составляющей процесса обогащения является информирование, представление населению релевантной информации. При этом предполагается, что информация должна быть не только объективной, полной, своевременной, но она должна быть понятной людям. В противном случае под угрозой оказывается сама идея обсуждения. Обогащающей информацией служат результаты исследований, статистика, материалы опросов, свидетельства экспертов, очевидцев [18, p.81; 19, p.16-18].

Формирование обогащенного общественного мнения, осуществляется в 3 этапа.

Этап первый – подготовка и проведение базового опроса общественного мнения по традиционной гэллаповской схеме. Другими словами, изучается сырое, необогащенное общественное мнение.

Этап второй – с участниками обсуждаются соответствующие проблемы; организуются встречи с экспертами; распространяются специально подготовленные материалы; необходимая информация может направляться респондентам через электронную почту. Мероприятия позволяют сформировать у участников четкое понимание общественно-политических реалий.

Этап третий – проводится повторный опрос в группе респондентов, принимавших участие в процедуре обогащения. Интервал между базовым и повторным опросами – от

нескольких дней до полутора-двух месяцев. Предполагается, что за это время все респонденты смогут получить, изучить и обобщить необходимую информацию и сформулировать свое новое отношение к соответствующей социальной проблеме. Финальное распределение ответов респондентов классифицируется как решение центральной, базовой задачи, как обогащенное мнение и как показатель самоорганизации молодежи.

Современный образ жизни, а именно: постоянная борьба за выживание, неизменное стремление быть первым и лучшим, чтобы достигнуть цели, способствуют индивидуализации общества.

Набирающий темпы процесс индивидуализации в российском обществе — результат резкого перехода к капиталистическому укладу. Если построение социализма предусматривало коллективную деятельность, взаимопомощь и взаимовыручку, то капиталистические будни заставляют человека рассчитывать только на собственные силы и самостоятельно справляться с жизненными проблемами. Опросы общественного мнения демонстрируют, что современный молодой россиянин в случае возникновения сложной ситуации рассчитывает в первую очередь на собственные силы, а уж потом на чью-то помощь. Таким образом, налицо изменение ценностных ориентаций современной молодежи: на смену коллективизму приходит индивидуализм, все больше молодых людей принимают деньги как единственно верный жизненный ориентир, значительно сужается круг доверительного общения. Следовательно, изменяются принципы (основания) самоорганизации в современной молодежной среде.

Интернет и другие современные информационные технологии значительно ускоряют темп жизни общества. Соответственно для того, чтобы быть успешным человеком, нужно успевать вслед за жизнью. Необходимость вписаться в подобный режим, все успеть, не утратив темпа обуславливает появление социокультурных образцов ускоренного темпа жизни как способа адаптации к стремительно меняющейся, убегающей реальности.

Подобные образцы жизни на «скорую руку» в условиях «сиюминутности» в современной социологии получили название «инстанткультура».

Главным результатом влияния инстанткультуры стало значительное ускорение процесса самоорганизации. Это значит, что на все стадии процесса образования группы затрачивается значительно меньше времени: процесс ухаживания сокращен до минимума, завести друзей в Интернете становится значительно проще и быстрее, поддерживать отношения (переписываться, встречаться) благодаря современным информационным технологиям удобнее.

В результате процессы самоорганизации в молодежной среде либо имитируются, либо принимаются извне, а актуальная социокультурная среда консервируется. К тому же нерешенности ряда ключевых проблем общества (экстремальная социальная поляризация, существенные масштабы депривации, структурная слабость экономики, коррупция и др.) становятся значимыми предпосылками для негативной консолидации молодежи. В такой ситуации одним из путей, ведущих к успешной самоорганизации молодежи, может стать изменение её типа рефлексивности.

В идеале это должна быть рефлексивность, основанная на ясном представлении о состоянии общества и своем месте в этом обществе и, что крайне важно, своей роли в культурно-историческом пространстве России. При этом рефлексия должна исходить из представления о поликультурности современной реальности, о необходимости взаимодействия и достижения баланса интересов граждан и их объединений, продолжающих и развивающих различные традиции. Рефлексия должна стать более рациональной, опирающейся на понятийное осмысление действительности и предполагающей готовность к выбору из многих возможных вариантов социального поведения.

Тип рефлексии можно исследовать на основе тезаурусного подхода. При этом тезаурус понимается как знаниевая система, но в силу своей направленности на обеспечение ориентации субъекта в окружающем социальном и культурном пространстве, он через механизмы оценивания, отбора, систематизации, исключения выстраивает поведение субъекта, приобретает над ним власть в упорядочении его реакций,

канализации его энергии и т. п. В этом смысле тезаурус объективизируется, материализуется в фактах деятельности [16, с.7].

Молодежь в рамках этой теории трактуется как социальная группа, которую составляют (1) люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, имеющие социальный статус молодых и являющиеся по самоидентификации молодыми, а также (2) распространенные в этой социальной группе тезаурусы и (3) выражающий и отражающий их символический и предметный мир.

То обстоятельство, что институциализированный мир мало освоен молодым человеком, требует от него компенсаторных действий — самостоятельных и предопределенных взаимодействием в реер group (группах сверстников). Постепенно происходит освоение им пространства, правил, реальностей этого мира.

Механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. Причем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от конструкций и проектов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т.д.) и, кроме того, динамично изменяться. Особенностью молодежной среды является совмещение нескольких тезаурусных конструкций, которое ведет к событийной гиперболизации одной из них, — той, что представляется наиболее подходящей в наличной жизненной ситуации.

Общая схема конструирования социальной реальности включает:

(1) адаптацию к условиям среды (пробы и ошибки; узнавание частей среды и правил; изменение поведения в соответствии с правилами; понимание и легитимация части среды через «наше»);

(2) достраивание реальности (символизация через идеальное «благо» и «зло», построение символического универсума; компенсация недоступного; действия по ограждению «своего мира», выделение зоны независимости);

(3) переструктурирование условий среды (игнорирование неважного; изменение пропорций и комбинирование в соответствии с тезаурусом; действие вне «своего мира» в соответствии со своим символическим универсумом).

Эти позиции реализуются как фактический итог жизнедеятельности и как результат осуществления проекта.

Конструирование реальности хорошо видно в действиях различных молодежных групп. Задача состоит в том, чтобы не остановиться на этих хорошо различимых поведенческих, символических и вещных комплексах, нередко выделяемых сторонним наблюдателем с негативной оценочной позиции, а прояснить пути развития социальной субъектности молодежи и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. Для этого можно использовать метод, который используется в библиотерапии (от греч. *biblion* – книга, *therapeia* – лечение) – книголечение, «терапия творческим самовыражением» [2].

Активность молодежи в социальном конструировании реальности составляет важнейшее условие ее социализации и в конечном счете - самоорганизации.

Молодежь – неоднородная среда. В разных городах молодежь имеет собственные специфические черты, связанные с уровнем образованности, экономического развития города, культурными и этническими традициями и т.д. Тем более, если речь идет о монопрофильном городе. В рамках данного исследования автором была предпринята попытка анализа самосознания молодежи города Нижнекамска с позиций тезаурусного подхода.

Показатели самоорганизации студенческой молодежи г. Нижнекамска

Прежде чем приступить к анализу самоорганизации молодежи конкретного монопрофильного города, рассмотрим некоторые тенденции, характеризующие отношение молодежи к проблемам самоорганизации. Данные тенденции позволило выявить исследование «Социальные проблемы молодежи города», проведенное по заказу Управления по молодежной политике города Белгорода Центром социальных технологий Белгородского государственного университета в 2006 году [9]. Исследование включало в себя опрос молодежи (N = 982 респондентов) и экспертный опрос (N = 91). В ходе исследования выяснилось, что более половины молодых людей

не знает ни о молодежных общественных организациях, ни о политических движениях молодежи.

Фактор информированности является далеко не главным среди факторов, определяющих позицию молодых людей в отношении общественных объединений. Значительно более существенное значение имеет способность или неспособность молодежных организаций и движений представить интересы молодых людей. К сожалению, исследование показало, что даже осведомленные о молодежных движениях респонденты в большинстве своем не находят в их работе отражения своих собственных интересов.

Исследование выявило большой процент респондентов, отметивших, что ни одно из движений не отражает их интересы (24,2% респондентов), а также значительную долю затруднившихся ответить на вопрос (17,75% респондентов).

Лишь 5,19% молодых людей отметили, что состоят в политических молодежных организациях. Среди причин своего неучастия в общественных объединениях респонденты выделили в качестве главной – нехватку времени (33,5% респондентов). Каждый десятый респондент посчитал, что свои интересы он может защитить и без помощи молодежных организаций.

Таким образом, формальные общественные организации фактически не востребованы современной городской молодежью. В значительной степени потому, что они иницируются «взрослыми» и не отражают интересов молодых людей.

Но на фоне довольно ярко выраженной общественно-политической пассивности только 16,5% молодежи считали, что сегодня молодежные организации не нужны вообще. Молодежь, как следует из полученных данных, нуждается в досуговых организациях, объединениях по интересам (27,19% опрошенных). 15,27% респондентов отмечали, что существует необходимость в общественных, но не политических молодежных организациях. Политические молодежные организации были нужны только 7,43% молодых людей [14].

Результаты исследований показали, что молодёжь в целом аполитична. В выборах федерального уровня в то время участвовали менее половины молодых россиян, лишь 33

процента молодых граждан в возрасте до 35 лет интересовались политикой. Только 2,7 процента молодых людей принимали участие в деятельности общественных организаций. Возможно, такая пассивность была связана с мнением молодежи, что они не могут изменить существующее положение дел. Еще одной причиной выступило отсутствие веры в политическую систему. Некоторые молодые люди были настолько уверены в коррумпированности этой системы, что выразили неверие в чистоту выборов (на окружном, областном, федеральном уровнях). Следствием этого явилось то, что в выборах участвовали единицы.

Молодежь продемонстрировала безразличное отношение ко многим объединениям, что подтвердилось результатами социологических исследований (51 % опрошенных указали, что ничего не знают о молодежных организациях, а 30 % затруднились с ответом).

Доля молодых людей, являющихся реальными или потенциальными сторонниками неформальных объединений молодежи антисоциального направления (эмо, готы, скинхеды, гопники), составила почти 14%. Большинство из этих группировок, представляющих в целом деструктивную молодежную субкультуру, образовалось в последнее десятилетие. Таким образом, прослеживается негативная тенденция: молодежь все охотнее вступает в асоциальные и антисоциальные объединения, нормой для которых является неприятие культурных традиций и ценностей, сложившихся в обществе.

В 2009 году Н.Ю. Перевозкиной и Е.А. Лазаревой было проведено исследование социальной субъектности молодежи г. Тюмени с помощью выявления её библио-предпочтений. Целью исследования стало изучение библиотерапевтической силы книг и умений молодёжи пользоваться этим качеством литературы. В исследовании использовался анкетный опрос, в котором приняли участие 300 человек. По социальному составу респонденты распределились следующим образом: 7 % рабочих, 10% студентов, 71 % служащих, среди них научные сотрудники, библиотечные работники, бухгалтеры, преподаватели. 52% респондентов имели высшее образование. Женщин – 79%, мужчин – 21% [11].

Таблица 8.1 – Результаты ответа на вопрос №1

Помогает ли Вам в тяжелом психологическом состоянии книга?	г. Тюмень	г. Нижнекамск
да	61 %	58 %
нет	39 %	42 %

В 2010 году автор участвовал в аналогичном исследовании, проведенном среди студенческой молодежи (100 человек) г.Нижнекамска. Девушки из общего числа опрошенных составили 77 %.

Сравнительный анализ показал, что количество утвердительно ответивших на вопрос «Помогала ли Вам в тяжелом психологическом состоянии книга?» примерно одинаковое в г. Тюмени и в г. Нижнекамске. Однако молодые тюменцы несколько чаще обращаются к книге за психологической помощью, около 60 % респондентов отметили, что книга помогает им в тяжелом состоянии. Остальные 40% применяют другие методы улучшения психологического состояния, так как книги им не помогают.

Таблица 8.2 – Результаты ответа на вопрос №2

Если «да, помогает», то кто помог Вам в выборе книги?	процент от ответивших «да»	
	г. Тюмень	г. Нижнекамск
сам(а)	50,8 %	46,9 %
друг	34,4 %	27,4 %
родственник	6,9 %	6,6 %
библиотекарь	1,6 %	4,9 %
учитель	4,9 %	4,9 %
одногоруппница	1,6 %	2,2 %
«родители моего молодого человека»	1,6 %	1,9 %
психотерапевт	-	-
другое	1,6 %	2,4 %

Наибольший процент (около половины) оказался среди тех, кто сам выбрал книгу, которая ему помогла. Причем в

качестве методов поиска некоторые респонденты указали: обращение к интернету (г. Тюмень - 10 человек; г. Нижнекамск - 5 чел.), выбор в книжном магазине (г. Тюмень - 3 чел., г. Нижнекамск - 2 чел.), просмотр книг, библиографических указателей, конференции (г. Тюмень - 1 чел., г. Нижнекамск - 2 чел.), «нашла в домашней библиотеке» (г. Тюмень - 1 чел., г. Нижнекамск - 3 чел.). Конечно, тех, кто использует в качестве средства поиска информации интернет, посещает книжный магазин, находит книги в домашней библиотеке, на самом деле больше, просто об этом они не стали писать.

Интересно, что позицию «друг» в Нижнекамске, как и в Тюмени, выбрали намного больше респондентов, чем позицию «родственник». Скорее всего, потому, что в молодом возрасте проще обратиться за психологической помощью к другу, а не к родственнику.

Позицию «библиотекарь» выбрали в г.Тюмени 1 человек, в Нижнекамске. – 3 человека. По-видимому, это связано с широким распространением в наши дни интернета и с появлением интернет-библиотек. Причем в крупных городах индустрия интернет более развита.

Учителя в качестве лица, помогшего выбрать книгу, назвали в г. Тюмени и в г. Нижнекамске 3 человека, причем 2 из них отметили – «учитель по литературе». Н.А. Никулина пишет: «Все книги не перечитать, не перечитать даже самые лучшие из них, но найти в массиве книг самые нужные для себя – те, что станут любимыми, дорогими, необходимыми, – задача преподавателя словесности, знания которого необходимы современному вузовскому образованию, но пока в должной мере не востребованы» [11, с.180].

Психотерапевта в качестве человека, который помог выбрать книгу, не назвал ни один респондент ни в г.Тюмени, ни в г. Нижнекамске. Как видим, помощь библиотерапевта оказывают все, кто угодно, только не профессионалы-психотерапевты.

Как показывает таблица 8.3, к помощи специалиста-библиотерапевта могли бы обратиться в г. Нижнекамске 62 % респондентов, в г. Тюмени – 55 %. Таким образом, процент тех, кто считает полезной для себя помощь библиотерапевта, достаточно высок. К сожалению, эта потребность людей мало

удовлетворяется – только несколько психотерапевтов в г. Тюмени занимаются библиотерапией, в г. Нижнекамске таковые вообще неизвестны.

Таблица 8.3 – Результаты ответа на вопрос №3

Как Вы считаете, была бы Вам полезна помощь в выборе книги специалиста-библио-терапевта?	г.Тюмень	г.Нижнекамск
да	55 %	62 %
нет	39 %	38 %
нет ответа	6 %	-

Четвертый вопрос анкеты звучал так: *«Назовите, пожалуйста, книги, которые помогли Вам в Вашем критическом состоянии»*. И в г.Тюмени и в г.Нижнекамске в основном респонденты называли произведения художественной литературы, преимущественно прозаические.

Нижнекамцы называли поэзию Э.А. Асадова, А.С. Пушкина, Г.Тукая, М. Джалиля (татарская поэзия), У. Шекспира, прозаические произведения И.А. Ефремова «Таис Афинская», «Лезвие бритвы», Л.Н. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир», А. Экзюпери «Маленький принц», В.В. Набокова «Машенька», Т. Драйзера «Финансист», М. Митчелл «Унесенные ветром», Г. де Мопассана «Жизнь», Ж. Санд «Консуэло», Стендаля «Красное и черное», А. Дюма «Три мушкетера», Дж. Роулинг – книги о Гарри Поттере, М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», К. Маккалоу «Поющие в терновнике», Ш. Бронте «Джейн Эйр» и другие произведения. Респонденты упоминали просто авторов – О. Генри, Ф.М. Достоевский, В. Гюго, П. Коэльо, А. Кристи; называли формы произведений — сказки, мифы, детективы; указывали литературу по психологии; религиозные издания (Библия, Евангелия, Коран); эзотерическую, философскую литературу, а также жизнеописания великих людей.

Молодежь г. Тюмени отмечала поэзию М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, Данте Алигьери, В. Тушновой, прозаические произведения Стендаля «Красное и черное», Е. Гришковца «Асфальт», М. Митчелл «Унесенные

ветром», К. Маккалоу «Поющие в терновнике», А. Грина «Алые паруса», Бегущая по волнам», Т. Драйзера «Финансист», М. Булгакова «Мастер и Маргарита», Б. Васильева «А завтра была война», П. Коэльо «Алхимик», «Книга воина света», С. Моэма «Новеллы», А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине», И.С. Тургенева «Первая любовь», А. Моруа «Письма к незнакомке», А. Дюма «Три мушкетера», И. Ефремов «Таис Афинская», М. Горького «На дне», Н. Островский «Как закалялась сталь». Без указания произведений назывались такие авторы, как С. Цвейг, А.С. Пушкин, А. де Куатье, П. Коэльо, Б. Акунин, А. Кристи, М. Булгаков, Р. Мураками, О. Генри, Э. Хемингуэй, Д. Рубина, Е. Гришковец, Д. Арбенина, И. Строгофф, А. Маринина. Упоминалась литература по философии, книги Э. Мулдашева, учение каббалы, исследования психологов, упоминалась фантастика. Нужно отметить, что тюменская молодежь продемонстрировала более разносторонние библио-интересы чем молодежь г. Нижнекамска.

Некоторые респонденты, как нижекамцы, так и тюменцы писали просто – «художественная литература», «романы», «приключения», «поэзия», «все книги про любовь», «книги по психологии», «современная популярная психология», «детская психология», «любая литература научного характера», «философские книги», «разные молодежные журналы», «познавательное что-нибудь», «что-нибудь интересное».

Пятый вопрос анкеты звучал так: *«Назовите, пожалуйста, книги, которые действовали на Вас явно отрицательно (подавленность, упадок сил, страх, агрессивность)»*. 14 % респондентов на вопрос об отрицательно действующих книгах ответили: «Таких нет». 56 % анкетированных не ответили на этот вопрос.

В г. Нижнекамске респондентами, отвечающими на этот вопрос, были названы следующие книги: Ч. Айтматов «Плаха», Ф.М. Достоевский «Записки из Мертвого дома», Т.М. Рид «Всадник без головы», Д.А.Ф. де Сад «1200 дней Содома», А.И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ». Назывались «детективы» и «любовные романы».

Респондентами г.Тюмени в качестве отрицательно действующих книг были названы: Э.Т.А. Гофман «Золотой горшок», Э. По «Убийство на улице Морг», Е. Ничипурук

«Больно.Ру», «Зеленая трава» (автор не выяснен), «Три поросенка» (английская народная сказка в обработке С. Михалкова), С. Кинг «Мешок с костями», З. Бжезинский «Великая шахматная доска», Ж.-П. Сартр «Стена», «Тошнота», А. Камю «Превращение», А. и Б. Стругацкие «Гадкие лебеди», Е. Замятин «Мы», Э. Золя «Радость жизни». Указывались «рассказы о войне глазами мальчика», книги о Великой Отечественной войне («вызывали агрессию»). Были названы фантастика, ужасы, мифы Древней Греции.

И тюменская, и нижекамская молодежь одинаково негативно оценила воздействие на свое психологическое состояние следующих книг: Н.В. Гоголь «Мертвые души», «Вий», П. Коэльо «Одиннадцать минут», Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», А. Маринина «Реквием». Без указания произведений были названы следующие авторы: Г.Ч. Буковски, Д. Донцова, Ч. Паланик, А.С. Пушкин, Э. По, И. Гончаров, В. Гроссман, Ф.М. Достоевский, А. Камю, С. Кинг, В. Набоков, Л. Петрушевская, Ж.-П. Сартр, Ж. Сименон, Л.Н. Толстой, Э. Тополь. В качестве особо отрицательно воздействующих на молодые умы были упомянуты учебники: «Химия», «Физика», «Экономика», «История», а также учебники по гуманитарным наукам. Кроме того, о таких книгах писали просто: «учебная литература», «слишком заумные, которые нас заставляют читать», «научные, трудно воспринимаемые». И тут есть о чем задуматься преподавателям и авторам учебников.

Подводя итоги исследованию, можно сделать вывод, что различия между библиопредпочтениями студенческой молодежи монопрофильного и полипрофильного города незначительны и обусловлены, прежде всего, социально-экономическими условиями как, например большая развитость компьютерных технологий в полипрофильном городе, более широкие возможности для самореализации и самоорганизации молодежи крупного города. Мы также можем утверждать, что чтение книг является одним из элементов самоорганизации молодежи, так как молодежь, выбирая ту или иную книгу в различных жизненных ситуациях, проявляет стремление к внутриличностному равновесию, что еще раз подтверждает стремление личности к внутренней самоорганизации.

Следовательно, создание благоприятных условий для чтения книг сделает процесс самоорганизации будущих специалистов более эффективным, направленным на развитие многогранной личности. Даже такие традиционные мероприятия, как: «круглый стол» по обсуждению содержания книги, размещение книг в социальных сетях и их обсуждение, распространение электронных книг, могут стать импульсом к процессу самоорганизации молодежи.

Проведенный на основе тезаурусного подхода анализ позволяет утверждать, что систематизируя работу со студенческой молодежью в рамках высших учебных заведений по её научению правильно использовать многообразные литературные и научные источники для стабилизации своего душевного равновесия, развития интеллектуального и социального потенциала, на выходе можно получить человека готового к самосовершенствованию, освоившего посредством книг азы самоорганизации, и именно такие люди в дальнейшем обеспечат более плодотворное становление гражданского общества в нашей стране.

Для определения уровня самоорганизации студенческой молодежи в монопрофильном городе в 2009-2010 годах был проведен анкетный опрос на основе аксиологического подхода. При этом сравнивались системы ценностных ориентации молодых людей, только что поступивших в институт и выпускников, заканчивающих обучение. Поэтому объектом исследования стали студенты I-х и IV-х курсов двух институтов города – Нижнекамского химико-технологического института (НХТИ) и Нижнекамского муниципального института (НМИ). Выбор этих вузов давал возможность сравнивать ценностные ориентации студентов двух различных по своей направленности ВУЗов - технического и гуманитарного. В задачи исследования входило: 1) выяснить ценностные ориентации студентов; 2) определить место знаний, образования, квалификации и профессии в системе ценностей студенческой молодежи; 3) выявить определяющие для формирования системы ценностных ориентации молодежи факторы; 4) осуществить сравнительный анализ полученных данных.

В ходе исследования было опрошено 25% студентов I-х и IV-х курсов НХТИ и НМИ. Всех респондентов можно разделить на две однородные возрастные группы: I-е курсы (244 человека) - средний возраст 18 лет, и IV-е курсы (180 человек) - 21 год. Подавляющее большинство опрошенных (90,3%) холосты (незамужем). Распределение по национальному признаку произошло следующим образом: русские - 48,3%; татары - 42,7%; другие национальности - 9,0%. Таков был социально-демографический портрет респондентов.

При обработке результатов исследования было обращено внимание на то, что различия в системах ценностных ориентации студентов имеют более очевидный характер при сравнении двух вузов, а не I-х - IV-х курсов, как это предполагалось вначале.

Наиболее вероятной причиной того, почему это могло произойти, на наш взгляд, явилась гендерная разница в выборках двух институтов. Так, среди студентов НХТИ - большинство юноши (68 % от общей численности), а в НМИ в основном девушки (82 %). Это дает возможность предположить, что различия в системах ценностных ориентации студентов НХТИ и НМИ - результат полоролевой социализации юношей и девушек.

Среди основных общих черт можно выделить наиболее явные: высокий уровень ориентации студентов на семью; низкая ценность социальной активности и профессионализма; высокое значение таких ценностей как «хорошая работа», «финансовая независимость», хотя при этом ценности «получения образования» и «высокой квалификации» далеко не на первом месте.

При более детальном рассмотрении были выделены особенности, более характерные для мужчин или для женщин. Так, для юношей выше значение «самостоятельности, независимости», «множества друзей», «финансовой независимости», а для девушек более значимы такие ценности как «добродота, честность, порядочность», «любовь к ближнему», «уважение к старшим», «приобщение к ценностям духовной культуры».

В процессе исследования была выявлена некоторая инфантильность студентов. Почти все они (90,8%) находятся на

ожидании у родителей - 93,2% девушки, а юноши - 87,2%. Дополнительные доходы (на 56,9 % случайные) имеют 55,5 % юношей и 19,4 % девушек. Зарабатывать деньги во время каникул студенты тоже не собираются, 35,3 % из них намерены только отдыхать, а 26,6 % опрошенных - заниматься по интересующим их предметам. И, тем не менее, 87,9% всех респондентов заявляют, что могут стать обеспеченными людьми. В их представлении это означает иметь миллион (26,2% опрошенных) или более пяти миллионов дохода (24,3%).

Юноши больше рассчитывают исключительно на свои собственные силы, тогда как девушки планируют обеспечить свое будущее путем удачного замужества. При этом девушки отдают предпочтение пусть небольшому, но гарантированному заработку (так ответили 57,4% из них). Тогда как юноши предпочитают высокооплачиваемую работу, пусть даже связанную с риском (это выбор 71,5% опрошенных юношей).

Как уже было сказано выше, ценности «образование», «квалификация» не являются ведущими в системе ценностных ориентации студентов. Желание получить хорошие знания стало мотивом поступления в институт лишь для 31,2% юношей и для 40,8% девушек, остальных интересует непосредственно «корочка» (такой ответ дали 25,7% юношей и 21,8% девушек) или же мотивом поступления в институт было желание родителей.

Наибольшее влияние на взгляды и убеждения студенческой молодежи оказывает семья (51,8% юноши, 79,8% девушки) дружеское окружение и средства массовой информации (в основном это художественные и развлекательные программы TV, Интернет (34,1% юноши, 17,3% девушки), а также газеты и журналы (4,5% юноши, 3% девушки).

Итак, можно сделать вывод, что различия между ценностными ориентациями студенческой молодежи монопрофильного города разных возрастов и вузов различных профилей незначительны, большую значимость здесь имеют различия гендерного характера, являющиеся следствием усвоения поведенческих норм в процессе полоролевой социализации. Следовательно, при организации условий самоорганизации молодежи в рамках высшей школы,

необходимо учитывать процесс формирования ценностных ориентаций юношей и девушек. Какими должны быть эти условия? Они должны быть гибкими и мобильными, соответствовать ожиданиям молодых людей относительно их полоролевых ценностных ориентаций.

Воспитательные отделы вузов монопрофильных городов должны стать центром притяжения молодежи, «модной тусовкой», удовлетворяющей потребности как в признании, «самостоятельности, независимости», «хорошей работе» (трудоустройство студентов и выпускников), «множестве друзей», так и в «приобщении к ценностям духовной культуры», возможности самореализации. С этой целью в вузах Нижнекамска реализуются различные проекты.

В 2011 году был осуществлен проект «Школа молодого политика», на базе которого формировалось обогащенное общественное мнение. Основной задачей деятельности этой Школы стало повышение правовой избирательной культуры молодежи. К сожалению, значительная часть молодежи, несмотря на конституционное право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, отличается недостаточной гражданской активностью и негативным отношением к формированию институтов государственной власти и самоуправления.

На первом этапе по специально разработанной анкете было опрошено 600 человек студентов, родителей, посетителей обследуемых вузов по вопросам политической и гражданской активности.

Возраст респондентов – от 18 до 30 лет.

Лично участвуют в выборах – 78%

Участвуют родственники – 28%

Не принимают участия – 13%.

Из результатов опроса следует, что молодежь недостаточно информирована о выборах и правовой системе в целом. Повышение общей культуры, правовое воспитание и информирование об избирательном процессе респондентов происходит извне.

Во втором этапе социологического исследования приняло участие 200 человек из числа участников проекта «Школа

молодого политика». Оговоримся, что конкурса среди желающих проведено не было, т.е. сюда могли попасть студенты с любым уровнем подготовки и мотивации. Группа получила максимально полную информацию о политической системе страны, правах человека, своих правовых возможностях.

Возраст респондентов – от 18 до 30 лет.

Лично участвуют в выборах – 94%

Участвуют родственники – 63%

Не принимают участия – 5%.

Очевидно, что интерес молодежи к политическим и общественным проблемам возрос с ростом их информированности. И чем больше знаний получает молодой человек, тем более интересным для него становится активное участие в политической жизни. Идеологические позиции российской молодежи еще нельзя признать сформировавшимися. В молодом возрасте, многие юноши и девушки колеблются в своих идеологических позициях, довольно свободно меняют идеологические воззрения на противоположные, причем за весьма короткий срок.

Основными факторами формирования идеологических позиций являются скорее не социальные, а культурные факторы (воспитание, тип образования, предпочитаемый вид досуга, хобби, группа общения, информационные предпочтения, культурные стереотипы и т.п.). Зачастую тот или иной идеологический выбор определяется кратковременной модой на определенную позицию в конкретной молодежной среде и, стало быть, может быстро меняться при переходе молодого человека из одной коммуникационной группы («тусовки») в другую.

Исследование показало, что методом обогащенного общественного мнения, можно оценить значимость предлагаемого проекта «Школа молодого политика» и понять, что современная молодежь монопрофильного города отнюдь не пассивная масса, не желающая думать о своем будущем и участвовать в общественно-политической жизни разного уровня. Государству и обществу необходимо предлагать молодёжи различные формы самоорганизации, стимулируя

раскрытие её творческих, организационных и других способностей.

Список литературы

1. Бабинцев, В.П. и др. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов, И.В. Бояринова. — Белгород, 2007.
2. Бруно, М.Е. Терапия творческим самовыражением / М.Е. Бруно. — М., 1987.
3. Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. — СПб., 1999.
4. Егоров, В.С. Социальный реализм / В.С. Егоров. — М., 1999.
5. Капустин, В.С. Введение в теорию социальной самоорганизации / В.С. Капустин. — М., 2003.
6. Карпичев, В.С. Организация и самоорганизация социальных систем: словарь / В.С. Карпичев. — М., 2005.
7. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. — Спб., 2002.
8. Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления / учеб. пособие / П.Г. Белкин, В.А. Герович, Е.А. Гороховская и др. — М., 1994.
9. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / под ред. В. П. Бабинцева. — Белгород, 2007.
10. Морозова, Т.И. Проблемы самоорганизации в общественном мнении городской молодежи / Т.И. Морозова. — М., 2007.
11. Никулина, Н.А. Повышение уровня читательской культуры студента как задача современного вузовского образования / Н.А. Никулина // Традиции и современная ситуация в области образования и культуры народов России и стран ближнего зарубежья: сб. статей II Всероссийской науч.-практ. конф., 29 окт. 2009 г. Тюмень: РИЦТГАКИ, 2009. — С.170-180.
12. Парфёнов, К. Б. Самоорганизация населения в трансформируемой социальной системе. Спец.: 22.00.04 – социальные структуры, социальные институты : автореферат / К. Б. Парфёнов. – Хабаровск : ХГТУ, 2003. – 25 с.
13. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 2001.
14. Романов, В.Л. Социальная самоорганизация и государственность / В.Л. Романов. — М., 2003.
15. Стегний, В. Н. Социальный портрет современного студенчества

[Текст] / В.Н.Стегний, Л.Н. Курбатова // Высшее образование в России. – 2010. – № 2. – С. 57-63.

16. Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 18 / под общ. ред. Вл. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 87 с.

17. Хакен Г. Тайны природы. — Ижевск, 2003.

18. Fishkin J.S. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. New Haven: Yale University Press, 1991, pp. 81

19. Fishkin J. S. The Case for a National Caucus: Taking Democracy Seriously // Atlantic Monthly, 1988, August, PP. 16-18.

Глава 9
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ
В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ
МОНОПРОФИЛЬНЫМИ ПОСЕЛЕНИЯМИ

Методологические основы исследования
манипуляции как технологии скрытого управления

Во все времена и эпохи правители и правительства использовали и используют два основных типа управления: открытое (явное) и скрытое (тайное). В первом случае цели управления ставятся и осуществляются открыто, во втором – камуфлируются или замалчиваются. В связи с этим для обеспечения управляемости системы у субъекта воздействия имеется несколько возможных путей:

1) попытаться заставить выполнить навязываемое им действие, то есть сломить сопротивление (принуждение);

2) убедить объект воздействия в необходимости реализации действий, запланированных субъектом управления (убеждение);

3) замаскировать управляющее воздействие так, чтобы они не вызвали возражения (скрытое управление).

Соотношение явного и скрытого типов управления непосредственно зависит, прежде всего, от степени несовпадения интересов управляемых и управляющих; цивилизованности общества, то есть меры приемлемости использования силы, прямого принуждения в общественном сознании; количества финансовых и временных ресурсов; от возможностей и умения правящей элиты использовать различные способы скрытого влияния на массы [14, с.614].

В целом в истории человечества действует определенная закономерность: чем больше расходятся интересы управляющих и управляемых, тем более неприемлемо в общественном сознании является применение в политике и управлении физического принуждения; чем шире возможности правящей элиты использовать скрытые методы и технологии управления и чем большими способностями для этого она обладает, тем в большей степени в политической жизни страны используются методы скрытого управления массами [13].

Скрытое управление производится помимо воли адресата, оно предполагает возможное несогласие адресата с тем, что предлагается (иначе у инициатора нет оснований скрывать свои намерения). Под *скрытым управлением* понимается манипулирование человеком (группой), осуществляемое вопреки его желанию и сохраняющее у него иллюзию самостоятельного выбора.

Манипуляции присутствуют во всех сферах, где имеет место взаимодействие между людьми. Они широко используются:

- людьми в повседневной жизни в ходе межличностного общения;
- властными структурами для упрочения установленного режима;
- деятелями рекламы и специалистами по маркетингу с целью расширения спроса на их товары;
- религиозными проповедниками для расширения влияния их веры;
- общественно-политическими деятелями для привлечения на свою сторону избирателей, населения и т.д.

В социологии управления манипуляция рассматривается также как вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, который он от них ожидает. Здесь *манипулирование по содержанию* представляется как форма управления, при которой цели и интересы объекта управления игнорируются или признаются лишь формально и не принимаются в расчет при принятии управленческих решений в качестве составляющих цель управления. *По форме манипулирование* – это скрытое управленческое воздействие, построенное на фиктивном признании интересов объекта управления и корыстной реализации целей отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур.

Сложность, динамичность и многообразие проявления данного феномена, послужили основанием для использования в исследовании и объяснении манипулирования системной парадигмы, которая позволяет рассматривать проблему манипулятивных технологий управления не изолированно, а в

единстве связей с окружающей средой, постигать сущность каждой связи и отдельного элемента. Такая системность должна исходить из вычленения в управленческой деятельности манипулятивной сущности, акцентирования внимания на определенных технологиях манипулирования и механизмах защиты от них.

На инструментальном и техническом уровне системный подход к манипулятивным технологиям предполагает использование следующих направлений исследования: компонентного (природа манипуляции, качественный и количественный состав и особенности элементов технологии манипулирования); структурного (структура системы манипулирования, ее место в системе управления); функционального (функциональная роль определенных методов и средств манипулятивного воздействия); информационно-коммуникативного (механизм применения манипулятивных технологий управления, условия и факторы их функционирования); генетического (последовательность и направленность развития технологий манипулирования в различные исторические эпохи); интегративного (анализ показателей, характеризующих манипулятивное управление).

В следствии этого системное осмысление социальной сущности технологии манипулирования должно осуществляться при помощи структурно-функционального, деятельностного, информационного, политологического подходов, в рамках которых в дальнейшем будут использованы: институциональный, нормативно-правовой и социологический анализ муниципального управления.

Кроме того, в основу всех подходов необходимо положить *критический анализ* манипулирования как технологии управления. Поэтому под *манипулированием* будет пониматься деструктивное управление и контроль, при которых подчинение осуществляется любой ценой, а интересы объекта приносятся в жертву субъекту воздействия.

Манипуляция, особенно в управленческой деятельности, не осуществляется в виде независимых решений и мероприятий, а реализуется в виде определенных технологий. Специалисты в области исследования манипуляций не дают толкования категориям «манипулятивные технологии управления» и

«технологии манипулирования», хотя и используют их для обозначения некоторого комплекса манипулятивных приемов, реализуемых с определенной целью. Поэтому определяя эти понятия в общем виде, под *манипулятивными технологиями* будем понимать совокупность способов и механизмов регулирования, контроля и управления, осуществляемых при использовании методов манипулирования как основного рычага воздействия на объект в интересах определенного субъекта.

Практическая реализация такого рода технологий выражается в виде определенной деятельности, которую можно исследовать при помощи структурно-функциональной парадигмы, опираясь на постулаты *теории социального действия Толкотта Парсонса*.

Через призму данной теории, *манипулирование* можно представить как акт, социальное действие актора (манипулятора, носителя активного начала, субъекта манипулирования) относительно ситуации (объекта манипулирования), осуществляемое в соответствии со своей целевой ориентацией и направленное на удовлетворение собственных (корыстных, в случае деструктивной манипуляции) интересов.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, представим структуру манипулятивной технологии управления как систему социального действия, состоящую из четырех подсистем:

— *поведенческий организм* – это физические условия, которые предполагают выбор места воздействия (или его специальную организацию) и сенсорный комплекс, с ним связанный.

— *система личности* служит ориентацией на достижение цели. Манипулятивное действие с точки зрения личностного аспекта представлено такими категориями как субъект и объект манипулирования, цели манипулятора или их потребностные диспозиции и т.д.

— *социальная система* направлена на достижение внутренней солидарности. Социальный контекст предполагает учет совокупности переменных общения как реальных, так и условных на макро- и микросоциальном уровнях.

— *система культуры* предназначена для поддержания ценностного образца, снабжая агентов нормами и ценностями, мотивирующими их к действию. Культурный фон манипуляции включает учет особенностей ситуации, определяемых культурными источниками, традициями, языком, нормами, стереотипами восприятия и стратегиями вынесения суждений, системой предрассудков и т.п.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, определим содержание манипулятивной технологии двумя основными аспектами: аспект, связанный с удовольствием и «ориентационный» аспект. Первый составляет «содержание» взаимодействия манипулятора с миром объектов, «что» он извлекает из интеракции с ним, и чего это ему «стоит» (т.е. результат и затраты манипулирования). На «выходе» манипулятор имеет удовлетворение ожиданий или его отсутствие. Второй касается того, «как» манипулятор строит отношение с миром объектов, способов отношений с ним (ориентация, ценности и мораль манипулятора). Оба этих аспекта присутствуют во всех манипулятивных действиях, поэтому могут рассматриваться как элементы технологии манипулирования.

В общем виде, *основная цель* (ориентация) субъектов манипулирования – незаметно внедрить в массы выгодные им стереотипы сознания и поведения для поддержания легитимности власти в глазах населения. В основе такой манипулятивной технологии управления лежит подмена или искусственное принижение одних общественных ценностей и преувеличение других.

Ориентация действия на те или иные объекты влечет за собой выбор (selection), а, возможно, и отбор (choice) [10, с.419]. Выбор становится возможным благодаря когнитивным различиям, локализации и спецификации объектов, которые одновременно или последовательно переживаются как имеющие позитивную или негативную ценность для актора в связи с удовлетворением побуждения и организацией мотивации. Тенденцию актора позитивно или негативно реагировать на объект Т. Парсонс называл катектическим аспектом ориентации. В основе выбора лежат некоторые оценочные критерии, соответственно, оценка манипулятором возможности достичь

своих целей посредством использования того или иного объекта и при этом скрыть факт такого воздействия является категорией для описания ориентации манипулятивного действия.

Основываясь на положениях Т. Парсонса о том, что оценка предполагает не только комбинацию выборов из определенного набора альтернатив, но и анализ фактического набора альтернатив, из которых актором мог бы быть сделан выбор, можно сформулировать следующее предположение: одна из причин, по которым актор прибегает к манипулятивному действию, заключается в ограниченности набора альтернатив в определенной ситуации. Это ограничение задается отношением актора к ситуации и определяет пределы, внутри которых возможна вариабельность, что позволяет нам говорить о возможностях манипулятивного воздействия и границах его использования в управленческой деятельности.

Важен еще один момент: технология манипулирования как система социальных действий включает знаки, которые являются началом *символизации*. «Без знаков и символизации целый «ориентационный» аспект действия был бы бессмысленным, включая концепции «выбора» и «альтернатив», лежащих в ее основе» [1, p.172]. Поэтому конструирование реальности посредством символических действий и информации является основой технологии манипулирования. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать реальность как символическую систему, где манипулятивные технологии служат основным звеном, с одной стороны, поддерживающим определенное состояние, а с другой - разрушающим ее порядок и стабильность. Анализируя систему социального действия на предмет наличия в ней манипулятивных технологий, будем осуществлять поиск действий, которые ожидаются и одобряются в социальной системе, характеризуются искусственной солидарностью, внутренней лояльностью, наличием «нужной» системы ценностей и норм.

Исходя из вышесказанного, отметим, что такой методологический подход позволяет рассматривать *технологии манипулирования* как символическую систему действий по формированию мнимой солидарности и лояльности по отношению к органам администрирования посредством интернализации таких ценностей и норм, которые позволяют

сохранять искусственный консенсус в обществе, территориальное единство нормативного порядка, реализуя при этом собственные интересы актора (манипулятора).

Следуя логике системного исследования, рассмотрим природу и основные признаки манипулятивных технологий управления. Известный российский исследователь Е.Л. Доценко выделил *группы признаков* [5, с.51], отражающих сущность манипулятивного воздействия. Среди них: родовой признак – психологическое воздействие; отношение к объектам манипулирования как средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; скрытый характер воздействия; использование (психологической) силы, игра на слабостях (использование психологической уязвимости); побуждение, мотивационное привнесение; мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий.

Составляющими манипулятивного воздействия, по мнению Е.Л. Доценко, являются: целенаправленное преобразование информации; сокрытие манипулятивного воздействия; степень и средства принуждения и применения силы; мишени воздействия; роботизация, машиноподобие адресата воздействия [5, с.96].

Основными средствами целенаправленного воздействия на массы являются СМИ. Они оказывают воздействие на массовое сознание и поведение населения, которое выступает как пассивный объект манипуляций, подчинения и управления. М. Хоркхаймер в совместной с Т. Адорно работе «Диалектика просвещения: Философские фрагменты» заявляет, что СМИ манипулируют массовым сознанием, стимулируя потребительские настроения. «В условиях подобного рода идеологического гражданского мира имеет место конформизм покупателей бесстыдного производства, которому они потакают... Результатом становится постоянное воспроизводство одного и того же» [12, с.167].

Массовизация, «одномерность» общества была предметом изучения многих ученых, которые писали, что: «масса это недифференцированное множество» (Г. Блумерг) людей, обладающих нестереотипным, несамостоятельным мышлением, приспособленчеством; масса это «синоним

невежества» (Х. Ортега-и-Гассет [8, с.14]), утратившая в своем бытии осмысленные начала и идеалы; масса это «механизированное общество» (К. Юнг [15, с.18]), чье общественное бытие имеет маскоподобный характер, в которой индивидуальное «Я» превращено в функцию; масса это «бюрократизированное общество» (М. Вебер [3, с.69]), способное лишь к подчинению, но не осознанному действию; масса это «толпа» (З. Фрейд [11, с.73], Г. Лебон [6, с.92] и С. Московичи [7, с.421]), не рассуждающая, а повинующаяся страстям. Другими словами, массе присуща общая черта продуцирования искусственной псевдореальности, замены сознательной деятельности индивида или социальной группы иррациональной, рефлекторной символической деятельностью, что составляет главное условие успеха социального манипулирования.

Поэтому, выявив черты массовизации в общественном сознании, можно сделать вывод, во-первых, о том, что на него воздействуют манипулятивные технологии, а, во-вторых, о том, что средства массовой информации превратились в *главный инструмент «административного ресурса»*, обслуживающий текущие интересы власти, они «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [9, с.216].

Наука и практика управления доказали, что манипуляции ведут к непредсказуемым последствиям, к нестабильности общества и неопределенности. Их опасность выражается в усилении напряженности в обществе, отчуждении народа от власти, деградации правящего класса, они также приводят к нарушению системы обмена информацией между властью и обществом. Как отмечается многими зарубежными и отечественными авторами, манипуляции искажают реальные процессы, конструируют новую реальность и чаще всего характеризуются как деструктивные технологии управления. Такие технологии управления характеризуются следующими признаками:

- скрытый характер социально-психологического воздействия;
- отношение к объекту манипулирования как к средству достижения собственных корыстных целей, которое выражается в стремлении получить одностороннюю выгоду;
- отсутствие прямого физического насилия, изменение поведения в интересах манипулятора посредством «конструирования реальности»;
- преобразование информации и тоталитаризм источника сообщений;
- отсутствие реального диалога (обратной связи) с объектом воздействия. Человек - часть массы, не являющейся референтом и не обладающей рациональным мнением;
- использование манипулятивных технологий управления осуществляется с целью получения, реализация и сохранение власти;
- зависимость частоты применения от степени совпадения интересов общества и властвующей элиты.

К сожалению, современная практика управления применяет широкий арсенал подобных технологий воздействия, реализуя их на всех уровнях управления, в том числе и в монопрофильных городах, как на организационном, так и на муниципальном уровне управления. Чтобы оградить население монопрофильных территорий от вредного воздействия манипулятивных технологий, надо уметь диагностировать эту проблему.

Социологическая диагностика применения манипулятивных технологий в муниципальном управлении

Муниципальный уровень управления наиболее уязвим и податлив воздействию манипулятивных технологий. Это объясняется: во-первых, тем, что местная власть, находясь в непосредственной близости к населению, обладает широкими возможностями тотального контроля над информационными потоками муниципалитета; во-вторых, отсутствие в такой системе четких критериев оценки эффективности предоставляет возможности для осуществления манипуляций социальной

значимостью под прикрытием нужд местного сообщества; в-третьих, множество одновременно решаемых локальных проблем позволяет муниципальной власти разобщать местное сообщество и использовать это разобщение для достижения собственных корыстных целей, уходя из-под контроля государства и населения.

При анализе технологий манипулятивного воздействия на уровне муниципального образования в качестве основного средства был использован *социологический инструментарий*. Рассмотрим некоторые результаты проведенных исследований в монопрофильном городе Нижнекамске.

В ходе анализа технологии манипулирования были разделены на две группы:

– массмедийные технологии манипулятивного воздействия на местном уровне;

– технологии манипулирования участием населения в местном самоуправлении.

Применение массмедийных технологий воздействия на муниципальном уровне, по нашему мнению, имеет ряд существенных особенностей. Во-первых, это значимость информации, освещающей местными СМИ, поскольку события, происходящие в городе, могут оказать непосредственное влияние на конкретного человека. Во-вторых, местное самоуправление по результатам реформирования должно вылиться в полное народовластие, где власть реально приблизится к народу. Сможет ли народ реально воспользоваться этой властью, во многом зависит от СМИ. В-третьих, именно местные СМИ освещают деятельность муниципальных органов власти формально подотчетных местному населению.

Наибольшим манипулятивным потенциалом обладают интерпретация и подача информации, поскольку от этого зависит, окажет ли она требуемое воздействие или нет. Одним из средств подачи информации выступает телевидение. Именно телевидение как особая технология и особый социальный институт, по результатам многочисленных исследований, является на сегодняшний день самым популярным информационным источником. Так, для населения города

Нижнекамска⁹ главным источником информации о местных событиях служат выпуски теленовостей (49%). Это послужило предпосылкой для исследования технологий подачи информации, реализуемых с помощью данного источника.

Социологическое исследование информационных выпусков новостей на местных телевизионных каналах «Эфир» и «НТР» осуществлялось посредством контент-анализа¹⁰, который позволил выявить направленность, тематический приоритет, характер и принципы изложения местных новостей. Вся информацию, которая ежедневно доносится до местного населения, можно условно разделить на следующие блоки:

1. Новое событие, происшествие.
2. Местные проблемы (вопросы ЖКХ, качества питьевой воды, экологии, санитарии и др.).
3. Вопросы, касающиеся деятельности местных органов власти (результаты работы, отчеты, планы, перспективы развития на будущее и т.д.).
4. Обратная связь (вопросы, отнесенные на пейджинговую связь с горожанами, «горячая линия»).
5. Образование.
6. Культура и информационное развитие города.
7. Правонарушения, наказания, судебные разбирательства, дорожно-транспортные происшествия.
8. Спорт и спортивные новости.
9. Прогноз погоды.

Выпуски местных новостей начинаются с анонса основных тем выпуска, акцентируется внимание на определенных

---

⁹ Социологическое исследование «Выборы 2004» методом анкетирования. Опрошено 956 человек населения г. Нижнекамска. Проведено в феврале 2004 года по репрезентативной выборке Н.В. Губиной, Р.С. Юнусовой (Рафиковой)

¹⁰ Юнусова (Рафикова) Р.С. Контент-анализ информационных выпусков новостей на местных телевизионных каналах «Эфир» и «НТР». **Примечание:** Проанализирован 51 выпуск с разбивкой на три периода: 29 июля – 13 августа 2003 года (летнее время, период отпусков), 7 октября – 3 декабря 2003 года (период предвыборной кампании в Государственную Думу РФ), 25 февраля – 19 апреля 2005 года (период активной реализации административной, пенсионной, жилищно-коммунальной и социальной реформ).

тематиках и задается настрой для аудитории. Анонсы подаются в форме утверждений, не предполагающих обсуждения и плюрализма мнений по поводу определенного события. Такая манипулятивная технология СМИ закрепляется в сознании населения при помощи еще одной технологии – повторения. Диктор, освещая события, в точности повторяет фразу, вынесенную в анонс новостей, в результате чего утверждения принимаются аудиторией и укрепляются в сознании как определенные стереотипы.

Анализ дифференцированных нами блоков новостей позволяет выявить и другие манипулятивные технологии, используемые в ходе трансляции событий городского масштаба. Представим характеристику каждого из блоков.

I блок. Выпуск новостей, как правило, начинается с какого-либо события, происшествия, т.е. так называемой «новости дня». В результате чего обеспечивается сенсационность определенных событий, им придается особая важность и уникальность, на них концентрируется нужное время и удерживается внимание публики. Под прикрытием сенсаций можно умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить.

В качестве сенсации могут выступать совершенно разные события, причем это не зависит от знака информации (положительная или отрицательная). Практически половина выпусков (49 %) начинается с сообщений об аварии, пожаре, трагической гибели, задержании преступников, ДТП и т.п. – это задает определенный эмоциональный настрой. Из 51 выпуска новостей только в 4 случаях «производители новостей» начали с актуальных сообщений в сфере городского управления: строительство еще одного НПЗ, проблемы реализации пенсионной и социальной реформ и др. С нашей точки зрения, «сенсационные» события, выставляемые на первый план, определяют некий приоритет актуальности, который должен сформироваться в сознании жителей города.

II блок. Местные проблемы, текущая жизнь города – достаточно важная и волнующая тема для жителей города Нижнекамска. Если рассматривать статистику освещения тех или иных проблем, а также событий, произошедших за этот период, то объем подачи положительных и нейтральных сообщений существенно превышает отрицательные. Для того

чтобы соотнести транслируемую информацию и действительно волнующую население города приведем некоторые результаты исследований.

Согласно вышеотмеченному исследованию 2004 года, наиболее остро в городе Нижнекамске, по мнению местных жителей, стоят проблемы загрязнения окружающей среды (7,07), вопрос работы жилищно-коммунальных служб (6,78), проблемы падения нравственности (6,63), а также вопросы медицинского обслуживания (6,34¹¹). Однако контент-анализ теленовостей показал, что из 51 выпуска только 4 сообщения были посвящены проблемам экологии, причем два из них касались событий, отражающих состояние окружающей среды за пределами города Нижнекамска. Вопрос падения нравственности и пропаганда нравственного поведения практически не освещается местными информационными выпусками ни канала «Эфир», ни канала «НТР» (1 сообщение). При этом в выпусках новостей данный вопрос не освещается в качестве проблемы, которая стоит перед жителями города и, соответственно, не заставляет задуматься.

Среди наиболее популярных вопросов, поднимаемых местными телевизионными СМИ, стоят проблемы работы коммунальных служб. Несмотря на большую обеспокоенность и недовольство граждан работой коммунальщиков, а также системой тепло- и водоснабжения (это просматривается не только по данным опросов, но и по сообщениям горячей линии 077 «НТР», пейджинговой связи «Эфир»), информация по этим проблемам носит нейтральный или в некоторых случаях даже положительный характер. Прослеживается лишь констатация фактов: «нет горячей воды, идет опрессовка», «восстановлено водоснабжение», «перебои с холодной водой» и т.д. Однако критики работы властей не наблюдается ни в одном из исследуемых выпусков. Наоборот, «Нижнекамский водоканал – лучший среди предприятий России в сфере ЖКХ по итогам Всероссийского конкурса предприятий ЖКХ России. Получено Гран-при» или «Реформа ЖКХ. ЖЭУ – впереди планеты всей»¹².

---

¹¹ Средний ранг актуальности проблемы по шкале от 0 (совсем не актуальна) до 10 (очень актуальна) по все выборочной совокупности / Социологическое исследование «Выборы 2004» .

¹² Новости телеканала «Эфир» 18 марта 2005 года.

И это притом, что в 43-х из 51-го выпуска население жалуется на работу коммунальных служб.

Освещение таких проблем, как качество медицинских услуг, благоустройство дворов, состояние городских дорог, уровень безработицы, проблемы наркомании, социальной защиты пенсионеров и инвалидов и др., происходит поверхностно. Акцентируется внимание не на положении дел в той или иной области, а на том, какие достижения здесь имеются. Соответственно население, наблюдая за реальным состоянием вопроса и транслируемой позицией, теряет свое доверие к этому источнику информации.

III блок касается освещения деятельности местных властей: планы, отчеты, решения и т.д. Это происходит относительно регулярно, из 51 выпуска было 33 сообщения о работе органов муниципальной власти, причем 10 из них приходилось на Главу города, а 7 – на его заместителей. Кроме того, необходимо отметить, что в рамках нашей выборки совершенно отсутствовали репортажи о деятельности представительной власти города, за исключением отчета главы администрации перед народными депутатами.

Итак, большинство сообщений (до 80%) о деятельности муниципальных структур носит положительный характер, освещаемые здесь события направлены на разъяснение их созидательных усилий. В случае предъявления конкретных жалоб на местные власти со стороны населения, действует технология перенесения ответственности: «городские власти недовольны работой ДЕЗа...», «руководители дорожного хозяйства оказались в зоне критики местных властей...» [1]¹³ и т.п.

С одной стороны критика в адрес местных властей имеется, однако она носит, во-первых, не персонифицированный характер; во-вторых, остается только на словах, нет конкретного механизма решения. Как следствие, формирование таких положительных стереотипов в сознании местного населения позволяет органам управления получать поддержку граждан в более спорных вопросах.

---

¹³ Новости телекомпании «Нижекамского телевидения и радио» (НТР) 8 августа 2003 года.

V-VI блоки. Анализ блоков сообщений об образовании и культурном развитии города показал, что эти вопросы затрагиваются в каждом выпуске, причем в среднем по продолжительности составляют по 3 и 5 минут соответственно. Доля такой информации в совокупности втрое превышает материалы о деятельности муниципальных органов власти (III блок) и вдвое информацию о вопросах местного характера (II блок). Такое насыщение новостей особенно телеканала «Эфир» событиями из сферы культуры (в среднем по 3 сообщения из 8) позволяет отвлечь телезрителя от реальных проблемах города и создать иллюзию «вечного» праздника.

VII блок. Не менее популярна тематика правонарушений, судебных разбирательств, дорожно-транспортных происшествий и т.п. Однако наряду с положительными моментами их трансляции, отрицательным является то, что имеет место подавление нужной информации, а именно, одновременно с освещением проблемы основной акцент делается на уже проделанной работе органов местной власти.

Таким образом, постоянство большого объема положительной информации в каждом новостном выпуске обуславливает подтверждение выдвинутой нами гипотезы о том, что характер деятельности и темы, освещаемые местными средствами массовой информации, направлены на формирование позитивного образа муниципальных органов власти. Справедливости ради следует отметить, что иногда в выпусках местных новостей присутствует информация, критикующая некоторые события и факты. Однако их подача осуществляется избирательно и в таком ракурсе, чтобы показать, что местные органы власти используют все возможные варианты решения этих проблем.

В целом, можно отметить, что состав информации, вид подачи и тематика новостей, говорят о том, что местные средства массовой информации находятся под контролем органов городского управления. Отсюда и применение манипулятивных технологий воздействия при конструировании общественного мнения, среди которых преобладают сенсационность, утверждение, повтор, дозирование, и др. Все это способствует тому, что местные средства массовой информации концентрируют внимание на наиболее

нейтральных событиях и действиях, значительно обедняя и упрощая действительное положение дел в городе, формируя тем самым, «одномерное» мышление населения.

При исследовании печатных СМИ Нижнекамска прослеживается, практически, та же тенденция. Контент-анализ публикаций, касающихся деятельности муниципальных органов власти в газетах «Ленинская правда» и «Нижнекамское время» позволил выявить применение некоторых манипулятивных технологий воздействия.

О манипулятивной селекции публикуемой в СМИ информации свидетельствует соотношение количества обращений населения в органы власти и публикаций по различным вопросам жизнедеятельности монопрофильного города, что наглядно представлено на рисунке 9.1 (для удобства мы присвоили баллы (места) различным сферам жизнедеятельности по степени актуальности и освещенности, так, 1 место – наиболее актуальное, 11 – наименее актуальное).

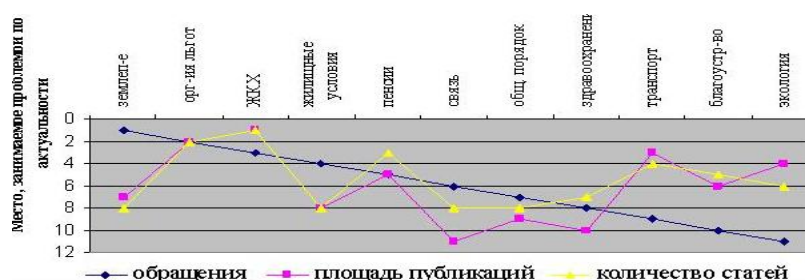

Рисунок 9.1 – Сравнение актуальности проблем, беспокоящих граждан, и рассмотрение этих проблем в печатных СМИ г.Нижнекамска

Публикуемые в СМИ сообщения не учитывают реальных проблем городского сообщества. Это подтверждается и результатами социологического опроса 2005 года: городские СМИ освещают только крупные события (27%), освещают проблемы, но не основные (43%), практически не информируют

о реальных проблемах города (11%)¹⁴. В итоге, актуальные проблемы остаются неосвещенными, а на замену им приходит хорошо сконструированная положительная информация. Кроме того, практически отсутствуют публикации на страницах газет писем и обращений граждан и общественных организаций. За анализируемый период (3 года) в газетах было опубликовано лишь три письма. А ведь именно такие публикации позволяют говорить о газете как об одном из механизмов обратной связи горожан с местной властью и позволяют судить о реальных проблемах, волнующих население.

В ходе исследования был выявлен «знак» публикуемой местными СМИ информации о муниципальной власти. Печатные издания города формируют положительный имидж местных органов власти. В этом плане особенно выделяется «Ленинская правда». Здесь доля отрицательной информации составила 8%, а 77% материалов, относящихся к выборке, имеют положительный знак. Среди публикаций газеты «Нижекамское время» доля отрицательной информации несколько выше (20%), однако положительная информация представлена в том же объеме – 77%. Со страниц газет просматривается благоприятный образ руководителя, который заботится о городе и его жителях. Подобное положение легко объяснить – учредителями газет являются органы местного самоуправления, что ставит СМИ в зависимость от этих органов.

Анализ также показал, что в связи с проведением предвыборной кампании доля информации о местных властях увеличивается, плюс добавляется информация о кандидатах. Была выявлена весьма высокая зависимость (по шкале Чеддока) предпочтений нижекамцев на выборах от объема и характера (знака) информации о кандидате в прессе. *Коэффициент линейной корреляции* между объемом информации о кандидате и долей лиц, отдавших за него свои голоса, составил 0,97, что говорит о приближении этих переменных к причинной зависимости. Победа кандидата от власти связана не только с

---

¹⁴ Социологическое исследование «Проблемы городского сообщества в период муниципальной реформы» кафедры ГУиС. Опрошено 926 человек населения г. Нижнекамска в январе 2005 года.

преобладание информации о нем, но и с тем, что он фигурирует в СМИ с «авторитетами различного уровня». Это свидетельствует о применении такой манипулятивной технологии как использование авторитетных лиц, пользующихся доверием у местной аудитории.

В связи с этим хотелось бы привести слова Н. Бердяева: «Личная пригодность человека для общественного дела отступает на второй план перед условной и рутинной фразеологией. Качества личности у нас мало ценятся, и не ими определяется роль в общественной жизни. Поэтому у нас так много ложных общественных репутаций, много имен, созданных властью слов, а не реальностей» [2, с.3].

Далее рассмотрим технологии манипулирования участием населения в местном самоуправлении. Особенность муниципального управления позволяет выделить целый арсенал средств, позволяющих манипулировать неотъемлемым правом жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения, оказывая воздействие на их социальную активность.

Новое федеральное законодательство об общих принципах организации местного самоуправления расширяет перечень форм прямого волеизъявления граждан. Однако пока не разработан механизм их реализации, они остаются лишь декларацией. В реальности же наблюдаются широкие возможности манипулирования инструментами народовластия.

Одной из таких манипулятивных технологий является *манипуляция опросами общественного мнения*. Результатом такого воздействия при формировании общественного мнения является убеждение аудитории в том, что все сведения и материалы истинны, так как они основаны на мнении общественности. Фабрикация опросов и рейтингов и фрагментация полученной при их проведении информации как составляющие универсальной манипулятивной технологии управления направлены на формирование системы установок, социального образа мира и предопределяют электоральное и социальное поведение граждан.

Так, в ходе опросов населения города Нижнекамска, проводимого информационно-аналитическим отделом аппарата Главы администрации, формулировка некоторых вопросов

выглядела следующим образом: «Насколько хорошо Парламент выполняет свои конституционные полномочия по принятию законов республики?» или «В какой степени Вы доверяете Президенту РТ?», «Как Вы считаете, население нашего города и района живет лучше, хуже или также по сравнению с населением соседних районов?» или «Считаете ли Вы, что новые органы муниципального управления смогут эффективно решать проблемы людей и вопросы жизнеобеспечения своих территорий?»¹⁵.

Постановка таких вопросов уже не предполагает отрицательного ответа, не ставится под сомнение ни доверие к тому или иному органу, ни улучшение ситуации, ни эффективность осуществления полномочий, здесь требуется только оценить степень согласия с этим. Отсюда – тенденциозные формулировки, обилие модальных слов, отсутствие обоснований показателей. В результате снижается объективность оценки, а ответ превращается в формальный выбор в интересах инициатора опроса.

Фальсификация и спекуляция данными опросов общественного мнения, фрагментация полученной при их проведении информации, а также конструирование посредством этого рейтингов представляют собой универсальную манипулятивную технологию. Применение такой технологии воздействия направлено на формирование системы установок, социального образа мира, предопределяющих электоральное поведение, а также обуславливающих активность граждан в самоуправленческой деятельности. При этом опрос превращается не в форму непосредственного осуществления местного самоуправления и даже не в форму отражения общественного мнения, а в инструмент контроля и манипулятивного воздействия на активность местного сообщества.

Для изучения манипулятивных технологий воздействия на активность в сфере управленческого участия автором проведен вторичный анализ исследований российских социологов, а

---

¹⁵ Социологический опросы: «26 вопросов о политике и не только...» (март 2004); «Выборы — 2003» (ноябрь 2003); «27 вопросов о политике в Российской Федерации и Татарстане» (ноябрь 2005).

также ряд собственных социологических опросов населения города Нижнекамска. В качестве *основной гипотезы* выступало следующее предположение: управленческая пассивность является результатом использования манипулятивных технологий управления и обусловлена, с одной стороны, отстраненностью и отчужденностью основной массы граждан от принятия и реализации управленческих решений, а с другой – слабым стремлением местных органов власти привлечь население к управлению.

В ходе анализа были выделены следующие основные тенденции, характеризующие развитие данной проблематики.

Во-первых, на практике не всегда реализуются права граждан на участие в управлении делами города.

Так, например, публичные слушания, предусмотренные Федеральным законом № 131, как форма согласования и обсуждения с жителями муниципального образования проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, должны предусматривать заблаговременное оповещение жителей о времени и месте, заблаговременное ознакомление с проектами и т.д. Однако информация о проектах и времени проведения публичных слушаний уставов муниципальных образований «Нижнекамский муниципальный район» и «Город Нижнекамск» была опубликована только в одной местной газете «Ленинская правда» от 25 октября 2005 года.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что дни проведения слушаний по столь значимым для местного населения вопросам, были назначены на будни (19 и 21 ноября), причем время проведения было выбрано 9 и 14 часов, соответственно, когда практически все занятое население находится на рабочих местах и не имеет возможности принять участие в публичных слушаниях. Посредством таких технологий муниципальные власти сознательно ориентируют местное сообщество на неучастие, превращая эффективную технологию в инструмент манипулирования.

Во-вторых, растет число лиц, убежденных в том, что эффективных способов влияния на власть не существует вообще. Данные исследований свидетельствуют, что больше половины граждан России не видят никаких способов и

возможностей воздействия на власть. Для них российская власть существует сама по себе и сама для себя. По результатам нашего исследования в городе Нижнекамске в 2005 году, 10% опрошенных считают, что имеют возможность влиять на решение городских властей; еще 26% ответили, что могут влиять лишь в отдельных случаях; практически половина (48%) отметили, что такой возможности у них нет.

Результаты опроса 2005 года показали, что причинами низкого влияния населения на власть являются: отсутствие желания у городских властей сотрудничать с гражданами (45%); решения городских властей принимаются без учета мнения населения (42%); горожане не информированы о деятельности городских властей (23%), отсутствие времени и желания сотрудничать с нынешней властью (соответственно 20% и 17%); такие люди, как я, ничего не понимают в работе органов власти (6%).

Таким образом, несмотря на расширение возможностей самоуправления, в сознании населения городские власти остаются такими же недоступными и влияние на принятие ими управленческих решений практически невозможно. Соответственно, ставится под сомнение сам институт самоуправления.

В-третьих, плохая информированность населения о деятельности органов власти задерживает активность населения на низком уровне. Данные авторского исследования в Нижнекамске в 2005 году демонстрируют непонимание целей и смысла нижекамцами осуществляемой муниципальной реформы: лишь 11% ясно представляют себе ход реформирования, «не вполне» и «нет» – ответили, соответственно, 46% и 25% респондентов, еще 17% затруднились дать ответ по этому поводу. В целом, можно сказать, что более 80% нижекамцев не имеют ясного представления об осуществляемой муниципальной реформе.

В-четвертых, вовлеченность граждан в какие-либо формы самоорганизации находится на невысоком уровне.

Небольшой процент готовых активно отстаивать свои права обусловлен практически тем же, что и нежелание участвовать в управлении. Исследование позволило получить следующие комментарии нижекамцев по этому поводу:

«бесполезно», «ничего это не изменит, власть коррумпирована», «сотрут в порошок», «у меня нет времени на подобные мероприятия» и т.п.

Анализ гражданской активности позволяет сделать вывод, что наиболее активной формой участия граждан в управлении остаются выборы в различные структуры власти. Заинтересованность в выборном процессе проявляют в среднем около 60% граждан. Достаточно активно участвуя в выборах, нижекамцы наравне с другими россиянами не очень им доверяют: на вопрос о том, позволяют ли выборы в различные структуры власти способствовать соблюдению демократических принципов, только 15% ответили утвердительно, 49% сказали, что не всегда, а 33% категорически отвергли данное утверждение [4, с.52].

В-пятых, отстраненность граждан от принятия управленческих решений на местном уровне обуславливается низким уровнем доверия к органам местного самоуправления и высокой степенью незащищенности граждан от административного произвола, что является следствием манипулятивных технологий воздействия.

Высокая степень незащищенности от административного произвола обуславливает низкую активность обращения граждан к органам власти при возникновении тех или иных проблем. Так, результаты исследования, проведенного в Нижнекамске, показали, что в случае возникновения серьезных проблем горожане, скорее всего, обратятся к родным и близким (66%), а также к друзьям (34%), лишь 4% и 3% опрошенных заявили, что будут искать помощи у органов государственной, муниципальной власти и депутатов.

Так или иначе, определенная доля граждан все же доверяет местным органам власти. Однако практически все исследования показывают превалирование доли граждан, не доверяющих местным органам власти над доверяющими. Эта тенденция подтверждается и в результатах нашего исследования по Нижнекамску. Оценка степени доверия к той или иной городской структуре по шкале от 0 (совсем не доверяю) до 10 (доверяю полностью) показала, что городские структуры имеют ранг доверия ниже среднего – от 2,83 до 3,82. Менее всего

доверяет населению представительному органу власти, который им же и был избран.

Это обусловлено тем, что, по мнению нижекамцев, в первую очередь местные власти защищают свои интересы (51%), интересы своего руководства (28%), далее почти на одном уровне идут интересы города и государства (16%) и интересы своего ведомства (15%), и последнее место – интересы горожан (7%). Таким образом, по представлениям населения, для муниципальной власти приоритет интересов личного и ведомственного характера в четыре раза выше интересов города и городского сообщества. Такие представления населения складываются в контексте понимания людьми шансов на реализацию своих экономических и социальных интересов и во многом предопределяют их активность.

И, наконец, в-шестых, органы власти на местах не готовы к систематическому взаимодействию с населением и не практикуют активизацию местных жителей для участия в управлении.

По данным экспертного опроса среди руководителей отделов аппарата администрации и депутатов Нижнекамского объединенного Совета в 2004 – 2005 гг., муниципальные власти Нижнекамска в большей своей массе не ориентируются на мнение населения при принятии управленческих решений. 33,3% опрошенных в 2004 году отметили, что их решения базируются на мнении горожан, а 66,7 %, что мнение граждан учитывается, но не по всем вопросам. Как показал экспертный опрос в 2005 году, население не всегда может влиять на решения местных властей (65%), о том, что «такая возможность имеется», твердо заявили 20 % респондентов.

В результате вполне закономерны суждения нижекамцев о реагировании на действия местных властей. Лишь 13% обычно одобряют и поддерживают муниципальные органы, практически половина (49%) вынуждены приспосабливаться, стараются держаться от властей в стороне 17%, и 5% относятся к городским властям Нижнекамска с неприязнью, и, когда возможно, стараются им противодействовать. В целом большинство населения придерживается пассивной позиции вынуждено принимать решения властей без какой-либо дискуссии.

Таким образом, проведенный нами анализ манипулятивных технологий муниципального управления, применяемых в конкретном монопрофильном городе, позволяет сделать следующие выводы:

- местные СМИ зависимы от муниципальной власти, что приводит к унификации представляемой информации и оценок;

- опросы общественного мнения являются основными инструментами манипулирования, которые проявляются в виде создания нужного конструкта в первом случае это позитивный образ, а во втором – выгодные властным структурам рейтинги и данные, так называемого, общественного мнения;

- населению не поступает необходимая информация, которая могла бы активизировать его на участие в самоуправлении. Наоборот, наблюдается все большая завуалированность информации и внедрение манипулятивных технологий, которые «усыпляют» население, заглушают в нем активность;

- население не выражает активности из-за отсутствия у него реальных рычагов и возможностей влияния на муниципальное управление;

- господствующая власть эксплуатирует политическую и социальную активность населения, используя при этом СМИ и административный ресурс.

Подводя итог, можно сказать, что манипулирование людьми не является открытием современного общества. Проблема взаимоотношений власти и общества волновала человечество с самых древних времен. На протяжении многих веков происходила эволюция и совершенствование технологий власти и социального управления в обществе. Цель таких изменений – используя наименьшие затраты средств и ресурсов, извлечь максимальный эффект от воздействия на людей, обеспечив их «добровольную» подчиняемость. Переход же к информационному обществу лишь способствовал трансформации манипуляций и переносу их на все уровни управления.

В качестве концептуальной схемы для анализа технологии манипулирования послужила теория социального действия Т. Парсонса. Такой подход позволил представить структуру

(условия, субъект и объект манипулирования) и функции (мотивационный и ориентационный аспекты) манипулятивного действия. В дополнении к структурно-функциональному подходу исследования используется неомарксистский подход (о манипулятивной сущности СМИ), который усилен постмодернистской концепцией (о симуляции как господствующем типе нынешней фазы развития).

Эмпирические исследования системы муниципального управления позволяют подтвердить манипулятивный характер деятельности местных органов власти и подконтрольных им средств массовой информации.

Такое использование манипулятивных технологий управления приводит к апатии, отчуждению народа от власти и дезорганизации общественной системы, к снижению социальной активности и способности к самоорганизации. И, как следствие, общество лишается основного элемента эффективного механизма управления – социального контроля. Функционирование общественной системы лишенной социального контроля, представляется не безопасным. В связи с этим требуется комплексная система защиты населения от манипулятивных технологий управления.

Список литературы

1. Parsons, T. The Action Frame of Reference and the General Theory of Action Systems / T. Parsons. – 1962. – 803 p.
2. Бердяев, Н. Слова и реальность в общественной жизни / Н. Бердяев // Городское управление. – 2003. – № 9. – С.2-4.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990. – 704 с.
4. Губина, Н.В. Нижнекамцы на пороге XXI века: проблемы, предпочтения, интересы / Н.В. Губина // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 10: Социология. – Нижнекамск : Нижнекамский филиал МГЭИ, 2003. – С. 42-53.
5. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – СПб. : Речь, 2003. – 304 с.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб., 1989.
7. Московичи, С. Век толп / С. Московичи // Психология масс. – М., 1998.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991.
9. Паренти, М. Демократия для немногих / М. Паренти. – М.:

- Прогресс, 1990. – 216 с.
10. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2000. – 880 с.
  11. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
  12. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – СПб., 1997.
  13. Цуладзе, А. Политические манипуляции или покорение толпы [Электронный ресурс] / А. Цуладзе. – Режим доступа: <http://www.media.utmn.ru>, свободный.
  14. Шейнов, В.П. Психология влияния: Скрытое управление, манипулирование и защита от них / В. П. Шейнов. – М. : Ось-89, 2002. – 720 с.
  15. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : Канон, 1994 . – С. 18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в книге результаты многочисленных исследований позволяют с полным основанием утверждать, что население монопрофильных городов в ситуации глобального экономического кризиса оказалось в более худших условиях, чем остальные жители России, испытывая различные по характеру и масштабу проблемы, которые связаны не только с экономическим положением страны, но и со специфическими проблемами региона, с состоянием отрасли, к которой относится градообразующий комплекс.

Российская социология проявила повышенный интерес к изучению социальных проблем в конце двадцатого столетия, в период трансформации государственной системы и в этот же период обратилась к изучению монопрофильных городов как болевым точкам российской экономики, но как только обстановка в стране стабилизировалась, интерес к этим объектам заметно снизился.

Мировой экономический кризис 2008 года вновь приковал внимание и учёных и политиков к проблемам монопрофильных городов. Это связано с тем, что именно в таких городах, представляющих собой целостную социально-пространственную систему, сосредотачивается основная производственная деятельность человека, формируется его жизнь под давлением социальных обстоятельств. При этом энергия монопрофильных городов может быть как положительной, так и отрицательной. В первом случае город развивается как интенсивное коммуникативное пространство, он становится местом концентрации производительных сил и отраслевой науки. Во втором – источником разного рода девиаций и деградаций, разрушительных для всего российского общества.

Монопрофильные города появлялись искусственно по воле проектировщиков в короткий временной промежуток и характеризуются ограниченной специализацией экономической базы. Это затрудняет процесс формирования в данных городах естественных условий для развития. В них нет исторически сложившегося культурного прошлого, нет внутренних социокультурных резервов для выживания. Градообразующие

предприятия, лишившись внешних источников, обеспечивающих их функционирование, выступают в роли детонатора социального взрыва. Социологический анализ ситуации, в которой оказались такие города, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как в этих городах проживает и трудится четверть населения страны.

Исследования, приведённые в данной монографии, лишь частично позволяют увидеть глубину проблематизации жизни монопрофильного города, но и этот материал показывает, насколько велика роль и ответственность государственных и муниципальных органов власти при решении насущных проблем монопрофильного города и какими могут быть последствия для всей страны, если проблемы не будут решаться вовремя.

ОБ АВТОРАХ

	<p>Губина Наталья Викторовна — д.с.н., декан факультета экономики и управления НХТИ, зав. кафедрой ГМУСМ. Член-корреспондент РАЕ, Заслуженный деятель науки и образования. Область научного интереса - управление социальными процессами в монопрофильном городе. Подготовила в качестве научного руководителя 5 кандидатов наук. Автор около 100 научных и учебно-методических работ, из них 5 монографий. Статьи Губиной Н.В. выходили в журналах: «Власть», «Муниципальная власть», «Социологические исследования» и др.</p>
	<p>Никифорова Наталья Ивановна — к.с.н., зам. директора НХТИ по учебно-методической работе, доцент кафедры ГМУСМ. Успешно ведет научные исследования в области изучения ценностных ориентаций населения монопрофильного города. Автор 35 публикаций, из них 23 научных.</p>
	<p>Александрова Ирина Валерьевна — к.с.н., зам. зав. кафедрой ГМУСМ, доцент, Автор более 50 статей, методических разработок по проблемам социального управления процессами воспроизводства населения и демографического развития моногородов</p>

	<p>Тухватуллина Марина Александровна – к.с.н, доцент кафедры ГМУСМ. Выпускница этой кафедры 2004 года. Область научных интересов – социологический анализ проблем информационного обеспечения муниципального управления.</p>
	<p>Хайдаров Рамис Рамилович — к.с.н., доцент кафедры ГМУСМ. Сфера научных интересов: муниципальное и местное самоуправление, этнические отношения и устойчивое развитие моногородов. Автор 43 научных публикаций, в том числе и двух монографий в соавторстве.</p>
	<p>Юнусова Регина Салаватовна — к.с.н., доцент кафедры ГМУСМ. Выпускница кафедры 2002 года. Область научных интересов – трансформация системы государственного и муниципального управления, манипулятивные технологии муниципального управления. В настоящее время имеет 26 опубликованных работы, из них 17 - по теме научного исследования.</p>
	<p>Хамидуллин Марс Алмазович - ассистент кафедры ГМУСМ. Выпускник кафедры 2007 года, обучается в аспирантуре КНИТУ. Область научного интереса — самоорганизация молодежи монопрофильного города. Активный член молодежного движения г. Нижнекамска. Дважды лауреат премии Президента РФ по поддержке талантливой молодежи, победитель всероссийского конкурса «Лидер XXI века».</p>

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА
КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

МОНОГРАФИЯ

Корректор Габдурахимова Т.М.
Худ. редактор Федорова Л.Г.

Сдано в набор 12.01.2012.
Подписано в печать 27.02.2012
Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,4. Тираж 1000.
Заказ № 3.

НХТИ (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», г. Нижнекамск,
423570, ул. 30 лет Победы, д. 5а